

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ОБЩЕМУ
И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

«НАУКА»

МОСКВА — 1993

Главный редактор: Т.В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

Заместители главного редактора:

Ю.С. СТЕПАНОВ, Н.И. ТОЛСТОЙ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АБАЕВ В.И.
БАНЕР В. (ФРГ)
БЕРНШТЕЙН С.Б.
БИРНБАУМ Х. (США)
БОГОЛЮБОВ М.Н.
БУДАГОВ Р.А.
ВАРДУЛЬ И.Ф.
ВАХЕК (ЧСФР)
ВИНТЬЕР В. (ФРГ)
ГРИНБЕРГ Дж. (США)
ДЖАУКЯН Г.Б.
ДОМАШНЕВ А.И.
ДРЕССЛЕР В. (Австрия)
ДУРИДАНОВ И. (Болгария)
ЗИНДЕР Л.Р.
ИВИЧ П. (Югославия)
КЁРНЕР К. (Канада)
КОМРИ Б. (США)
КОСЕРИУ Э. (ФРГ)
ЛЕМАН У. (США)
МАЖЮЛИС В.П. (Литва)

МАЙРХОФЕР М. (Австрия)
МАРТИНЕ А. (Франция)
МЕЛЬНИЧУК А.С.
НЕРОЗНАК В.П.
ПИЛЬХ Г. (ФРГ)
ПОЛОМЕ Э. (США)
РАСТОРИГУЕВА В.С.
РОБИНС Р. (Великобритания)
СЕМЕРЕНЬИ О. (ФРГ)
СЛЮСАРЕВА Н.А.
ТЕНИШЕВ Э.Р.
ТРУБАЧЕВ О.Н.
УОТКИНС К. (США)
ФИШЬЯК Я. (Польша)
ХАТТОРИ СИРО (Япония)
ХЭМП Э. (США)
ШВЕДОВА Н.Ю.
ШМАЛЬСТИГ В. (США)
ШИМЕЛЕВ Д.Н.
ШМИДТ К.Х. (ФРГ)
ШМИТТ Р. (ФРГ)
ЯРЦЕВА В.Н.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АЛЛАТОВ В.М.
АПРЕСЯН Ю.Д.
БАСКАКОВ А.Н.
БОНДАРКО А.В.
ВАРБОТ Ж.Ж.
ВИНОГРАДОВ В.А.
ГЕРЕНБЕРГ Л.Г.
ГАК В.Г.
ДЫБО В.А.
ЖУРАВЛЕВ В.К.
ЗАЛИЗНЯК А.А.
ЗЕМСКАЯ Е.А.
ИВАНОВ ВЯЧ. ВС.
КАРАУЛОВ Ю.Н.
КИБРИК А.Е.
КЛИМОВ Г.А. (отв. секретарь)
КОДЗАСОВ С.В.

ЛЕОНТЬЕВ А.А.
МАКОВСКИЙ М.М.
НЕДЯЛКОВ В.П.
НИКОЛАЕВА Т.М.
ОТКУПШИКОВ Ю.В.
СОБОЛЕВА И.В. (зам отв. секретаря)
СОЛНЦЕВ В.М.
СТАРОСТИН С.А.
ТОПОРОВ В.Н.
УСПЕНСКИЙ Б.А.
ХЕЛИМСКИЙ Е.А.
ХРАКОВСКИЙ В.С.
ШАРБАТОВ Г.Ш.
ШВЕЙЦЕР А.Д.
ШИРОКОВ О.С.
ЩЕРБАК А.М.

СОДЕРЖАНИЕ

Розен Х. (Иерусалим). Возможен ли сравнительный индоевропейский синтаксис? ...	5
Пайк К.Л., Саймонс Г.Ф. (Арлингтон). К исторической реконструкции типов матриц в морфологии	22
Мухомедшивили Н.Л., Шрейдер Ю.А. (Москва). Семантика и ритм молитвы	45
Михайлова Т.А. (Москва). О понятии "правый" и лингвоментальной эволюции	52
Падучева Е.В. (Москва). Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общесо factическое и акциональное	64
Акимова Т.Г. (С.-Петербург). Значение совершенного вида в отрицательных предложениях в русском языке	75
Астахова Л.И. (Днепропетровск). О сложносочиненном предложении	87
Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. (Москва). Творчество Владимира Высоцкого в зеркале устной речи	97
Татаринцев Б.И. (Кызыл). Занимствования или исконная лексика? (К проблеме древних слов иноязычного происхождения в тюркских языках)	114
Монсеев А.И. (С.-Петербург). Из истории русской лингвистической терминологии (<i>пауза — пауза</i>)	129

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Жижков Э.Б. (Мурманск). К истокам учения о русской деловой речи. О книге М.Л. Магницкого "Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу" (М., 1835)	136

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Гак В.Г. (Москва). Словарь современного русского литературного языка	143
Алексеев А.А. (С.-Петербург). <i>Костун Л.С.</i> Азбуковники XVI—XVII вв.: старшая разновидность. <i>Birgegård U.</i> Johan Gabriel Sparwenfeld and lexicon Slavonicum. <i>Sparwenfeld J.G.</i> Lexicon Slavonicum	147
Крысько В.Б. (Москва). Демьянов В.Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века	151
Караулов Ю.Н. (Москва). Маковский М.М. Лингвистическая генетика	153
Мокленко В.М. (С.-Петербург). <i>Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie</i>	157

CONTENTS

Rosén H. (Jerusalem). Is a comparative Indo-European syntax possible?; Pike K.L., Simons G.F. (Arlington). Toward the historical reconstruction of matrix patterns in morphology; Musxelišvili N.L., Šreider Yu.A. (Moscow). Semantics and rhythm of a prayer; Mixailova T.A. (Moscow). On the notion of "right" in linguistic and mental evolution; Padučeva E.V. (Moscow). Resultative meanings of the imperfective in Russian: factual and aspect evidence; Akimova T.G. (St.-Petersburg). The meaning of the perfective aspect in Russian negative sentences; Astaxova L.I. (Dnepropetrovsk). On the compound sentence; Kitaigorodskaja M.V., Rozanova N.N. (Moscow). The work of Vladimir Visotskij as reflected in colloquial speech; Tatarincev B.I. (Kyzyl). Loans of original word-stock? (On the problem of ancient loans in the Tyrkic languages); Moiseev A.I. (St.-Petersburg). From the history of Russian linguistics terminology (*nauka — наука*) From the history of science: Žižov E.B. (Murmansk). On the origins of the Russian official speech. M.L. Magnickij's book "A short manual of official language and literature for beginning clerks"; Reviews: Domašnev A.I. (St.-Petersburg). *Stellmacher D. Niederdeutsche Sprache. Eine Einführung*; Gak V.G. (Moscow). A dictionary of contemporary literary Russian; Alekseev A.A. (St.-Petersburg). The ABC-books of XVI—XVII centuries: the latest version of Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld and lexicon *Slavonicum*. Sparwenfeld J.G. Lexicon *Slavonicum*; Krys'ko V.B. (Moscow). Demjanov V.G. Phonetic-morphological adaptation of loan word-stock in the Russian language of the XVII century; Karaulov Yu.N. (Moscow). *Makovskij M.M.* Linguistic genetics; Mokienko V.M. (St.-Petersburg). *Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie*.

© 1993 г. РОЗЕН Х.Б.

ВОЗМОЖЕН ЛИ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ СИНТАКСИС?

Грамматичность предложения.

Относительно синтаксиса существует несколько новых теорий — я имею в виду не только генеративную теорию. Мне представляется, что эти новые идеи еще недостаточно использованы при изучении и.-е. синтаксиса — или синтаксиса любой другой языковой семьи — для разумного и плодотворного сравнения. Если же обратиться к генеративной теории, то большим ее достижением следует считать понятие "грамматичности" предложения, являющееся составной частью определения порождающей грамматики, и эксплицитные требования, позволяющие выработать критерии выделения грамматичности. Этот аспект часто упускается из виду из-за предубежденности генеративистов относительно универсальности понятия грамматичности, заставляющей их утверждать, что предложение группируется вокруг именного и глагольного сочетаний, а в противном случае либо неграмматично, либо представляет собой результат трансформации. Следует проверить, достаточно ли сходны критерии грамматичности в и.-е. языках, чтобы позволить установить "общиеиндоевропейские" синтаксические модели. Я предпочитаю говорить "общиеиндоевропейские", а не "протоиндоевропейские", так как под реконструкцией я понимаю именно предположение о том, что одна или несколько исторически засвидетельствованных языковых систем находятся ближе к некоторой исходной точке, от которой могли развиться другие различные языковые группы и диалекты.

Новые синтаксические теории.

Говоря о новых синтаксических теориях, я прежде всего имею в виду грамматику зависимостей (подразумевающую теорию валентности), грамматику надежей и теорию трех синтаксических функций, описывающую возможность организации предложения по трем уровням — грамматическому, актантному и информативному. Поскольку меня сейчас интересует грамматичность, т.е. черты, очевидные на грамматическом уровне, то я не затрагиваю коммуникативный (информационный) уровень и, в частности, не вникаю в вопросы "рематической ориентации" (например, не выясняю, возрастает ли рематичность к концу грамматического предложения или убывает¹), так как на современном этапе исследования нельзя установить, применимы ли черты, относящиеся к этой главным образом типологической области, для сопоставления в генеалогических рамках.

Об исследовании грамматичности.

Обратившись к серьезным трудам по обще-, или протоиндоевропейскому синтаксису, созданным за последние два десятилетия, следует признать, что несмотря на свои блестящие достижения, В. Леман², Ф. Бадер, К. Уоткинс и

¹ Идея "рематической ориентации" была подробно изложена в моем докладе "Многокомпонентные составляющие и характеристика информативной функции" ("Constituants pluricomponentiels et la caractérisation de la fonction énonciative"), прочитанном в 1989 г. на ежегодной сессии Парижского лингвистического общества; он будет опубликован вместе с другими докладами в "Mémoires de la Société de linguistique de Paris (Nouvelle Série)".

² В работе Лемана исследование грамматичности не упоминается среди рассматриваемых вопросов в главе о "Целях синтаксической реконструкции протоиндоевропейского языка".

В. Дресслер [1—6] по существу не занимались изучением грамматичности. Лейтмотивом их штудий, охарактеризованных в обзоре Гамкрелидзе [7] как "исследование некоторых свойств синтагматической типологии", является либо последовательность расстановки составных частей предложения [рассматриваемых как подлежащее, глагол и т.д. (Леман, Дресслер)], либо то, что Ф. Бадер называет "развертыванием" (*déroulement*) и.е. предложения (в виде акцентных единиц или частей речи). И хотя П. Фридрих в своей монографии [8] выражает опасения относительно того, каково истинное соотношение (если о нем вообще можно говорить) между типологией и реконструкцией, тем не менее он посвятил целое исследование теме, которую можно отнести к гринберговской идеи "порядка значимых элементов". Однако ни в одной из упомянутых работ ничего не говорится о том, какая из последовательностей приемлема грамматически, — например, SVO или VOS. В большинстве случаев говорится лишь о том, какая из последовательностей маркирована, а какая — не маркирована, или нейтральна, и о том, может ли маркированность переходить от одного типа к другому на протяжении истории языковой группы. Но даже если мы согласимся, что маркированность, несмотря на субъективность критерия ее установления, определена корректно, — все же само понятие маркированности подразумевает, что оба (или все) элемента — как маркированный, так и немаркированный — должны быть грамматичны. Следовательно, все указанные исследования, хотя и могут быть важны для типологии (в определенном ее понимании), грамматические ценности не представляют³.

Общие критерии грамматичности. — Модели. — Условия грамматичности.

И.е. предложение грамматично⁴, если оно обладает одним из следующих трех свойств, независимо от того, содержит ли оно глагол.

1. А. Финитность (т.е. предложение содержит форму, указывающую на лицо).

С глагольным предикатом:

Лат. *Pluit* "Идет дождь".

Лат. *Itum est in iuscera iettas*

"Вошли в недра земли".

Скр. *Itu iwashā* "Так он сказал".

Греч. *Σαλπίζει* Трубят".

Русск. *Я спал*.

С неглагольным предикатом:

Лат. *Ille ego, qui fuerit...lusor*

"Это я — тот, кто был... певцом"

Хетт. *Marsants tsik* "Ты лжив".

Скр. *Twam Warunah* "Ты — Варуна".

Лат. *Sic ego* "Так (поступаю) я".

Необходимо указать, что "глагол" в данном контексте не обязательно означает "личный глагол", а с другой стороны, финитность, т.е. маркированность лица, не обязательно означает наличие глагола.

2. Б. Согласование в числе и роде.

С глагольным предикатом:

Скр. *Na kaçcid aksawān*

"Никто не видел".

Хетт. *Metiyas istantants*

"Дело отложено".

С неглагольным предикатом:

Лат. *Omnis praeclarus rara*⁵.

"Все прекрасное редко".

Скр. *Çitalā rātriþ* "Ночь холодна".

³ К. Уоткинс [4, с. 307] отмечает в связи с работой Фридриха: "Следует помнить, что поскольку синтаксис вовсе не идентичен порядку слов, поскольку многие явления из области порядка слов не в каком смысле не являются синтаксическими".

⁴ Следующий раздел, представляющий исходный пункт нашего исследования, базируется на докладе, прочитанном на XIII Международном конгрессе лингвистов (Токио, 1977) и позднее опубликованном [9].

⁵ Это предложение обычно неправильно интерпретируется в грамматиках, так как рассматривается вне контекста. Контекст же таков: *Digni... sunt amicitia, quibus in ipsis est causa, cuius diliguntur. Rarum gentium (et quidem omnis praeclarus rara)* (Cic. De amic. 79) "Достойны дружбы те, в ком заключена причина, почему их любят. Это — редкая порода (ведь и все прекрасное редко)". См. [10], где исследуется соотношение между рематической структурой синтаксической модели и ее способностью принимать синтаксические частицы (*quidem*).

3. В. Циркумстанциальность (наречность).

С глагольным предикатом:

Англ. *How was the movie?* "Как фильм?"

Нем. *Heute abend wird getanzt*

"Сегодня вечером танцы".

Нем. *Wann ist Ostern?* "Когда Пасха?"

Лат. *Sic est* "Вот как (обстоит дело)".

С неглагольным предикатом:

Скр. *Ewā satyam* "Это правда".

Скр. *Yatñā wṛ̥kas, tathā phalam*

"Как дерево, так и плод".

Греч. Εύδοξος κύριος; "Дома хозяин?"

Н.-греч. εδόκει αὐτίτης "Здесь Афины",

ср. лат. *Sic ego* "Я так действую".

Это делает необходимым четкое ограничивающее определение наречности, которое включило бы все обстоятельства, но исключило бы некоторые модальные определения; в противном случае мы получим и такие неграмматичные конструкции, как⁶:

4. Англ. *"Therefore peace.*

Англ. *"Easily house.*

Лат. *"Sapiens bonum*

Лат. *"Sapiens bene,*

в то время как следующие предложения грамматичны:

5. Лат. *Bene est* "Хорошо".

Лат. *Sapiens bene est*

"Мудрец в добром здравии".

Франц. *Le sage est bien*

Лат. *Allier sum* (Теренций)

"А я — яиаче".

Выдвинутые нами критерии действительно являются непременным условием грамматичности, ибо достаточно очевидно, что их полное отсутствие влечет за собой неграмматичность такого предложения, как *Sic Caesar*, в то время как *Sic est* (Гораций) грамматично благодаря финитности глагола, а *Sic ego* (Цицерон) — благодаря маркированности лица.

Все модели и, соответственно, маркеры предложения представлены в современных языках, хотя в различной степени, но все больший вес приобретают глагольные типы, в чем можно убедиться, переведя неличные фразы из группы 1—3 на английский, немецкий, французский, латынь. Это особенно справедливо для неличных глагольных предложений из группы 2. Например,

6. Греч. Οὐδεὶς ἐμφακός ἔν

Соответствует скр. *Na kaṣcid*

ḍṛ̥gawāṇ "Никто не видел".

Лат. *Res dilata est*

соответствует хет. *Memiyas ištantants*

"Дело отложено".

В некоторых языках безличные формы глагола требуют выражения категории лица посредством добавления вспомогательного глагола, связки и др. Чем "моложе" стадия развития языка, тем меньше становится безличных глагольных форм, не требующих такого добавления. В следующих примерах безличность конструкций в правом столбце нормативна или даже совершенно обязательна для данного языка, как и "личность" конструкций — в левом:

7. Безличные глаголы, требующие личной формы:

Безличные глаголы, не требующие личной формы:

Лат. *Nunc est bibendum* "Теперь нужно пить".

Греч. ήμιν δύοντεστέον "Нам нужно бороться".

Лат. ...*Ab illo visum est*

Скр. ...*tēna ḍṛ̥gam*.

"...Им было видно".

Русск. *Приехали.*

Греч. *ἀπήγνωσκοι εἰσάντες* "(то, что) они пришли..."

Точно так же, как в сравнительной морфологии или фонологии, в контексте сравнительного синтаксиса можно установить как общесиндоевропейские черты, так и инновации или модификации, произошедшие в отдельных ветвях и.е. языков: если эти инновации сходны, можно попытаться определить, в какой период и с

⁶ Неграмматичность мы обозначаем знаком '.

⁷ Об этой функции перифрастических конструкций в греческом, придающей им значение дерематизации, см. [11—12].

какой скоростью они происходили. Повторяю, это в точности то же самое, что мы делаем в сравнительной морфологии и фонологии, и нет никаких оснований не применять тех же методов в сравнительном синтаксисе.

Причиной постепенного становления глагольных моделей предложения является тот факт, что согласование, которое в неглагольных предложениях не включает лица, а только род, число и, как мы увидим далее, падеж, стало обязательно включать в себя и лицо, поскольку в личных формах глагола число неотделимо от лица. Таким образом, предложение типа *Omnium fortissimi sunt Belgae* "Бельги — храбрейшие из всех" по сути избыточно характеризовано, согласование в нем выражено дважды. Подобным образом оказывается естественным, что когда язык, развиваясь, приобретает неглагольные предикаты, не способные согласовываться с подлежащим, согласование обязательно проявляется в форме глагольной связки (см. последний приведенный список примеров). В некоторых языках это привело к появлению адъективных — т.е. способных к согласованию — форм, функционирующих в качестве циркумстанциальных предикатов, на месте которых было бы справедливо ожидать наречия, например:

8. Греч. Ποῦ ἦν τὸ δῶρον? "Откуда этот подарок?" (Soph. fr. 453) Χθοῖς Ἐβη "Вчера он ушел" (Hom. II. I. 424)

В первом предложении грамматичность сохраняется благодаря согласованию прилагательного с подлежащим, во втором — с личным глаголом. Это в особенности характеризует те языки, где качественный предикатив утратил склонение и выступает в форме, совпадающей с наречием, т.е. неспособной к согласованию;

9. Нем. *Der Mann singt schön*
"Этот человек прекрасно поет".

Der Mann ist schön "Этот человек прекрасен" (но *der schöne Mann* "прекрасный человек").

Ср. также вопросительные предложения из группы 3: ни один современный язык не знает вопросительного качественного прилагательного, подобного лат. *qualis*¹, греч. πότος и т.д. На этом основана знаменитая французская шутка:

10. Comment avez-vous trouvé ce restaurant? "Как вы находитите этот ресторан?"

Ответы: а) *Excellent* "Превосходным" (ожиаемый);

б) *En sortant du métro et tournant à gauche* "Выйдя из метро и повернув налево" (неожиданный).

Если описанный процесс не произошел и несклоняемые предикаты используются в личных предложениях, содержащих связи, то, в случае сохранения и более архаичной формы, она приобретает регистровую окраску и носит скорее характер, например, афоризма или восклицания, чем простого высказывания:

11. Франц. *Quel est le malheur?*

vs. *Quel malheur!*

"Что случилось?"

"Какое несчастье!"

Лат. *Quot sunt?* (Pl. Rud. 564)

vs. *Quot homines, tot sententiae*

"Сколько их?"

(Ter. Ph. 454)

"Сколько людей, столько мнений".

Omnia praeclara sunt rara

vs. *Omnia praeclara rara* (ср. 2)

"Все прекрасное редко".

Эта форма может быть также маркирована по типу предикатии (т.е. определена обстоятельственно или указательно, в противоположность общим утверждениям). Сюда же можно отнести и те типично латинские восклицательные предложения, где отсутствие глагольной связи приводит к изменению падежа субъекта от именительного — к винительному:

¹ Кроме соответствующих пар типа франц. *tel — quel*, итал. *tale — quale*, "потомки" лат. *qualis* сменили в алифицирующую функцию на идентифицирующую, что способствовало их включению в в относительную синтагму, подобно франц. *lequel*, ср. и.-греч. ο όποιο(ς). То же и в германских языках: в вопросительном контексте нем. *welcher*, англ. *which* являются качественными, а в относительном — анафорически-идентифицирующими.

12. Лат. */Ego/ misera sum* "Я несчастна". vs. *Me miseram!* "Горе мне!"
 Лат. *Ridicula (est) res* "Это забавно". vs. *O rem ridiculam!* "Сколько забавно!"

Здесь можно добавить, что тот тип описания и классификации, который мы предлагаем для и.-е. синтаксиса, открывает интересные перспективы — такие, как возможность предсказать возникновение и развитие перифрастических типов (это можно сделать только на основании предложенной системы⁹) или возможность утверждать, что там, где присутствие глагола в личной форме стало обязательным или почти обязательным, более архаичная неличная модель предложения становится показателем подчиненности. Объем статьи не позволяет останавливаться на этих вопросах более подробно, но можно с уверенностью предположить, что создание сравнительного синтаксиса на базе синтаксиса моделей, ориентированного на критерии грамматичности, позволит разрешить множество проблем.

Предложенные нами условия грамматичности незллиптического предложения могут, следовательно, рассматриваться как изначально присущие и.-е. языкам и формирующие неотъемлемую часть их сравнительного синтаксиса. Но положения сравнительного языкоznания были бы тривиальны, если бы были справедливы для всех языков; они имеют смысл только тогда, когда верны в основном для данной языковой группы и не полностью применимы для другой.

Полезной иллюстрацией сказанного могут служить семитские языки. Эта языковая семья имеет почти столь же давнюю традицию филологического исследования, как и индоевропейская, по причине ее глубоких корней в *philologia sacra*, текстуальном исследовании Писания. Между индоевропейскими и семитскими языками имеется два существенных различия, хотя и в тех и в других согласование в роде и числе является признаком предложения, а вербальность — нет.

1. В семитских языках определенность (детерминация), которая в индоевропейском вовсе не является изначальной грамматической категорией, морфологически маркирована и слита с так называемым "падежом". Связность же предложения, или то, что мы называем признаком свойства предложения, обеспечивается отсутствием согласования в детерминации двух именных элементов, согласованных по другим параметрам. Морфологические характеристики определенных форм в отличие от неопределенных представлены здесь в библейском еврейском языке с прелозицией артикля, в аккадском — языке с постпозитивной морфологической детерминацией, и в арабском, где существуют одновременно оба способа:

13. "Дом"	Аkkадский	Арабский	Еврейский	
	опред.	неопредел.	определ.	неопредел.
Предикатив	—	<i>bīt-θ-</i>	—	—
Непреликатив "номинатив"	<i>bīt-i</i>	<i>bīt-i-m</i>	<i>al-bayt-i</i>	<i>bayt-i-n</i>
"аккузатив"	<i>bīt-a</i>	<i>bīt-a-m</i>	<i>al-bayt-a</i>	<i>bayt-a-n</i>
"генитив"	<i>bīt-i</i>	<i>bīt-i-m</i>	<i>al-bayt-i</i>	<i>bayt-i-n</i>

Эти морфологические средства служат для материализации контраста между предикативной и атрибутивной связью, т.е. нексусом (проблему характеристики именного предложения с неопределенным субъектом мы оставляем в стороне, так как она не входит в сферу нашего рассмотрения):

14. Нексус именного сочетания	Нексус именного предложения
Неопредел.	Определ.
Аkk. <i>bīt-i-m rab-u-m</i>	<i>bīt-i rab-u</i>
Араб. <i>bayt-un kabir-un</i>	<i>'al-bayt-i 'l-kabir-u</i>
Евр. <i>bayit gddōl</i>	<i>ha-bayit ha-gddōl</i>
	<i>ha-bayit gddōl</i>

⁹ Некоторые предварительные шаги в этом направлении сделаны в нашей работе [9]; вскоре увидят свег более детальное и развернутое исследование данной темы.

Это очень напоминает классический, постгомеровский, греческий¹⁰, но, разумеется, не является общеиндоевропейской чертой.

II. С другой стороны, согласование в лице, числе и роде функционирует в классическом семитском так же, как глагольность в древнем индоевропейском. Оно может быть введено в любое грамматическое предложение, тема которого — существительное без указания падежа — стоит в начале предложения. Это осуществляется путем добавления согласованного анафорического местоименного элемента, что дает в сущности такой же эффект, как введение глагольного элемента в и.-с. предложение: согласованное предложение маркирует начальную часть как тематическую, или топикальную, тогда как то же предложение без местоименного согласования не маркировано в отношении рематической функции. Из следующего примера видно, что в предложениях такого типа сегмент, следующий за вынесенной вперед темой, сам по себе есть грамматическое предложение.

15. Несогласованное предложение (отношение "тема — рема" не маркировано)	Согласованное предложение (тематически маркировано)	
Тема-имя	Тема-местоиме-	
	Анафорическое местоиме-	
	ние, повторяющее	
	имя-тему	
'et-hā 'dres lkā 'er'ēn "Я дам тебе эту землю"	lkā 'er'ēn ī "Я дам ее тебе".	hā 'dres lkā'ēr'ēn ī "Эту землю я дам тебе".

Мы обратились к особенностям, характеризующим неиндоевропейский тип синтаксиса, с тем, чтобы показать, что черты, отмеченные нами для индоевропейского в соответствии с предложенными критериями, являются столь же общими и характерными для индоевропейского, как семитские черты являются общими и характерными для семитских языков. Последнее утверждение считается в лингвистике тривиальным; тем удивительнее, что аналогичное утверждение обычно не делается и для сравнительной грамматики и.-с. языков.

Падежи и грамматика падежей.

Необходимо принять во внимание, что условия грамматичности и.-с. предложения ничего не говорят о падежах: падежи обязательно подразумеваются, если в синтаксисе типа SOV субъект и глагол находятся на одном уровне, так как падеж субъекта тесно связан с глагольной формой и обусловлен ею: А. номинатив с личным глаголом; Б. аккузатив с инфинитивом (способный трансформироваться в номинатив с инфинитивом); В. абсолютный падеж с причастием:

16. А. *Taurus* (пом.) *mugit* "Он, бык, мычит" > "Бык мычит".
- Б. *Dicunt taurum* (acc.) *mugire* "Говорят, что бык мычит".
Dicitur taurus (пом.) *mugire* "Сказано, что бык мычит".
- В. *tauro* (abl. = loc. = temp.) *mugiente* (abl. = loc. = temp.) причастия "Когда бык мычит...".

По другому поводу [14] мы более подробно разбирали вопрос, какая из падежных форм является первоначальной для абсолютной причастной конструкции, в соответствии с моделью валентности, подвергшейся трансформации в причастную конструкцию. В любом случае ясно, что это всегда — падежная форма, характеризующая невалентное дополнение и не используемая в качестве валентного дополнения; это важное различие, которое можно объяснить, перейдя к грамматике зависимостей.

Существует очень интересный факт, свидетельствующий о взаимной независи-

¹⁰ Когда артикль в классическом греческом полностью развелся, одной из его важнейших функций стало различение предикативной и атрибутивной связей в именных предложениях без связи, например: πολλά δεινά "многие страшные вещи", τὰ πολλὰ δεινά "эти многие страшные вещи". Πολλά τὰ δεινά "Страшные вещи — многи". Ср. [13], где рассматривается фраза Платона (*Theat.* 188 b): φέ δ Σωκράτης θεαίτητος ή θεαίτητος Σωκράτης "Как будто Сократ — это Теэтет или Геэтет — это Сократ".

ности синтаксиса и грамматики падежей: там, где отсутствует согласование в роде и числе между грамматическим подлежащим и неглагольным грамматическим сказуемым (т.е. когда последнее выражено существительным), не существует и согласования падежей (разумеется, при условии, что грамматичность предложения обеспечивается финитностью — наличием связки). Иными словами, явление, кажущееся столь естественным, а именно, что падеж именного предиката повторяет падеж именного субъекта, — как в следующих примерах, — вовсе не является обязательным:

17. Лат. *Socrates* (пом.) *homo* (пом.) *est* "Сократ — человек".

Греч. Σωκράτης (пом.) ἄνδρας (пом.) ἐστίν "Сократ — человек".

Скр. *Wāyur* (пом.) (*asti*) *dewatā* (пом.) "Ветер — божество".

Нем. *Der Herr* (пом.) *ist* *Jude* (пом.) "Этот господин — еврей".

Русск. Он (пом.) был доктор (пом.).

В самом деле, многие и.-е. языки обобщили этот тип по аналогии с предложениями, в которых предиктивную функцию выполняет прилагательное, где различие падежейнейтрализуется. Но существуют языки — как в древности, так и в наши дни, — где в предложениях со связкой падеж грамматического сказуемого-существительного может отличаться от падежа грамматического подлежащего:

18. Русск. Он был доктором (instr.).

Греч. Σωκράτης (пом.) ἀνδρῶν (dat.-instr.) ἐστίν "Сократ — человек" (т.е. "Сократ относится к категории людей").

Лат. *Nos* (пом.) *mīhi curae* (dat.) *est* "Это моя забота".

Ясно, что значения этих предложений не вполне эквивалентны тем, у которых именной предикат согласован в падеже с субъектом. Возможно, источник этого различия — различие "синтетической" и "аналитической" предикации; последняя указывает на внутреннее неотъемлемое качество, присущее описываемому объекту. По всей вероятности, это связано с аналогичными различиями между разными типами некусса и.-е. предложения (в том числе — с различием между неглагольными, или лишенными связки, и глагольными сочетаниями), как я предположил в своем исследовании [15], посвященном некоторым типам предикации в древнем индоевропейском.

Ср.:

19. Лат. *Misera sum* "Я несчастна" (постоянное качество)

vs. *Misereor* "я страдаю" (в настоящий момент)

Лат. *Luce* (abl. compar.) *clariora sunt consilia tua* "Мысли твои ярки как свет" (яркость — неотъемлемое свойство света; свет обладает наибольшей возможной яркостью)

vs. *Lux solis clarior est quam lux* (пом.) *lunae* "Свет солнца ярче, чем свет луны".

Лат. *Aurum est splendidum* (adj.) "Золото блестящее".

vs. *Pecula splendent* (vb.) *auro* "Кубки блещут золотом".

Греч. Τέποι λευκότεροι εἰσὶν χιόνος "Кони белы как снег" (белизна — неотъемлемое свойство снега; снег обладает наибольшей возможной белизной).

Если мне удалось [15] установить это свойство на основе указанных и других конструкций, в которые мы не будем сейчас углубляться, то можно с уверенностью утверждать, что и.-е. синтаксис содержит различные типы предикации и формальные способы различия между ними, что, по моим данным, является типологически большой редкостью в других языковых семьях. Это свойство, между прочим, сохранилось в испанском, где для двух описанных типов предикации используются два разных типа связки.

О взаимной независимости падежей и грамматичности и.-е. предложения свидетельствует и другое явление: то, что грамматический субъект не обязательно стоит в так называемом "субъектном падеже", каковым для независимого

предложения является номинатив. Это явление также отличает индоевропейский от других языковых семей: его нельзя наблюдать, к примеру, в древнесемитских языках, где, допустим, в арабском, падежная форма субъекта, трактуемого для нужд арабской грамматики как тема, механически строго регулируется.

В индоевропейском неименной субъект может быть:

А. Адвербиальным, как в часто цитируемых немецких конструкциях:

20. <i>Heute abend wird getanzt</i>	<i>Hier wird nicht geraucht</i>
"Сегодня вечером танцы".	"Здесь не курят."

Эти предложения, в отличие от, например, английского и французского, не требуют так называемых "временных" или "замещающих" субъектов типа *es*, *it*, *il*.

Б. Количествоизированным:

21. εἰσὶ... αὐτῶν καὶ παρὰ βασιλεῖ... ἐνθεῦτες (Геродот, 3.102.2) [16, с. 23] "[Некоторые] из тех, на кого там охотились, находятся и при царе". Авест. *urvaranqm zai'rī gaonapanqm zamāda izuxhyeinti* "Из земли вырастают желтые растения" [16, с. 10].

Предложения типа

22. Нем. *An die fünfzig Kandidaten haben sich gemeldet* "Около (почти) 50 человек явились";

Греч. ἀπέδων τὸν βαρβάρων κατὰ ἔξακισχιλίους ἄνδρας "Из варваров погибло около (почти?) 6000 человек" (Геродот, 6.117.1);

Лат. *Circa quingenios Romanorum... ceciderunt* "Около 500 римлян погибло" имеют идентичную конструкцию, но немецкое *an* здесь следует рассматривать синхронно как простой модификатор, предшествующий именным формам. В результате утраты флексии эти именные формы, сопутствующие им, падежу мн. числа, не характеризованы в отношении падежа. Соответственно, уже латинское *ad* в таких конструкциях можно считать адвербализованным [17—18]; отсюда, разумеется, вытекает, что грамматические субъекты такого типа стоят в том падеже, которым управляет предлог, превратившийся в "наречие" или, вернее, "модификатор", — в нашем случае это аккузатив.

Пока что мы касались только грамматического "субъекта" предложений, содержащих двух- или более валентный предикативный глагол с полной личной категорией, а не разных типов "безличных" конструкций, вроде лат. *Eos homines libidinis suae non pudet* "эти люди не стыдятся своих вожделений". К ним мы подойдем позже, в рамках обсуждения валентности. Такие предложения весьма часто, как в данном примере, не содержат среди нескольких своих "актантов" номинатива, но обычно имеют тенденцию диахронически преобразовываться в конструкция с номинативом. Такой синтаксис приобрел статус "нормального" грамматичного синтаксиса в индоевропейском: *Ei homines libidinem suam non pudent*. [19].

Все отмеченные черты указывают на то обстоятельство, что в раннем индоевропейском не было однозначного соответствия между какой-либо отдельной падежной формой и статусом грамматического субъекта предложения. Это может быть истолковано в том смысле, что падежи, — по крайней мере те, о которых мы говорили, — первоначально не имели специальной функции на синтаксическо-грамматическом уровне, и это служит дополнительным подтверждением распространившихся в последнее время теорий об изначальном эргативном синтаксисе индоевропейского.

Другой чрезвычайно важный аспект индоевропейской падежной грамматики и теории падежей тесно связан с грамматикой зависимостей, которую мы рассмотрим подробно, — с тем, чтобы показать, что разные элементы зависимости соответствуют формальным различиям, преобладающим в большинстве и.-с. языков, особенно древних. Нельзя эффективно сформулировать в сравнительном плане особенности и.-с. синтаксиса, не уделив должного внимания различиям грамматики зависимостей и валентности.

Грамматика зависимостей.

Теория валентности и зависимостей, рассматривающая предложение с точки зрения поверхности структуры и описывающая взаимоотношения его компонентов (это можно считать европейской реакцией на генеративный синтаксис), стремится различить разные степени зависимости от глагола как ядра предложения: прежде всего те элементы, которые необходимы при данном слове, а также те, которые, будучи факультативными или заменимыми на нуль, все же необходимы в предложении для сохранения семантического значения, и, наконец, совершенно факультативные с любой точки зрения и ничего не прибавляющие к содержанию других частей высказывания. Первые два типа называются актантами; количество и набор актантов, возможных при данном глаголе, определяется как его валентность (термин, заимствованный из химии). Следовательно, актанты можно назвать валентными дополнениями, а необязательные элементы — просто дополнениями или, для большей точности, невалентными дополнениями. Грамматика зависимостей различает, далее, элементы, зависящие от глагола, и элементы, зависящие от предложения в целом: свободные индикаторы, или логополнения предложения. Они всегда находятся либо в самом начале, либо в самом конце предложения, и это, между прочим, единственное грамматически релевантное утверждение о порядке слов в индоевропейском, касающееся изменяемых форм. Например:

	<i>Ea res est</i>	<i>Helvetii</i>	<i>per indicium</i>	<i>enuntiata</i>
	Актант 1	Актант 2	Дополнение	Глагольное ядро
"Это	стало известно	гельветам	благодаря доносу".	
Актант 1	Глагольное ядро	Актант 2	Дополнение	
<i>In iera</i>	<i>a lacu Lemanno</i>	<i>ad montem</i>	<i>migrat</i>	<i>perducit</i>
<i>Iuram</i>	<i>Iuram</i>	<i>fossaque</i>		
Циркумстанциальный индикатор	Валентное дополнение	Валентное дополнение	Актант	Глагольное ядро
"Тем временем он провел	1	2		
Циркумстанциальный индикатор	Глагольное ядро	стену и ров	от озера Лемана до Юрских гор".	
		Актант	Валентное дополнение	Валентное дополнение
			1	2

Так как не всегда легко различить разные типы дополнений или циркумстанциальных индикаторов и довольно часто приходится ограничиваться семантически ориентированными субъективными предположениями, возникает вопрос, являются ли эти категории действительно лингвистическими, т.е. выражены ли они формально. Несомненно, они как-то соотносятся с падежами, так как затрагивают только неглагольные части предложения. Поскольку во многих языках для валентных и невалентных дополнений используются разные падежные формы, исследование в этом направлении древнейших форм и.е. склонения может оказаться весьма плодотворным.

В действительности древнейшие и.-е. формы именного склонения дают хороший материал для формального различия валентных и невалентных дополнений. Рассмотрим, например, древнеиндийское склонение. Согласно древнеиндийским грамматикам, следует различать два типа окончаний в зависимости от типа соединения между основой и окончанием. Рассмотрим склонение именной основы, кончающейся на *-s*, по сравнению с отдельным словом, оканчивающимся на тот же согласный, и их сочетания со следующей фонемой, т.е. падежным окончанием в одном случае и новым словом — в другом:

24. Основа <i>jatas-</i> "род, семья"	Наречие <i>tatas</i> "в то время"
Окончание	Результат

(число + падеж)

Первый звук Результат
следующего слова

Sg. nom.-acc.	<i>janas-#</i>	<i>janaš</i>	<i>tatas</i>	<i>#</i>	<i>tataš</i>
instr.	-ā	<i>janašā #</i>		#ā...	<i>tata ā...</i>
dat.	-e	<i>janaše #</i>		e...	<i>tata e...</i>
abl.-gen.	-as #	<i>janašāš #</i>		a...	<i>tata a...</i>
loc.	-I	<i>janaši #</i>		I	<i>tata I...</i>
Pl. nom.-acc.	-~si	<i>janaši</i>			
gen.	-ām	<i>janašām #</i>		#ā...	<i>tata ā...</i>
instr.	#-b'is #	<i>jano b'ib</i>	≈	#b'...	<i>tato b'...</i>
abl.-dat.	#b'yas #	<i>jano b'yab</i>	≈	#b'...	<i>tato b'...</i>
loc.	#-su	<i>janašsu</i>	≈	#s...	<i>tataš s...</i>

Формы, которые мы подчеркнули и отделили от основы символом #, называются окончаниями "падам" — "окончаниями слов", "окончаниями словесного типа": их соединение с предшествующим элементом основы напоминает соединение одного слова с другим; характерно, что они обычно пишутся отдельно от основы в тех текстах ("текстах-падам"), где используется *scriptura discontinua* (раздельное написание). Важным сандхи, или изменением при соединении, является, например, -o на месте -as или -a других падежных форм, у которых окончание слито с основой.

Более внимательное рассмотрение "падежей-падам" обнаруживает, что они невалентны, в то время как другие валентны или могут быть таковыми. Все сомнения относительно того, что это может быть случайным совпадением, опровергаются тем обстоятельством, что их "поведение" — неслияние основы и падежной морфемы — находит соответствие в сериях других связанных морфем, обычно рассматриваемых в качестве остатков именных падежей, например — и.е. -ios, которое, присоединяясь к прилагательному или наречию, образует свободные индикаторы, или дополнения предложения:

25. Лат. <i>fundi-tus</i>	"из глубины", "внутри, изнутри";	<i>anīqui-tus</i> "издревле", "внутри, изнутри";
ин- <i>tus</i>		
Греч. ἐκ-τὸς	"снаружи",	ἐν-τὸς "внутри, изнутри";
Скр. <i>anti-tas</i>	"в присутствии",	<i>agra-tas</i> "прочь от";
Др.-ирл. <i>ach-t</i>	"кроме";	

В хеттском ему соответствует (синкопированное) -ts — весьма интересная форма, являющаяся падежным окончанием как для ед., так и для мн. чисел: 26. *antuhsa-ts* "от человека/людей", *lengiya-ts* "от клятв/ы".

То же относится и к и.е. *-b'i (*-b'a), *-ti(*-ta) и т.д.: 27. Греч. (микен.) *egereateyo-ri* (= ἐλεφαντεῖο-φι) "(сделанный) из слоновой кости", (Гом.) δύρηφι "от/у двери" (мн. δύσαι), θεόφι "от богов", Ι-φι "силой", κεφαλή-φι "у головы", εὐνῆφι "на ложе" (мн. εὐναί).

Др.-в.-нем. *blinte-m-o* "слепому", *blintem* "слепым".

Однако в других языках мн. число приобретает особый показатель, например, в славянском и итальянском (в последнем случае морфема ограничена мн. числом):

28. Ст.-слав. *добрыи-м-ъ* (тв.п. ед.ч.), *добрыи-м-и* (тв.п. мн.ч.).
Лат. *civili-bu-s* "гражданам".

Подобным же образом греч. -θεν и противоположное ему -δε:

29. εὐνῆθεν "с ложе" (мн. εὐναί), οὐρανόθεν "с небес", πεδίονδε "на равнину"; последний суффикс обнаруживается также в Ἀδήναζε, т.е. Ἀδήνασσε (основа этого слова — форма аккузатива мн. числа, характерного для названий средиземноморских городов), и в οἰκόνδε, οἴκαδε (пресуффиксальную основу последнего слова я рассматриваю как коллоктивное имя в падежной форме) "на территорию дома". Морфологически это скорее аккузатив ср. рода мн. числа, чем уродливый, но обычно предполагаемый [20] атематический, или "усеченный", аккузатив муж. рода ед. числа. Все эти суффиксы выражают невалентные отношения.

Итак, перед нами класс мнимых падежных суффиксов, которые отличаются от остальных следующими чертами:

1) В отличие от остальных, где число и падеж "спрессованы", слиты, эти суффиксы выражают только падежное отношение и безразличны к числу.

2) Они присоединяются к основе не так "плотно", как другие падежные суффиксы, которые выражают валентные отношения, — например, грамматического субъекта или объекта.

3) Подобно постпозиции, они присоединяются либо к чистой полной именной основе, либо к форме определенного падежа, как греч. -δε.

Последняя черта может указывать на их очень древнее происхождение. В самом деле, они отмирают, они непродуктивны, за исключением ведийского и хеттского; они застыли и исчезли в большинстве и.-е. языков. Следовательно, они отражают очень древнее состояние языка, общее для всего индоевропейского. На этой стадии развития языка различие между валентными и невалентными дополнениями, без сомнения, должно было четко выражаться в синтаксисе, поскольку оно оставило явные следы в морфологии. Итак, сравнительный индоевропейский синтаксис должен в полном объеме учитывать отношения зависимости и придать им адекватный статус в диахронии и сравнении.

Синкремизм падежей.

Как известно, важнейшим событием в истории всех и.-е. языков стал синкремизм падежей, вследствие которого первоначальное число морфологических падежей постепенно сократилось с семи до двух-трех, а в некоторых современных языках и до нуля. Кроме того, ни в одном из исторически засвидетельствованных языков нет полного набора падежных форм во мн. числе, так как во всех и.-е. парадигмах форма датива мн. числа слилась с ablativom.

С использованием критериев грамматики зависимостей становятся понятными различные случаи синкремизма падежей, т.е. совпадения двух или более падежных форм (сохраняющаяся форма берет на себя функции утерянных). Эти явления, имевшие место во всех известных нам языках, но не всегда одинаково, получали очень простое объяснение. Оно сводится к одной-единственной формуле, применимой ко всем случаям. Формула эта такова: Формы невалентных падежей принимают на себя функцию сходных с ними по смыслу валентных падежей.

Иными словами, источником всех синкреметических падежных форм являются невалентные; вследствие этого они теряют свою авербильную функцию, и ее приходится восстанавливать с помощью соответствующих наречий, превращающихся таким образом в предлоги.

30. И.-е. *-(*oi̥*)*sī* (лок. мн.) ≈¹¹ греч. λόγοισι (Гом.), λόγι-σι (*лок. мн.) > лок.-инстр.-дат. (именуемый "дат.". мн.)

*-*is* (инстр. мн.) ≈ греч. χώραις (атт.) (*инстр. мн.) > лок.-инстр.-дат. мн.¹² (именуемый "дат." мн.)

≈ Лат. *genitīs* (*инстр. мн.) > лок.-инстр.-абл.-дат.-мн. (именуемый "дат.-абл." мн.)

*-*b*/*m*/os инстр. мн. ≈ лат. *casu-bus* (*инстр. мн.) > лок.-инстр.-абл.-дат. мн. (именуемый "дат.-абл." мн.).

≈ греч. *sinni-t* (*инстр. мн) > лок.-инстр.-абл.-дат. мн. (именуемый "дат." мн.)

*-I лок.ед. ≈ греч. φήτορι (*лок. ед.) > лок.-инстр.-дат. ед. (именуемый "дат." ед.)

*-I лок. ед. :: *-ī- дат.ед. ≈ греч. οἴκοι лок. ед. :: οἴκη инстр.-дат. ед. (именуемый "дат." ед.)

*-%/os абл. ед. ≈ скр., греч. (Гом.), лат. *абл. ед. > адноминальный абл. ед. на -*az*¹³ (именуемый "ген." ед.).

¹¹ Соответствие мы обозначаем ≈, оппозицию — ::.

¹² В некоторых греческих диалектах различие между лок. мн. и уже синкреметическим инстр.-дат. мн. еще сохраняется в местоименном склонении в послегомеровский период [21].

¹³ Различие между ablative формой *teo* и адноминальной формой *tivoς* [которая, впрочем, как и лат. *quōd*, возможно, происходит из прилагательного (см. ниже, примеч. 17)], развившейся в послегомеровский период, опять-таки сохраняется в греческом местоименном склонении вплоть до Геродота [21—22].

В свете этих фактов следует, видимо, пересмотреть теорию падежей, которая уделяет большое внимание тому, что называется локалистическим взглядом, а именно: что грамматические функции всех грамматических падежей развились из первоначально адвебиальных понятий, или значений падежных форм. Если сформулировать это синтаксически в терминах грамматики зависимостей, это равносильно утверждению, что валентные функции развились из невалентных понятий и что на первоначальной стадии развития языка грамматические функции не входили в спектр падежей. Падеж, считающийся точкой опоры этой теории, — аккузатив. Он развился из направительного падежа, поскольку движение к определенной цели напоминает направление действия на определенный объект, который, по терминологии Блумфилда, также называется "целью". Таким образом, "цель" действия была бы идентична "цели" движения, и это могло бы объяснить появление направительного падежа, ныне известного под названием аккузатива, в качестве грамматического.

Однако эти утверждения следуют рассмотреть с точки зрения грамматики зависимостей. Является ли в действительности "направительный" падеж адвебиальным дополнением "места"? Направительный падеж, что совершенно естественно, сочетается с перфективными или "точечными" глаголами движения:

31. Лат. *domit* (acc.-dir.) *abire*, *uenire* "идти, прийти домой"; Греч. (Гом.) θάλπιον (acc.-dir) κατεβήσετο "спустился в покой"; ἵκόμεθα δύπτα (acc.-dir.) πατρός "пойдем в дом отца"; Скр. *swagrhaṇ* (acc.-dir.) *prast̄itaḥ* "он отправился домой".

Но эти дополнения, как ясно показывает грамматика зависимостей, являются валентными при глаголах движения, как и дополнения "исхода", "происхождения", которые выражаются изначальным ablativом: ведь ни один глагол движения или каузации движения не имеет реального смысла, пока не указаны точка отправления или окончания движения (или обе эти точки). Как следствие стоит также отметить, что глаголы изменения и превращения концептуально близки глаголам движения.

Таким образом, идентификация направительного аккузатива как валентного дополнения значительно ослабляет локалистическую точку зрения теории падежей. Можно применить тот же довод и к количественному аккузативу имен, обозначающих отрезки времени и сопровождающих непереходные дуративные глаголы, которые выступают даже и в пассивных трансформациях, точно так же, как глаголы с аккузативной валентностью:

32. Лат. *pedem disiat* "отстоит на один фут";

Tris noctes pernigulaui "Я не спал три ночи" (пасс.);

Nobis... nox est perpetua una dormienda "Нам предстоит спать одну непрерывную ночь";

Нем. (пасс.) *eine gut geschlafene Nacht* "хорошо проспавшая ночь";

Скр. *Praīṣālāṇ kaṣcit kālam!*¹⁴ "Подожди некоторое время!"

То же самое применимо, конечно, и к глаголам местонахождения, таким, как "пребывать", "стоять" и т.д., при которых локативное дополнение актантно и обязательно, что представлено не слишком многочисленными глаголами, обозначающими чувства или отношения человека, которые в некоторых языках сочетаются с локативом или его синкетическими преемниками.

В силу всего сказанного кажется предпочтительным описывать именной синтаксис любого из и.-е. языков, а также сравнительный и.-е. синтаксис на основе валентности, а не падежных форм, которые являются морфологическими единицами и по сути не имеют отношения к синтаксическому описанию. Следует, однако, всегда иметь в виду, что грамматика зависимостей покрывает только область глагольных предложений, в то время как неглагольные предложения остаются вне ее пределов.

¹⁴ По причинам, изложенным в [9], я предпочитаю писать *χ* вместо традиционного *kṣ* и *č* вместо *č*.

Грамматика зависимостей позволяет ввести до сих пор не слишком часто использовавшуюся классификацию и.-е. предложений в соответствии с валентностью главного глагола, где невалентные, так называемые "безличные" глаголы отделяются от одно-, двухвалентных и т.д. Это имеет большое преимущество, которое мы лишь кратко отметим en passant: грамматика зависимостей столь тесно связана с синтаксисом падежей, что падежи, в которых выступают актанты, очень часто можно предсказать на основании количества и типа актантов в предложении.

На двух или трех примерах мы можем установить, например, что субъект двухвалентного глагола, один из актантов которого представляет собой номинализацию (т.е. абстрактное отглагольные имя или подчиненное предложение), необязательно стоит в номинативе:

33. Лат. *Eos homines* (acc.) *libidinis suaे non pudet* "Эти люди (ном.) не стыдятся своих вожделений";

Нем. *Es träumte mir* (dat.) *ich wäre ein König* "Мне (дат.) приснилось, будто я царь";

Англ. *Methinks... ~ I think...* "Мне думается..." ~ "Я думаю..."

Это верно и в отношении предложений, где предикатом является адъективное сочетание со связкой или аналогичное квазитативное выражение:

34 Нем. *Mir* (дат.) *ist kalt* "Мне Англ. *I* (ном.) *am cold*.

ХОЛОДН.

Франц. *J'ai froid.*

Скр. *Striyqi* (дат.) *saryate*

Hem. Der Frau (E)

"Женщина становится тепла".

wird warm.

Такие неноминативные субъекты обычно называются "психологическими", и на них может основываться адекватная семантическая классификация предикативных выражений. Важность этой классификации для наших целей заключается в том, что она имеет силу для всех и-е языков, и можно выявить общую диахроническую тенденцию: переход от этих конструкций к более обычному, или доминирующему, типу предложений с номинативным субъектом¹⁵.

Теория валентности и грамматика зависимостей, таким образом, совершенно необходимы для адекватного сравнительного и-е. синтаксиса. Грамматика зависимостей с ее способами классификации различных компонентов предложения — это единственная область, где возможны грамматически значимые утверждения в сравнительном плане относительно порядка компонентов в и-е. предложении.

До сих пор мы имели дело с синтаксисом составляющих предложения, но синтаксис имеет также задачи как бы выше и ниже данного уровня, а именно: ниже — грамматическая зависимость между компонентами сочетания, выше — грамматическая зависимость между двумя предложениями, одно из которых включено в другое или добавлено к нему. Необходимо удостовериться, имеет ли смысл и на этих уровнях сравнение внутри и.-е. семьи.

Синтаксис именного сочетания.

Имеются несколько форм имени, грамматически способных сопровождать субстантивные ядра:

1) Вынесенная вперед именная основа, вместе с ядром образующая составное слово, функционирующее как имя:

35. Англ. *bug-killer*, *timetable*, *greatcoat*, *redcap*, *blue-eyed*, *four-legged*, *state park*; Лат. *magnanimus*, *quadrupes*, *agricola*;

Γρεč. μεγαλομανία, βιβλιοθήκη, ἀκρόπολις, ἀγρογόμος

Особенно богаты такими конструкциями санскрит, греческий, германские языки. Семантические и синтаксические отношения между компонентами конструкций, наблюдавшиеся в приведенных примерах, такие же, как и во всех других типах,

¹⁵ См. выше с. 12 в [19].

2) Прилагательное в препозиции или постпозиции, производное от определяющего имени:

36. Англ. *civil law, childish behaviour, royal navy, electrical engineer*;

Франц. *carrosserie enfantine, langage enfantin, coiffure masculine, voie piétonne, organisme étudiant*¹⁶;

Греч. Νεαστορέψ (прил.) παρὰ υἱοὶ Πολοιγενέος βασιλῆος (ген.) "неподалеку, у Несторова корабля, царя, на Пилосе рожденного...";

Русск. мужской костюм, детская книга;

Лат. *senilis* (прил.) *amor* "старческая любовь", *folia laurea* (прил.) "лавровые листья".

3) Независимое имя в препозиции или постпозиции в специальной падежной форме, именуемой генитивом:

37. Англ. *men's suit, user's manual, customers' service, citizen's arrest, arrest of a citizen*;

Лат. *amor senis* (ген.) "любовь старика", *folia lauri* (ген.);

Англ. *(the) leaves of the laurel-tree* "листья лавра";

Греч. Νεαστορέψ (прил.) παρὰ υἱοὶ Πλοιγενέος βασιλῆος (ген.); см. выше (35);

Русск. книга этих детей (ген.).

Взаимоотношения и функции всех членов этой парадигмы конструкций в тех или иных языках широко обсуждались в литературе¹⁷; особенно много говорилось о предположительной эквивалентности адъективных и генитивных конструкций — грамматически (в отдельно взятом языке) или сравнительно (в двух различных языках), что видно из приведенных примеров. В то же время в этом контексте можно сделать некоторые дальнейшие наблюдения на сравнительном уровне, на котором с этими типами конструкций следует работать точно так же, как мы работаем с морфологическими парадигмами или с классами фонем. Очевидно, что общей и.е. формы генитива нет; таким образом, генитив можно считать инновацией отдельных языковых групп. В некоторых языках генитив, главным образом местоименный, возник из прилагательных, образованных от местоименных основ¹⁸. Для сравнительного синтаксиса нужно выяснить, имеет ли синтаксическая парадигма два или три члена. Сопоставление разных языковых систем дает интересный результат: постепенное усиление генитива сопровождается постепенной утратой способности к образованию именных композитов. Следующая таблица показывает распространенность конструкций в разных языках (1 — наименее частотная конструкция; 4 — наиболее частотная):

38.	Скр.	Греч.	Герм.	Англ.	Лат.	Франц.	Ст.-слав.	Совр. слав.
Композиты	4	3	4	2	(1) ¹⁹	—	1	—
Производные								
прилагатель-								
ные	2	2	2	1	2	2	3	3
Генитив	1	2	2	3	4	4	2	3

¹⁶ В некоторых стилях (официального) современного французского адъективация в синтагмах такого типа достигается за счет того, что имя без прибавления обычных словообразовательных суффиксов "приобретает род", что, разумеется, влечет за собой омонимию базового имени (например, *étudiants*) и формы мужского рода "производного" прилагательного.

¹⁷ Об оппозиции "адъективной" и "генитивной" конструкций в ранней и классической латыни ("объективность" — "субъективность" с глагольной номинализацией, "определенность" — "неопределенность") см. [23–24].

¹⁸ Хорошо известный пример — лат. *cuius*, безразличное к роду, которое заменило более раннее прилагательное *cuius, cuiā, cuiūm*; возможно, и послегомеровское *tívoς* (заменившее гомеровскую форму *τοῖος* "чей", изменяющуюся по родам) развилось скорее как адъективное суффиксальное образование (-ος), чем как результат аналогического процесса внутри склонения (аналогия с дативом *tívi*) на основе пропорции -ι : -ος (датив : генитив "третьего" склонения); ср. примеч. 13.

¹⁹ Скобки означают, что данный способrudimentаренилиупотребляетсявоченьограниченных условиях.

Градация предложений внутри сложного предложения.

Точно те же соображения, которыми мы руководствовались в сравнительном синтаксисе сегментов, иерархически более низких, чем простое предложение, применимы и на более высоких уровнях простого предложения, т.е. на уровне связи двух предложений. Обычное утверждение о том, что в и.-е. синтаксисе имеется два способа связи предложений — сочинение и подчинение — справедливо, но лишь частично. К сожалению, при этом ничего не говорится о порядке двух соединенных предложений. В большинстве языков последовательность соединенных предложений может иметь значение на информативном или стилистическом уровнях, но грамматической функции не имеет. Предшествует ли условный протасис или временное придаточное предложение главному, или следует за ним, или даже вставлено в него, — это совершенно не связано с его грамматичностью. Однако, если, допустим, в латинском безразлично, скажем ли мы *Si iubes, abeo* "Если прикажешь, я уйду" или *Abeo, si iubes*, то на очень ранних этапах развития индоевропейского мы находим, что только одна последовательность подчиненного и независимого предложения грамматична, и это не имеет никакого отношения к логической связи двух предложений. Так, в раннем хеттском так называемые условные придаточные предложения, вводимые условным союзом *taki* "если", неизменно предшествуют аподосису; то же относится и к ведийскому *yad* "если" с индикативом [25]. Может показаться, что речь идет по крайней мере о двух парадигмах несочинительных союзов: одни предшествуют главному предложению, другие следуют за ним. Однако сразу же возникает довольно неожиданный вывод: на самых ранних стадиях индоевропейского некоторые из союзов, следующих за главным предложением, действительно являются маркером подчиненности, но не того предложения, в котором они находятся, а предшествующего. Это относится к хеттскому *ni*:

39. *Apa Natumilis haswet. n(u)-apa apel DUMU^{meš}-ŠU... tāgirantes esir.* "Потом, (когда) Хаттусили царствовал, [тогда] его сыновья собрались"

и к так называемому аподотическому бé в гомеровском греческом:

40. *Τό... βλέπτατο, πῆπε δέρας* "(После того как) он перелетел, [тогда] он упал на землю".

Ни в одном из случаев маркирование подчиненности предыдущего предложения не является обязательным. Такая ситуация заставляет нас сделать вывод о том, что в этих языках есть не только подчинительные (субординативные), но и суперординативные союзы. В качестве курьеза можно добавить, что один из типов греческого церковного стиля впоследствии вновь приобрел суперординацию благодаря аподотическому употреблению союза *καί*, калькирующего древнееврейский союз, который имел среди прочих и эту функцию [26—27]. Эта же черта закрепилась и в библейском стиле европейских христианских языков и является одной из самых ярких его характеристик [28].

В отличие от подчинительных союзов, суперординативные союзы встречаются только во втором из двух соединенных предложений. Поэтому в начальной позиции парадигма синтаксической градации будет двучленной (подчинение и отсутствие подчинения), а в конечной позиции — трехчленной (подчинение, сочинение, суперординация). Задача сравнительного синтаксиса — установить, какие из древних и.-е. языков имели трехчленную категорию синтаксической "степени", а какие — не имели.

Интересно, что те два языка, для которых мы сумели установить суперординацию, географически близки: хеттский и гомеровский греческий. С диахронической точки зрения следует заключить, что суперординация была утрачена, и это сделало возможным более свободный порядок предложения. Но древнейший тип и.-е. предложения и в самом деле содержит все три степени синтаксической связи, которые можно обнаружить в некоторых типичных примерах из самых архаичных текстов. Они демонстрируют троичную структуру древних восточных

правовых установлений, таких, как законы Хаммурапи и Эшнунны, библейские предписания и законы хеттского кодекса (в нашем случае). Эта структура такова: если в результате определенных действий случится то-то и то-то, тогда законная реакция будет такой-то и такой-то. Это условная конструкция, ее протатическая часть сама по себе есть условное предложение, например:

41. Хетт. *Taku antuhsan kuiski hunktsi, ta an istarnktsi, ni apin sāktaitisi* "Если кто ранит человека, и тот будет болен, [тогда] он должен оказать ему помощь".

Но эти две условные структуры выражены по-разному. В то время как гипотетическое подчиненное предложение вводится подчинительным *taku*, заключительный аподосис маркирован суперординативным *ni*. Излишне упоминать о том, что это в точности отражает структуру аккадских законов, оказавших большое влияние на анатолийских законодателей²⁰.

*

Итак, возвращаясь к вопросу, сформулированному в качестве темы нашей статьи, можно утверждать: сравнительный и.-е. синтаксис возможен при условии, что мы будем использовать все ресурсы передовых синтаксических методов, чтобы с их помощью открывать и восстанавливать грамматические категории, актуальные на самых ранних, но исторически засвидетельствованных стадиях и.-е. языка*.

²⁰ Возможно, аналогичная структура сохраняется и в языке архаического латинского права: "Im ersten Glied werden die Voraussetzungen genannt, im zweiten steht die jeweilige besondere Bedingung, während endlich im dritten die sich daraus ergebende Anweisung vorgetragen wird" ("В первой части указываются предпосылки, во второй определяются специальные условия, и, наконец, в третьей — вытекающие из них следствия") [29]. Суперординативную функцию здесь, по-видимому, несет *igitur*, как в предложении: *Si in ius vocat, ni it, antestimino igitur, em capito* "Если вызывают в суд, а те не идут (= вызванные), тогда (вызванный) пусть будет свидетелем". Такое понимание *igitur* может быть подкреплено словами Феста (Festus, 105 M): *Igitur nunc quidem pro completionis significacione ualeat, quae est "ergo"; sed apud antiquos ponebatur pro inde et postea et tum.* О суперординативном значении последней частицы см. [11, с. 389 и сл.]

* Автор выражает сердечную благодарность своей коллеге, д-ру Л. Савицкой, сотруднице Отделения лингвистики Еврейского Университета в Иерусалиме, которая оказала неоценимую помощь в научном редактировании русского текста этой статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lehmann W.P. Proto-Indo-European syntax. L., 1974.
2. Bader F. Structure de l'énoncé indo-européen // Papers from the 7-th International Conference on historical linguistics Amsterdam, 1987 (расширенный вариант под тем же названием — BSLP. 1986. LXXXI/1).
3. Watkins C. Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure // Proc. of the IX-the International congress of linguists. Cambridge (Mass.), 1962. The Hague, 1961.
4. Watkins C. Towards Proto-Indo-European syntax: problems and pseudo-problems // Papers from the paragession on diachronic syntax / Ed. by Steever S.B. et al. Chicago, 1976.
5. Dressler W. Eine textsyntaktische Regel der idg. Wortstellung. (Zur Anfangsstellung des Prädikatsverbums) // KZ. 1969. 83.
6. Dressler W. Über die Rekonstruktion der indogermanischen Syntax // KZ. 1971. 85.
7. Гамкрелидзе Т.В. Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1—2. Тбилиси, 1984.
8. Friedrich P. Proto-Indo-European syntax // JIES. 1975. № 1.
9. Rosén H.B. Some more noteworthy features of "primitive" Indo-European syntax // JIES. 1987. 15.
10. Rosén H. On the use and the function of sentential particles in classical Latin // Actes du V-e Colloque de linguistique Latine. Louvain-la-Neuve. 1989.
11. Rosén H.B. Die "zweiten" Tempora des Griechischen: Zum Prädikatsausdruck beim griechischen Verbum // Rosén H.B. East and West: Selected writings in linguistics. I. München, 1982.
12. Rosén H.B. Rhème et non-rhème: entités de langue. Pour une typologie des moyens d'expression formels // BSLP. 1987. LXXXII/1.

13. Gildersleeve B.L. Problemus in Greek syntax. II: The article // AJPh. 1903. V. 23. № 2.
14. Rosén H.B. Der griechische "Dativus absolutus" und indogermanische "unpersönliche" Partizipialkonstruktionen // KZ 1988. Bd. 101. № 1.
15. Rosén H.B. Sur quelques types de prédication en indo-européen ancien // Rosén H.B. East and West. selected writings in linguistics. I. München, 1982
16. Nachmanson E. Partitives Subjekt im Griechischen // Göteborgs högsk. årsskrift 1942. 48. 2.
17. Szantyr A. Lateinische Syntax uns Stilistik. München, 1964. S. 220.
18. Löfstedt E. Philologischer Kommentar zur Peregrinatio Aetheriae. Uppsala, 1911. S. 299.
19. Rosén H.B. Uterum dolet und Verwandtes. Zu einigen übersehenen frühlateinischen Zeugnissen impersonaler oder intransitiver Verbalkonstruktion // Rosén H.B. East and West. Selected writings in linguistics. I. München, 1982.
20. Schwyzer E. Griechische Grammatik. Bd 1. München, 1939. S. 552.
21. Rosén H. Eine Laut- and Formenlehre der herodotischen Sprachform. Heidelberg, 1962. S. 106 f.
22. Rosén H.B. Strukturalgrammaticalische Beiträge zum Verständnis Homers. Amsterdam, 1968. München, 1984. S. 110.
23. Rosén H. Studies in the syntax of the verbal noun in Early Latin. München, 1981. P. 44—80.
24. Rosén H. On determination in Latin // Jerusalem Hebrew Gymnasium 75-th anniversary volume. 1962. P. CII—CVIII. (на евр. яз., резюме — на англ. яз.).
25. Delbrück B. Altindische Syntax. Leipzig, 1888.
26. Rosén H.B. The comparative assignment of certain Hebrew tense forms // Proc. of the Intern. Conf. on Semitic studies. Jerusalem, 1965.
27. Rosén H.B. Retrouver la Bible à travers l'hébreu de nos jours // Revue d'Histoire et de philosophie religieuses. 1970. 2.
28. Rosén H. L'hébreu et ses rapports avec le monde classique // Comptes rendus du Groupe linguistique d'études chamito-sémitiques Suppl. 7. P., 1979.
29. Radke B. Archaisches Latein. Darmstadt, 1981.

© 1993 ПАЙК К.Л., САЙМОНС Г.Ф.

К ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ТИПОВ МАТРИЦ В МОРФОЛОГИИ

1. Введение.

В настоящей работе предлагается новый метод исторической реконструкции морфологии. Помимо описания комплекса конкретных приемов реконструкции приводятся иллюстрации из ряда языков и поясняются принципы, лежащие в основе соответствующих методов реконструкции. Сходная попытка описать этапы классической сравнительно-исторической реконструкции лексических единиц была уже предпринята К. Пайком [1]. В более поздней работе Дж. Костелло [2] попытался разработать приемы исследования синтаксических изменений и реконструкции, основываясь на тагмемной концепции описания языка К. Пайка [3].

Каковы же основные принципы и приемы, на основании которых следует усовершенствовать сравнительно-исторический метод, чтобы лучше приспособить его к решению задач в области морфологической реконструкции? В работах К. Пайка [4; 5, с. 19–38] определенное языковое явление трактуется как отдельный факт языка (*particle*): с одной стороны, ему приписывается волновая природа, а с другой — обозначается его определенное место на соответствующей схеме. В качестве нелингвистической иллюстрации этого положения возьмем дом. Он может рассматриваться: 1) как отдельное явление (предмет), например, при покупке за определенную сумму; 2) с точки зрения его нынешнего состояния во временной перспективе (волна) как почти построенный, находящийся в хорошем состоянии или рассыпающийся от ветхости; либо 3) с точки зрения его положения в определенном поле, т.е. относительно других домов — как один из домов в ряду других по одной стороне улицы, при застроенной противоположной стороне, или стоящий особняком в конце тупика, или находящийся по соседству с бакалейной лавкой.

Исходя из такого рода перспективы, мы рассматриваем классическую сравнительно-историческую реконструкцию в языкоznании как стремящуюся к воссозданию конкретных фактов. Языковед в таких случаях пытается реконструировать отдельные явления звукового или лексического уровня тысячелетней давности. Волновой подход также применяется в тех случаях, когда звуковые изменения объясняются воздействием окружения в потоке речи.

В данной работе нас главным образом интересует полевая, или схематическая, перспектива. Поле может рассматриваться как структура, а структура подразумевает не просто единицы и последовательности единиц, но пересекающиеся элементы в n-мерном пространстве языковой структуры. Мы полагаем, что подобные (частные) структуры могут применяться в исторической реконструкции языка. Настоящая работа поясняет, каким образом мы собираемся это делать.

Классическая фонетическая таблица представляет собой пример схематического подхода к звукам. Традиционная парадигма спрягаемых форм слов является знакомым примером того же подхода в области морфологии. Даже в синтаксисе применяются такие двухмерные таблицы для иллюстрации отношений между различающимися по своим размерам конструкциями [6]. В предыдущих работах Пайком предложено обобщенное определение такого рода таблиц, диаграмм и парадигм, которые он считает основными единицами схематической (полевой) перспективы. Такую единицу он называет матрицей [1; 6, с. 243].

Применительно к данным морфологии (а это является предметом настоящей статьи) матрица имеет вид пересекающихся строк и столбцов, обозначенных через различные наборы семантических функций. Клетки на пересечении строки столбцов заполнены грамматическими формами в фонологической транскрипции, которые могут представлять собой морфемы, или морфологические комплексы, или даже регулярные комбинации фонем, имеющие субморфемный статус. Как общее обозначение фонологической записи в клетке матрицы мы употребляем термин *образующая*. В случае, если некоторая образующая помещается в каждой клетке строки или столбца, она может быть названа *векторной образующей*. Частичная векторная образующая имеет место в том случае, если образующая содержится не в каждой, а лишь в некоторых клетках строки или столбца. Когда множество векторов (полных или частичных или и тех и других) для одной и той же образующей накладывается или примыкает друг к другу, они образуют блок образующих. По мере изменения языков с течением времени блоки образующих принимают различную конфигурацию. Уникальность этих конфигураций, учитывая их зависимость от выражаемых ими семантических функций, предполагает, что обнаружение сопоставимых блоков составляющих в разных языках является не исторической случайностью, а результатом общего развития, которое доступно реконструкции.

Сказанное означает, что историческая реконструкция блоков составляющих открывает широкие возможности для будущей компаративистики. В настоящей работе мы попытаемся проиллюстрировать эти возможности примерами из разных языков. Начнем с данных языка фор (Папуа-Новая Гвинея), которые впервые натолкнули К. Пайка на мысль о полевой перспективе в морфологии [7]. Затем мы рассмотрим поразительные конфигурации блоков образующих в алгонкинских языках, основываясь преимущественно на работе К. Пайка и Б. Эриксона [8], в которой использованы данные из статьи Ч. Хоккета [9]. Далее мы обратимся к данным малайтанских языков Соломоновых о-вов, заимствованным из работы Г. Саймонса [10].

Мы предполагаем, что читатель больше заинтересован в теоретическом обосновании метода и в конкретных приемах его реализации, чем в представительной выборке частных языковых данных. Поэтому на первый план настоящей работы мы постарались выдвинуть теоретические положения (они пронумерованы), основные методологические приемы и теоретические принципы, на которых они основаны.

Следует обратить внимание, что, судя по приводимой в статье библиографии, большая часть работ по дескриптивному анализу с помощью метода матриц (этот метод, как уже говорилось, открывает большие возможности для морфологической реконструкции) была опубликована в 60-е годы. Мы надеемся, что в настоящее время, в 90-е годы, настала пора расширить применение этого метода в целях сравнительно-исторической реконструкции. Но основные достижения в применении метода матричного анализа для исторической реконструкции морфологии (в противоположность описанию систем сложноподчиненных предложений в [6]) были, на наш взгляд, достигнуты как побочный результат при решении проблемы описания морфологии языка фор [7, 11].

2. Методы реконструкции морфологических матриц.

Ниже мы описываем методы исторической реконструкции в виде последовательности нумерованных этапов. Их нужно рассматривать как предварительные рекомендации, а не как истину в последней инстанции. Сначала мы описываем свою методику в применении к данным языков фор и гахуку, распространенных в Восточной горной провинции Папуа-Новой Гвинеи; во второй части раздела делается попытка применения указанных методов к данным алгонкинских языков Северной Америки.

2.1. Исследование на материале языков фор и тахуку (Папуа-Новая Гвинея).

Анализ нужно начать с трансформации матрицы с целью обнаружения оптимально показательного расположения элементов

Этап 1: Расположите строки и столбцы морфологической матрицы таким образом, чтобы как можно большее число образующих составили примыкающие друг к другу блоки.

Пример подобной трансформации объектных префиксов в языке фор показан на рис. 1. На этой матрице привлекает внимание гласный /a/ (на рисунке он подчеркнут). Он представлен в строке, содержащей ед.ч., и в столбце, содержащем 1-е л. Таким образом, /a/ не может быть просто морфемой — показателем ед.ч., равно как не может быть только показателем 1 л. Выявляются и другие любопытные блоки образующих. Морфема /si/ явно оказывается показателем дв.ч., поэтому мы помещаем ее внизу таблицы, чтобы таким образом отделить ее от остальных данных. Но, кроме того, /t/ явно служит показателем как мн., так и дв. ч., при условии, что оно одновременно выражает либо 1, либо 2 л.; /p/ определенно служит показателем 1 л. ед.ч., в то время как /k/ — показателем 2 л. ед.ч. Тогда нулевая образующая в пустой консонантной позиции соответствует 3 л.

	1 л	2 л	3 л
Ед. ч.	<u>na-</u>	<u>ka-</u>	<u>a</u>
Мн. ч.	<u>ta-</u>	<u>ti-</u>	<u>t-</u>
Дв. ч.	<u>ta<u>s</u>i-</u>	<u>ti<u>s</u>i-</u>	<u>ts<u>i</u>-</u>

Рис. 1. Объектные префиксы в языке фор (по [7, с. 2])

Следует отметить, что в конвенциональных терминах не вполне корректно называть /a/ морфемой, потому что она выражает здесь и ед. ч. и 1 л. и соответствует двум различным векторным образующим. Напротив, не вполне верно называть /ta/ морфемой 1 л. мн.ч., поскольку она очевидно состоит из двух частей. Ообычные процедуры морфемного анализа в данном случае неприемлемы, так же, как они неприемлемы, например, для английского языка. Ни одно из предпринятых до сих пор морфемных исследований английского языка не дало удовлетворительных результатов трактовки фузионных явлений в разговорной речи. К примеру, какой морфемный состав выражения /jɪpʃoʊɪt/ "Did you сплю it?". Анализ с помощью матричных образующих может оказаться плодотворным в изучении результатов волновых изменений, подобных упомянутым выше, которые представляют затруднения при исследовании статическими методами, исходящими из понимания исследуемых единиц как дискретных явлений. В конечном счете, возможно, потребуется дать определение термину "морфема" в статических, динамических и относительных терминах, исходя из различных целей исследования.

Этап 2: Отметьте блоки матричных образующих таким образом, чтобы четко показать как специфические особенности матричного пространства, так и накладывающиеся друг на друга части матрицы.

Рис. 2. отражает результат применения процедуры второго этапа к данным языка фор. /a/-образующая выглядит как фигура в форме латинской L, занимающая верхнюю строчку и левый столбец. Ограниченный точками квадрат внизу слева включает четыре единицы, содержащие /t/, а квадрат справа включает единицы, содержащие /i/. Образующая с /si/ заключена в узкий прямоугольник внизу. Ограниченный точками прямоугольник справа включает

в себя нулевую образующую для 3 л., /n/ и /k/ частично избыточны; так же, как /a/, они обозначают ед.ч., но в то же время различают 1 и 2 л.

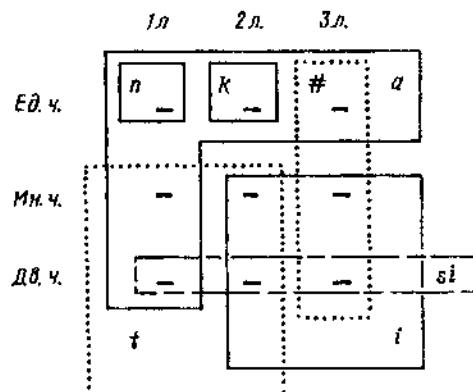

Рис. 2. Полевая структура объектных префиксов в языке фор (по [7, с. 6])

Подобная форма представления позволяет показать различающиеся блоки образующих в матрице в виде пересекающихся пространств, а не только как простую последовательность аффиксов. (Эту форму представления можно, на основании изображения на ней пересекающихся семантических характеристик, назвать, если хотите, "искаженной диаграммой Венна".) Таким образом, наличие на этой матрице фонемы или сочетания фонем само по себе не означает, что мы точно знаем, что оно обозначает. Например, чтобы узнать, что мы имеем дело с обозначением 1 л. мн. ч., мы должны знать, что /t/ соединяется с /a/ при отсутствии /si/.

Этап 3: Если структура матрицы содержит пересекающиеся блоки образующих, разделите их на отдельные образующие и выделите из сложной матрицы последовательность простых схем, не содержащих пересекающихся блоков образующих.

Рис. 3. иллюстрирует результат применения процедуры третьего этапа к матрице, содержащей данные языка фор на рис. 2. Мы видим, что потребовалось три матрицы для разделения пересекающихся блоков составляющих. При применении данной процедуры исследователь может столкнуться с трудностями разделения образующих. Метод, описанный ниже, в разд. 4, позволяет этого избежать (см. принципы 10—12).

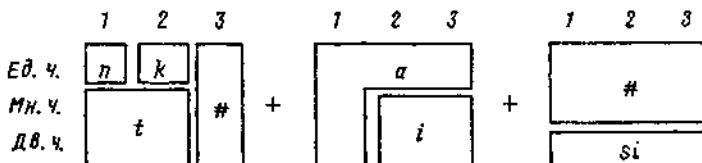

Рис. 3. Объектные префиксы в языке фор, представленные в виде трех простых матриц с непересекающимися блоками образующих

Этап 4: Сравните сходные преобразования взаимосвязанных парадигм в языке с целью внутренней реконструкции формы блоков образующих, повторяющихся в различных матрицах даже в том случае, если они содержат видоизмененный фонологический материал.

Обратите внимание на субъектные показатели в языке фор, представленные на рис. 4. На этой схеме (матрице) выделяется поразительный разряд элементов, в которых /n/ встречается в промежутке между показателем 1 л. мн. ч. до показателя 2 л. ед.ч., а /w/ — от показателя 1 л. ед. ч. до показателей 2 и 3 л. мн. ч. Эти образующие обозначены прописными буквами и подчеркнуты, чтобы нагляднее показать образуемую ими модель в виде пересечения. (Обратите внимание, что не существует преобразования, в результате которого элементы, содержащие образующую /n/, могли бы занять соседние клетки; в лучшем случае они расположатся по диагонали.)

	1 л.	2 л.	3 л.
Ед. ч.	- <u>иW</u>	-aaN	-ay
Мн. ч.	-iN	-aa <u>w</u>	-aa <u>w</u>
Дв. ч.	-is	-aas	-aas

Рис. 4. Субъектные суффиксы в языке фор (по [7, с. 8])

Когда к морфологическим показателям, фигурирующим на рис. 4, присоединяются эмфатические суффиксы, в результате фузионных процессов морфемы видоизменяются, что показано на рис. 5. Но тем не менее "они сохраняют ту же внутреннюю структуру, несмотря на различные образующие" [7, с. 11], т.е. на рис. 5 сохраняются те же очертания образующих, как и на рис. 4, несмотря на добавление эмфатических аффиксов. Следует обратить особое внимание на то, что перекрестное расположение образующих сохраняется (в данном случае это также выделено с помощью прописных букв и подчеркивания). Показатели 1 л. мн.ч. и 2 л. ед.ч. содержат одну и ту же составляющую (а именно, /pre/), в то время как показатель 1 л. ед.ч. имеет ту же составляющую (нулевую), что и показатели 2 и 3 л. мн.ч.

	1 л.	2 л.	3 л.
Ед. ч.	-o#	-aaMPe	-ati
Мн. ч.	-oMPE	-aa#	-aa#
Дв. ч.	-ote	-aate	-aape

Рис. 5. Субъектные суффиксы, слившиеся с эмфатическим суффиксом в языке фор (по [7, с. 9])

Установив специфическую конфигурацию образующих для данного участка морфологии, следует обратиться к поискам сходных структур. Наш опыт показывает, что язык стремится использовать одну и ту же матричную модель на разных участках своей структуры.

Этап 5: Проведите, применяя метод матричного анализа, сопоставимые дескриптивные исследования нескольких других языков, которые считаются родственными данному.

Э. Дейблер [12—14] развивает принципы анализа, подобные описанным выше для языка фор, на материале другого языка Папуа-Новой Гвинеи — гахуку. С. Вурм [15, с. 124] относит языки гахуку и фор к двум различным

подсемьям папуасских языков восточно-центральной семьи языков Восточного Нагорья. На рис. 6 изображена матрица объектных префиксов в языке гахуку [14, с. 14], соответствующая матрице для языка фор, представленной на рис. 1—3. Часть рисунка под буквой (а) содержит полные формы, а в части (б) эти формы разъединяются и представлены в виде последовательности матриц образующих (в соответствии с преобразованиями этапа 3). Следует отметить, что противопоставление дв. и мн.ч., которое в языке гахуку нейтрализуется в объектных префиксах, но сохраняется в субъектных суффиксах, в данном случае сохранено в матрицах образующих, чтобы обеспечить максимальную сопоставимость с соответствующими матрицами для языка фор.

		1 л.	2 л.	3 л.	
		Eд. ч.	<i>p-</i>	<i>g-</i>	<i>a-</i>
		Mн. ч.	<i>l-</i>	<i>lk-</i>	<i>k-</i>

		1	2	3	1	2	3
Eд. ч.	<i>p</i>	<i>g</i>			#		<i>a</i>
Mн. ч.	<i>l</i>		#			<i>k</i>	
Дв. ч.				+			

Рис. 6. Объектные префиксы в языке гахуку: а) в виде матрицы сложных форм; б) в виде последовательности матриц образующих

Этап 6: Попытайтесь сравнить матричную структуру одного из исследуемых языков с соответствующими структурами в другом или нескольких других языках. В случае обнаружения сходства постарайтесь представить, какую форму может иметь реконструированная матрица, лежащая в основе всех этих структур.

Сравнивая матрицы на рис. 1 и 6(а), можно отметить некоторые сходства между морфемами, но только когда мы выделим образующие и сравним конфигурации блоков образующих [как на рис. 3 и 6(б)], становится очевидным значительное сходство между префиксами в обоих языках. Следует обратить внимание на то, что структура образующих на первой матрице идентична в обоих языках. Более того, все фонологические формы характеризуются тем же местом образования; только две из них различаются по способу образования. Значительное сходство наблюдается и во второй матрице. Характерная форма образующей для (а) — в виде латинской буквы L — сохраняется в языке гахуку; фонологическое содержание в каждой клетке элиминировано, кроме форм 3 л. ед.ч. (где этого нельзя было сделать без окончательной утраты префикса, поскольку эта клетка в первой матрице содержит нуль). Самое поразительное, что (i)-образующая языка фор перестает соответствовать (k)-образующей в языке гахуку. Для достоверного объяснения этого факта придется привлечь данные других языков. Наконец, примечательно, что нейтрализация противопоставления форм дв. и мн.ч. в языке гахуку произошла в результате утраты морфемы дв. ч. (и это объясняет отсутствие третьей матрицы образующих, которая выделяется для языка фор, см. рис. 3).

На рис. 7 представлена матрица субъектных суффиксов в языке гахуку, соответствующая данным для языка фор на рис. 4. Рис. 8, который состоит из двух частей, предоставляет возможность сравнить структуры образующих в обоих

языках. Первая матрица образующих в этих языках практически идентична. Третья матрица в языке гахуку имеет характерную крестообразную модель, аналогичную второй матрице для языка фор. Последняя, собственно говоря, выглядит как результат объединения второй и третьей матриц для языка гахуку.

	1 л.	2 л.	3 л.
Ед. ч.	-iue	-ape	-ive
Мн. ч.	-iue	-ave	-ave
Дв. ч.	-iuse	-asive	-asive

Рис. 7 Субъектные суффиксы в языке гахуку (по [14, с. 24])

Заметьте, что вторая матрица для языка гахуку, содержащая только образующую дв. ч. /si/, совершенно идентична матрице для объектных префиксов в языке фор (рис. 3), причем она не зафиксирована на соответствующей схеме префиксов для языка гахуку (рис. 6).

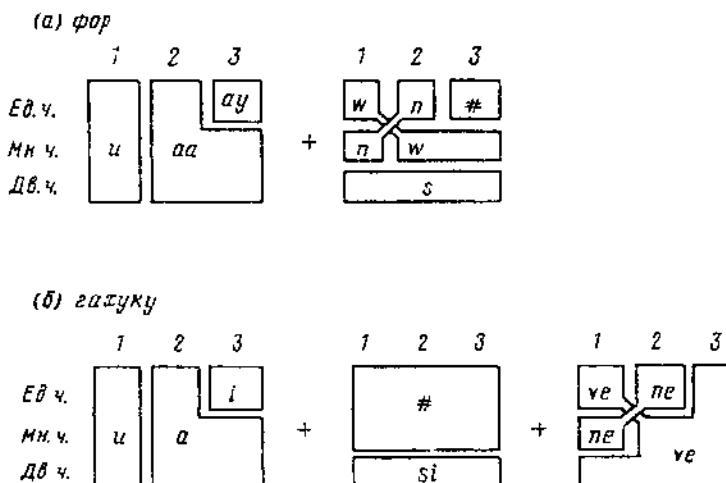

Рис. 8. Матрицы образующих субъектных суффиксов в языке фор и гахуку

На данном этапе мы еще не готовы предложить реконструкцию описанных матриц для праязыка Восточного Нагорья, поскольку пока не проделана аналогичная работа для других языков данной семьи. Однако сходства в конфигурации схем столь разительны и столь мала вероятность достижения подобных сходств в результате независимого развития, что можно с уверенностью сказать, что эти схемы унаследованы от праязыка и могут быть реконструированы непосредственно (ср. сходное утверждение Вяч. Вс. Иванова [16, с. 20] относительно синтаксической реконструкции: "Отношение сходных категорий к сходным поверхностным структурам не может быть случайным и обеспечивает возможность достоверной синтаксической реконструкции"). Приведенные примеры показывают, что конфигурация матриц может сохраняться в языках, генетически значительно отдаленных друг от друга. Согласно мнению

Э. Дейблер (частное сообщение), формальные соответствия такого рода могут оказаться более надежным критерием классификации языков данной группы, чем более редкие лексические соответствия.

Этап 7. Постарайтесь реконструировать фонологический компонент в каждом блоке образующих в реконструируемой матрице. Воспользуйтесь для этого традиционными методами компаративистики (ср., например [1, 17–18]). Однако имейте в виду, что фузионные явления, преобладающие в морфологических матрицах, могут нарушить картину регулярных звуковых соответствий в морфемах.

Не реконструировав конфигурацию матрицы на предыдущем этапе, мы не можем предпринять попытку фонологической реконструкции. Этот этап иллюстрируется ниже на материале других языковых семей. Проблема фузии и ее влияния на звуковые изменения освещается ниже, в разд. 3 и 4.

2.2. Исследование на материале алгонкинских языков Северной Америки.

Обратимся теперь к одному из наиболее поразительных примеров проявления дескриптивной силы метода блоков образующих — применительно к аффиксам переходных одушевленных глаголов в потаватоми, алгонкинском языке Северной Америки. Данные заимствованы Б. Эриксон из статьи Ч. Хоккета [9] и приводятся в [8].

На рис. 9 даны префиксы переходного одушевленного глагола, которые представлены /k-/ , /n-/ или /w-/ . Строки матрицы соответствуют лицу и числу субъекта, столбцы — лицу и числу объекта. Показатели ед.ч. предшествуют показателям мн.ч. Помимо 1, 2 и 3 л. в потаватоми существует еще так называемое 4 л.; инклузивное 1 л. обозначается в виде "12". Важно указать, что некоторые фонемы — например, /k-/ , спорадически "разбросаны" в разных позициях схемы.

		Объект							
		1	2	3	4	12	1мнч.	2мнч.	3мнч.
Субъект	1	k-	n-	n-			k-	n-	
	2	k-		k-		k-		k-	
	3	n-	k-		w-	k-	n-	k-	
	4	n-	k-	w-		k-	n-	k-	w-
	12				k-	k-			k-
	1мнч.				k-	n-	n-		k-
	2мнч.				k-	k-	k-		k-
3мнч		n-	k-		w-	k-	n-	k-	

Рис. 9. Личные префиксы переходного одушевленного глагола независимого строя в языке потаватоми (по [8, с. 202])

Теперь изменим содержание таблицы таким образом, чтобы объединить образующие в блоки (в соответствии с процедурой первого этапа). Если мы переместим строку с показателями 2 л. в верхнюю часть таблицы, поместив сразу под ней строку с показателями 2 л. мн.ч. (2р), а под ней, в свою очередь, — показатели инклузива (12), и расположим в том же порядке столбцы в виде 2, 2 р, 12, то увидим, что элементы /k-/ образуют единый блок, занимающий три верхних строки и три левых столбца. Сходным образом, расположив строку и столбец с показателями 1 л. мн. ч. вслед за показателями 1 л. ед.ч., мы получим группировку элементов /n-/ в виде строк и столбцов, расположенных

в нижнем правом углу от /k-/ . Элементы /w-/ сгруппируются тогда еще ниже в правой части схемы. В соответствии с процедурой второго этапа получившиеся блоки образующих отмечены на рис. 10. (Поскольку данные префиксы содержат только одну образующую, к ним неприменима процедура третьего этапа.) Получившуюся матрицу мы называем L-образной, поскольку блоки образующих на ней имеют форму угла. (При других преобразованиях матрицы возможно крестообразное пересечение горизонтальных и вертикальных векторов образующих, как это показано на рис. в [8, с. 203]. Соотношение образующих нагляднее предстает при L-образном построении матрицы, но в некоторых случаях для соотнесения с другими частями схемы бывает необходимо иное построение, см. [8, с. 207].)

		Объект							
		2	2мнч.	12	1мнч	1	3	3мнч.	4
Субъект	2				k-	k-	k-	k-	k-
	2мнч.				k-	k-	k-	k-	k-
	12						k-	k-	k-
	1мнч	k-	k-				n-	n-	n-
	1	k-	k-				n-	n-	n-
	3	k-	k-	k-	n-	n-		w-	
3мнч.	3мнч.	k-	k-	k-	n-	n-		w-	
	4	k-	k-	k-	n-	n-	w-	w-	

Рис. 10. Матрица личных префиксов в языке потаватоми, представляющая их иерархическую структуру (по [8, с. 203])

Из рис. 10 следует, что для обозначения 2 л., будь это субъект или объект, употребляется префикс /k-/ . С другой стороны, если обозначается не 2, а 1 л., тогда употребляется префикс /n-/ . Но если актанты не обозначаются ни через 1, ни через 2 л., а только через 3 или 4, тогда употребляется показатель /w-/ . Незаполненные позиции по диагонали можно трактовать как рефлексив: показатель 2 л. субъекта при 2 л. объекта не выражается показателем /k-/ ; аналогичным образом нулевым показателем выражается рефлексив 1 и 2 л.

Следует отметить, что описанная выше картина отражает существенное свойство языков: L-образное построение предполагает, что элемент, входящий в крупнейший блок в матрице, иерархически превосходит другие элементы в ней. Для потаватоми это означает, что если актанты глагола выражены показателями 2 и не 2 л., то 2 лицо будет выражено показателем /k-/ , независимо от того, субъект это или объект; актанту ниже рангом соответствует другой актантный показатель глагола. Соответствие /k-/ субъекту или объекту (что в данном случае не определено) уточняется с помощью других средств. Такая иерархичность может удивить ученых, многие поколения которых придерживались не требовавшего обсуждения тезиса, что 1 л. "безусловно" выше по иерархии, чем 2 (возможно, исходя из того, что мы считаем 1—2—3, а не 2—1—3). (О принципиально другой иерархии, выражающейся в виде пересекающихся трехмерных матриц, см. [19].)

Если читателя интересует, какое место занимает префикс в полной глагольной словоформе в потаватоми (она включает еще множество суффиксов, обозначающих, помимо прочего, лицо и число низшего по иерархии актанта и субъектный или объектный статус актантов), он может обратиться к [8, с. 208—209] или к более детальному описанию в [9]. Для сравнения с именами и глаголами других классов в потаватоми см. [20]. Иерархические структуры обнаруживаются и в других

Фокс объект				Кри объект			
2едч.2мнч.1едч.1мнч.3едч.3мнч.4				2едч.2мнч.1едч.1мнч.3едч.3мнч.4			
к ^е к ^е к ^е к ^е к ^е к ^е к ^е к ^е				к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и			
к ^е к ^е п ^е п ^е к ^е к ^е п ^е п ^е				к ^и к ^и п ^и п ^и к ^и к ^и п ^и п ^и			
к ^е к ^е п ^е п ^е к ^е к ^е п ^е п ^е				п ^и п ^и п ^и п ^и п ^и п ^и п ^и п ^и			
ф ^ф ф ^ф				ф ^ф ф ^ф			
Судъект				Субъект			
2едч. 2мнч.	2едч. 2мнч.	2едч. 2мнч.	2едч. 2мнч.	2едч. 2мнч.	2едч. 2мнч.	2едч. 2мнч.	2едч. 2мнч.
1едч. 1мнч.	1едч. 1мнч.	1едч. 1мнч.	1едч. 1мнч.	1едч. 1мнч.	1едч. 1мнч.	1едч. 1мнч.	1едч. 1мнч.
Зедч. Змнч.	Зедч. Змнч.	Зедч. Змнч.	Зедч. Змнч.	Зедч. Змнч.	Зедч. Змнч.	Зедч. Змнч.	Зедч. Змнч.
4	4	4	4	4	4	4	4
Одживка объект				Потаватоми объект			
2едч.2мнч.1едч.1мнч.3едч.3мнч.4				2едч.2мнч.1едч.1мнч.3едч.3мнч.4			
к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и				к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и			
к ^и к ^и п ^и п ^и к ^и к ^и п ^и п ^и				к ^и к ^и п ^и п ^и к ^и к ^и п ^и п ^и			
к ^и к ^и п ^и п ^и к ^и к ^и п ^и п ^и				п ^и п ^и п ^и п ^и п ^и п ^и п ^и п ^и			
0 0 0				0 0 0			
Шони объект				Делавэр объект			
2едч.2мнч.1едч.1мнч.3едч.3мнч.4едч.4мнч.				2едч.2мнч.1едч.1мнч.3едч.3мнч.4			
к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и к ^и				к ^а к ^а х ^а к ^а к ^а к ^а х ^а к ^а			
к ^и к ^и п ^и п ^и к ^и к ^и п ^и п ^и				к ^а к ^а п ^а п ^а к ^а к ^а п ^а п ^а			
к ^и к ^и п ^и п ^и к ^и к ^и п ^и п ^и				х ^а х ^а п ^а п ^а х ^а х ^а п ^а п ^а			
4едч. 4мнч.				4едч. 4мнч.			
шайенн объект				блэкфут объект			
2едч.2мнч.1едч.1мнч.3едч.3мнч.4				2едч.2мнч.1едч.1мнч.3едч.3мнч.4едч.4мнч.			
п ^е п ^е п ^е п ^е п ^е п ^е п ^е п ^е				к ^и т к ^и т к ^и т к ^и т к ^и т к ^и т к ^и т к ^и т			
п ^е п ^е п ^а п ^а п ^е п ^е п ^а п ^а				п ^и т п ^и т п ^и т п ^и т п ^и т п ^и т п ^и т п ^и т			
п ^е п ^е п ^а п ^а п ^е п ^е п ^а п ^а				п ^и т п ^и т п ^и т п ^и т п ^и т п ^и т п ^и т п ^и т			
р ^е р ^е р ^е р ^е р ^е р ^е р ^е р ^е				0 0 0			
4едч. 4мнч.				4едч. 4мнч.			

Рис. 11. Матрицы префиксов лица и числа в восьми алгонкинских языках (по [21, с. 5–6])

областях грамматики потаватоми, как в различных позициях суффиксов переходного одушевленного глагола независимого строя, так и в глаголах других классов и даже среди имен. Это обеспечивает достаточно широкое пространство для внутренней реконструкции подобных иерархических структур (этап 4).

Обратимся теперь к сравнительно-исторической реконструкции иерархических моделей в праалгонкинском. Дж. Морган [21] приводит конфигурации сравнительных матриц (этап 5) для восьми алгонкинских языков. На рис. 11 воспроизведены его матрицы для префикса, представленного на рис. 10 (к сожалению, они не содержат показателей инклузивного 1 л. мн. ч.).

Следует обратить внимание, что конфигурация составляющих иерархию элементов неизменна во всех восьми языках. Эти сходства слишком регулярны и слишком сложны, чтобы их можно было отнести за счет заимствования или независимого развития. Поэтому мы уверенно предполагаем аналогичную

структуру иерархии для исходной матрицы в прайзыке (этап 6), хотя некоторые из соотносительных блоков образующих имеют такое различное фонологическое наполнение, как /pe-/ в языке шайенн и /kit-/ в языке блэкфут.

Реконструкция фонологической формы для каждого блока образующих протоматрицы не столь очевидна, поскольку образующие в разных языках несколько различаются. Там, где в потаватоми представлено /k-/, в языке фокс — /ke-/, в языках кри, оджибва и шони — /ki-/, в языке делавэр — /k-/, в языке блэкфут — /kit-/, а в языке шайенн — /pe-/. Сходным образом, там, где в потаватоми находим /pi-/, в фокс представлено /pe-/, в кри, оджибва и шони — /pi-/, в блэкфут — /pit-/, в делавэр — /p-/ и в шайенн — /pa-/. В потаватоми /w-/ соответствует /w-/ в делавэр, /o-/ в оджибва, /ho-/ в шони, /e-/ в шайенн и нуль в фокс, кри и блэкфут.

Фонологическая реконструкция алгонкинских языков осуществлялась отчасти и ранее. Можно упомянуть, например, ранний опыт реконструкции праалгонкинской фонологической системы Л. Блумфилдом [22]; к недавним работам в этой области относится [23], И. Годдарл [24—25] предпринял попытку масштабного описания алгонкинского глагола, сопровождаемого реконструкцией. В постулировании фонологического содержания блоков образующих *ke-, *pe- и *we- в прайзыке (в соответствии с этапом 7) мы полагаемся на компетентность упомянутого автора. Реконструированная матрица представлена на рис. 12.

		Объект							
		2	2 мнч.	12	1 мнч.	3	3 мнч.	4	
Субъект	2					*ke-	*ke-	*ke-	*ke-
	2 мнч.					*ke-	*ke-	*ke-	*ke-
	12					*ke-	*ke-	*ke-	
	1 мнч.	*ke-	*ke-						
	1	*ke-	*ke-						
						*pe-	*pe-	*pe-	
						*pe-	*pe-	*pe-	
									*we-
						*pe-	*pe-		*we-
						*pe-	*pe-		*we-
									*we- *we-

Рис. 12. Реконструированная матрица префиксов лица и числа переходного одушевленного глагола вprotoалгонкинском

Полное грамматическое маркирование переходного одушевленного глагола в алгонкинских языках, где различаются лицо и число субъекта и объекта, может быть представлено при объединении приведенной выше матрицы и матриц для трех суффиксов, фигурирующих в [8, с. 207] и [21]. Три последних матрицы могут быть реконструированы с использованием той же методики с целью достижения полной реконструкции морфологической системы переходного одушевленного глагола. (Этот этап, поскольку в данном случае он не имеет ценности для разъяснения методологии, мы предоставляем осуществить читателю в качестве упражнения.)

3. Принципы языковых изменений в морфологических матрицах.

Перспектива, открывающаяся с использованием метода матриц, позволяет по-новому взглянуть на природу языковых изменений. Традиционная компаративистика говорит о расщеплении и слиянии (например, фонем и слов) как об основных механизмах исторических изменений. Метод матриц открывает два

других механизма, а именно фузию и аналогическое развитие, которые, по всей видимости, играют очень важную роль в морфологических (в отличие от чисто фонологических или лексических) изменениях. Эти механизмы описываются в разд. 3.1 и затем поясняются в разд. 3.2 на примерах из языка малайта, распространенного на Соломоновых о-вах.

3.1 Основные типы матриц и основные механизмы изменений.

К. Пайк [7, с. 16; 26, с. 204] описал два основных типа матриц, которые изображены на рис. 13. Первая из матриц, которую автор называет простой, содержит полную векторную образующую в каждой строке и столбце. Это значит, что на первой строке располагается одна и та же морфема, сохраняющая значение строки во всех позициях; вторая и третья строки содержат другие морфемы с соответствующим значением. Аналогичным образом, каждая морфема, входящая в тот или иной столбец, имеет значение, приписанное этому столбцу. Таким образом, каждая из ячеек этой матрицы содержит две морфемы — одну со значением строки и другую со значением пересекающегося столбца. В левой части рис. 13 представлена эта простая форма матрицы.

„Простая“			„Идеальная“		
A	B	C	A	B	C
X	xa	xb	xa	d	f
Y	ya	yb	ya	g	i
Z	za	zb	za	j	l

Увеличивает лексическую различительность Увеличивает артикуляционную различительность

Рис. 13. Два типа регулярных парадигм

Модель второй основной матрицы, которую Пайк называет идеальной матрицей, обладает только одной образующей для каждой ячейки матрицы. Каждая ячейка, таким образом, имеет различную образующую, которая одновременно указывает на значение строки и колонки. Правая сторона рис. 13 изображает, следовательно, эту идеальную конфигурацию.

Исходя из этих определений двух фундаментальных типов матриц, можно теперь изложить основные, на наш взгляд, принципы морфологических изменений. Первый из двух принципов определяет значение двух главных механизмов морфологических изменений:

Прицип 1. Фузионные явления в фонологии могут изменить простую матрицу с векторными образующими в направлении идеальной матрицы с единственной образующей в каждой ячейке.

Второй принцип, напротив, гласит:

Прицип 2. Парадигматическая аналогия может служить основанием изменения идеальной матрицы с единственной образующей в каждой ячейке в простую матрицу с векторными образующими.

Благодаря фузионным явлениям, характерным для быстрой речи, две морфемы в одной ячейке могут комбинироваться в единый с фонологической точки зрения элемент, в котором объединены оба семантических значения. Такого рода слияния обычны для спонтанной речи и не сказываются на ее внятности. По мере того как с течением времени такие фузионные явления закрепляются,

две первоначальных векторных образующих в каждой из ячеек матрицы могут превратиться в одну.

Возможно и "давление системы" в сторону противоположного развития. Сходные фонологические элементы образующих, занимающих одиночные ячейки, по аналогии могут интерпретироваться как частичные векторные образующие и постепенно распространяться на весь вектор, превращаясь таким образом в новые морфемы.

Фузионные или аналогические изменения не являются целиком произвольными, поскольку, как указывает К. Пайк [26, с. 205]:

"Прицип 3. Две основные конфигурации матриц действенны в двух разных отношениях. Действенность простой матрицы проявляется в том, что она требует минимального количества морфем для выражения всех различий, содержащихся в матрице; идеальная же матрица наиболее действенна в том смысле, что требует самого краткого выражения (*utterance*) для передачи каждого различия".

Фузия и аналогия могут интерпретироваться как приемы преобразования матрицы (или, по крайней мере, поочередно каждой ячейки матрицы) из одного типа в другой. С помощью фузии достигается большая артикуляционная различительность на основе минимизации фонологического содержания ячейки матрицы, что облегчает произношение. Аналогия, с другой стороны, ведет к большей лексической различительности путем сокращения количества морфем в словаре (*lexicon*).

Матричный метод, таким образом, подводит нас к следующему объяснению явления, существование которого уже более столетия признается историками языка:

Прицип 4. История языка характеризуется постоянными колебаниями между двумя противоположными тенденциями: тенденцией к большей артикуляционной отчетливости (*articulatory efficiency*) и тенденцией к большей лексической различительности (*lexical efficiency*).

Первая часть этого принципиально важного утверждения представляет собой почти прямую цитату из Г. Пауля [27, разд. 307]; вторая часть — наше пояснение сути противоположных тенденций. К. Пайк в упомянутой работе замечает далее, что "по всей видимости, устойчивость человеческого языка отражает этот вид колебаний, — речь идет о нечеткой норме, колеблющейся в неопределенных пределах, которые, возможно, редко достигают области вполне регулярных типов" [26, с. 206].

Фонологическое слияние может рассматриваться, с другой стороны, как процесс энтропии. В случае, если этот процесс длится неопределенно долго, многие простейшие морфологические структуры могут исчезнуть, что приведет к нарушению коммуникации. Чтобы противодействовать этой физической тенденции в произношении и сохранить коммуникативные возможности, должен возникнуть какой-то обратный процесс — иначе мы вообще утратили бы языки. Коммуникативная прозрачность, исчезнувшая по причине фузионных явлений, может быть реконструирована в результате изменений по аналогии, которые позволяют восстановить простые матрицы. В недавней работе К. Пайк определил этот обратный процесс как антиэнтропию [28, с. 42—44]. Обращает на себя внимание сходство этой формулировки со словами Г. Пауля: "За каждым случаем нарушения порядка следует его восстановление" путем "аналогического выравнивания" (после "устранения звуковых изменений") [28, разд. 367].

Матричный способ может также включить в себя понятие "зимствования" как механизма языкового изменения. В ситуации контакта языковых коллективов диалект может рассматриваться как еще одно измерение полевых структур типичного носителя языка. Тогда зимствование может трактоваться как изменение в результате аналогического выравнивания в пределах данного измерения диалекта.

3.2. Исследование на примере малайтанских языков Соломоновых о-вов.

Проиллюстрируем возможности языкового изменения путем слияния и аналогического выравнивания на примере морфологической реконструкции австронезийских языков Соломоновых о-вов, а именно реконструкции системы местоимений в языках, распространенных на о-ве Малайта. В данном случае мы используем факты из неопубликованной работы Г. Саймонса "Morphological reconstruction and change in the pronoun systems of the Malaitan languages".

Применяя процедуру, описанную нами выше в разд. 2, Г. Саймонс реконструировал прономинальную систему промалайтанского языка, включающую четыре числа (единственное, двойственное, тройственное и множественное), четыре лица (первое эксклюзивное, первое инклузивное, второе и третье) и множество функциональных разрядов местоимений (включая свободные местоимения, посессивные суффиксы, объектные суффиксы и многочисленные категории субъектных показателей). В качестве основания для приводимых здесь примеров на рис. 14 показаны реконструированные с применением указанной методики формы свободных местоимений и субъектных показателей будущего времени в ед. и дв. числах.

<i>Свободное местоимение</i>	<i>Субъектный показатель буд.бр.</i>
1 ед.ч.	*pa <i>i</i> *ku <i>kai</i>
2 ед.ч.	*'o <i>e</i> *'ok <i>oi</i>
3 ед.ч.	*ni <i>a</i> *k <i>ai</i>
1 др.ч. инкл.	*guri <i>a</i> *guri <i>a kai</i>
1 др.ч. экскл.	*gati <i>riu</i> <i>a</i> *mir <i>iu</i> <i>a kai</i>
2 др.ч.	*dati <i>riu</i> <i>a</i> *tiri <i>ua kai</i>
3 др.ч.	*gi <i>ra</i> <i>riu</i> <i>a</i> *gi <i>ra</i> <i>riu</i> <i>a kai</i>

Рис. 14. Некоторые реконструированные местоименные формы в протомалайтанском (по [17, с. 46])

Анализ данных на рис. 14 позволяет восстановить протосистему, занимающую промежуточное положение между двумя крайностями: максимальной артикуляционной различительностью (articulatory efficiency) и максимальной лексической различительностью (lexical efficiency). К примеру, субъектные показатели будущего времени имеют общую образующую /*kai/, отличающуюся только в форме 2 л. ед.ч., где ассимилированный гласный сигнализирует начало фузии. Следует также обратить внимание на то, что основной моделью субъектных показателей будущего времени является присоединение образующей /*kai/ к форме, весьма напоминающей свободную. Однако целый ряд существенных отличий этих форм от свободных ослабляет степень лексического разнообразия в пользу большей артикуляционной различительности.

На острове Малайта, длина которого достигает всего 160 км, а максимальная ширина — 32 км, распространены двенадцать языков. Два из них, тоабанта и фаталека, носители которых находятся друг от друга на расстоянии всего 32 км и имеют 72% родственных слов по стословному списку Сводеша, обнаруживают совершенно различное историческое развитие. Местоименная система одного из них, тоабанта (см. синхронное описание местоимений в [10]), для которой характерно широкое применение фузии, приближается к максимальной артикуляционной различительности. Например, в субъектных

показателях будущего времени формы дв. числа, каждая из которых в реконструированном виде состоит из восьми-десяти фонем, сократились в результате фузионных процессов до четырех фонем. С другой стороны, в языке фаталека местоименная система приближается к максимальной лексической различительности в результате широкого применения аналогического выравнивания. Например, при образовании субъектных показателей будущего времени образующая /kai/ распространена на все формы будущего времени, в то время как свободные местоимения без каких-либо изменений стали служить основой для образования форм будущего времени. В результате в лексической системе тоабанта каждый субъектный показатель будущего времени должен фиксироваться как особая лексическая форма, в то время как в лексической системе фаталека регистрируется только единная форма /kai/, синтаксически сочетающаяся со свободным местоимением. Результаты подобного развития иллюстрируются на рис. 15.

	<i>Тоабанта</i>	<i>Протомалайтанский</i>	<i>Фаталека</i>
	<i>Суб. показатель будущ.бр</i>	<i>Суб. показатель будущ.бр</i>	<i>(Свободная форма) буд.бр.</i>
1 едч.	<i>kwai</i>	<i>*kukai</i>	<i>(pau) kai</i>
2 едч.	<i>'oki</i>	<i>*'okoi</i>	<i>('oe) kai</i>
3 едч.	<i>kai</i>	<i>*kai</i>	<i>(nia) kai</i>
100 ч. инкл	<i>koki</i>	<i>= *garia kai</i>	<i>(karo) kai</i>
100 ч. экскл.	<i>teki</i>	<i>*mirua kai</i>	<i>(karo) kai</i>
200 ч.	<i>toki</i>	<i>*tigria kai</i>	<i>(kamoro) kai</i>
300 ч.	<i>keki</i>	<i>*girarua kai</i>	<i>(kerct) kai</i>

Максимальная лексическая различительность

Минимальная лексическая различительность

Артикуляционная различительность

Рис. 15. Морфологические изменения в результате фузии vs. аналогии в субъектных показателях будущего времени в двух малайтанских языках (по [17, с. 45])

Примеры фузии в тоабанта поразительны в том отношении, что прамалайтанские формы сокращены в результате этого процесса до половины своей первоначальной длины без ущерба для выражаемой ими информации. На рис. 16 показан этот процесс для двух из субъектных маркеров будущего времени. Соответствующие прамалайтанские формы состоят из четырех морфем общей длиной в восемь фонем. Таблица отражает состояние, реконструируемое для промежуточного прайзыка, непосредственно предшествующего тоабанта и общего для всех языков северной малайтанской подгруппы. В формах современного языка тоабанта, как видно из той же таблицы, фузионные процессы оставили лишь по одной фонеме от каждой из исходных морфем.

	<i>2 л. бб. ч.</i>	<i>2 л. тройств. ч.</i>
<i>Протомалайтанский</i>	<i>*ti-gua ka-i</i>	<i>*ti-olu ka-i</i>
<i>Претоабанта</i>	<i>*ti-ro ka-i</i>	<i>*ti-lu ka-i</i>
<i>Тоабанта</i>	<i>t - o - k - i</i>	<i>t - u - k - i</i>

Рис. 16. Фузионные явления при развитии субъектных показателей будущего времени в языке тоабанта (по [17, с. 43])

На табл. 17 и 18 показано, что фузионные явления не сократили количества передаваемой формами информации. На рис. 17 сначала представлена матрица субъектных маркеров будущего времени дв. и тр.ч. Следует обратить внимание на то, что формы 2 л. те же, что и в предыдущей таблице. В синхронном плане наиболее разумно выделять в этих формах две морфемы: первую — показатель лица и числа и вторую — показатель синтаксической функции данных форм в качестве субъектных маркеров будущего времени. Отметим, что для первой морфемы все восемь различий по лицу и числу сохранены, хотя в фонологическом отношении в сравнении с прамалайтансским состоянием они предельно сокращены. Алломорфное варьирование морфемы */-ki/* в формах 3 л. является, собственно говоря, случаем смещенного противопоставления. Две формы субъектных показателей, которые можно было бы ожидать в случае отсутствия варьирования второй морфемы, а именно */keki/* и */kiki/*, встречаются в полной парадигме мн.ч. Чтобы избежать смешения форм, гласные морфемы — показателя числа в претоабанта [**ro-* и **-lu* (см. рис. 16)] перестали вставляться в суффикс будущего времени и образовали морфемы */-koi/* и */-kui/*. Это позволило сохранить исходную информацию о числовых различиях.

	1 инкл.	1 экскл.	2	3
дв.ч.	<i>ka-ki</i>	<i>te-ki</i>	<i>to-ki</i>	<i>ke-koi</i>
Тройств.ч.	<i>ku-ki</i>	<i>ti-ki</i>	<i>tu-ki</i>	<i>ki-kui</i>

Рис. 17. Результаты фузионных явлений в субъектных показателях будущего времени в языке тоабанта (по [17, с. 43])

На рис. 18 показано формирование морфемы с кумулятивным значением лица и числа в тоабанта. В прамалайтанском маркирование лица и числа осуществлялось в режиме простой матрицы. В таблице, представленной на рис. 18, столбцы векторных образующих соответствуют различиям по лицу, а строчки — различиям по числу. Эта же структура матрицы сохраняется на стадии претоабанта, хотя все образующие сократились на этом этапе до одного слога. В современном тоабанта исходная простая матрица с регулярными векторными образующими оказалась свернутой в идеальную матрицу с одноячайковыми образующими. Следует заметить, что в свернутой матрице сохранены все первоначальные различия: числовые различия выражаются при этом подъемом гласного, а различия по лицу — сочетанием согласного и огубленного гласного.

В языке фаталека, с другой стороны, хотя он распространен всего в 32 км от носителей языка тоабанта, те же прайзыковые формы претерпели развитие через аналогическое выравнивание векторов. Полные данные приведены выше, на рис. 15. На рис. 19 приводятся лишь формы ед.ч. и показывается, как форма 3 л. ед.ч. распространяется и замещает одноячайковые образующие полной векторной образующей.

На рис. 15 суммированы поразительно различные направления развития, избранные этими двумя близкородственными языками (оба развивались из прамалайтанского): один выбрал путь синтагматического слияния, с целью максимизации артикуляционной различительности, а другой — парадигматическую аналогию, обеспечивающую максимальное разнообразие на лексическом уровне. Такие существенные различия между географически столь близкими языками, имеющими к тому же так много общего в лексике, — одно из самых поразительных явлений, с которыми нам приходилось сталкиваться. Нам неизвестен какой-либо другой подход в рамках сравнительно-исторической методологии, который обладал бы такой же объяснительной силой в отношении

Протомалаитанский Лицо				Число			
1 лица 1 языка 2				3			
дв. ч.	gu	mi	tu	gira	rua	rua	rua
Тройств. ч.	gu	mi	tu	gira	olu	olu	olu

⇒

Претоабаита Лицо				Число			
ku	ti	tu	ki	ro	ro	ro	ro
ku	ti	tu	ki	lu	lu	lu	lu

⇒

Таобаита Лицо-число			
ko	te	to	ke
ku	ti	tu	ki

Рис. 18. Фузионные явления, не ведущие к утрате информации в образующих лица—числа в языке таобаита (по [17, с. 44])

Протомалаитанский	1 ед. ч.	2 ед. ч.	3 ед. ч.
	*kukai	*'akoi	*kai
↓			
Фаталека	kai	kai	kai

Рис. 19. Изменения по аналогии в субъектных показателях будущего времени в языке фаталека (по [17, с. 39])

данного явления. Наш пример позволяет предположить, что, начавшись, процесс аналогического выравнивания векторов не столь легко обратим в противоположный процесс слияния морфем; то же самое справедливо для обратного процесса.

4. Принципы, на которых основывается матричный подход к реконструкции.

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых общих принципов, лежащих в основе введенных в разд. 2 методов реконструкции; описанные в разд. 3 направления языковых изменений послужат нам при этом в качестве фоновых знаний. Мы надеемся, что эти методы позволят обосновать эффективность предлагаемого способа реконструкции. Каждый из семи этапов описывается наряду с лежащими в его основе принципами.

Этап 1 предполагает организацию данных морфологии в виде матрицы и трансформацию строк и столбцов с целью обнаружения ингерентной матричной структуры. В основе этой операции лежит убеждение, что

Прицип 5. Исследователь должен быть готов выбрать временную точку зрения как сторонний наблюдатель, рассматривая единицы как (а) относительно статичные и имеющие четко очерченные границы (дискретная точка зрения), или (б) точки во временной последовательности единиц с выделенным ядром, но размытыми границами (волновая точка зрения), или (в) элементы большей по объему модели семантических отношений, например, матрицы (полевая точка зрения).

Принципиальная возможность и ценность гибкой позиции наблюдателя обсуждались в [4] и [5, с. 19—38], где способность проявлять гибкость определяется как одно из свойств человеческой природы вообще. Такая гибкость позиции наблюдателя крайне существенна для методологии лингвистической реконструкции в том виде, в каком она излагается в настоящей работе.

Идея использовать метод матриц при синхронном анализе морфологии родилась у К. Пайка вследствие неудовлетворенности подходом к явлениям языка как к дискретным фактам. Так, он писал [7, с. 10]:

Прицип 6. "Линейное расположение алломорфов, хотя оно зачастую осмысленно, информативно и продуктивно в рамках теории дискретных фактов, неудовлетворительно в тех случаях, когда [семантическая] категория и образующая не совпадают полностью".

Идея применить матричный метод в сравнительно-исторической реконструкции также появилась вследствие осознания неадекватности элементарного подхода (particle view) самого по себе. Традиционная компаративистика основывается на элементарном подходе, в рамках которого реконструируемые единицы рассматриваются как элементы, подвергающиеся изменениям путем смещения, расщепления и слияния. По нашим данным, основными способами морфологических изменений являются фузия и изменение по аналогии, которые следует рассматривать в рамках волновой теории и теории поля. Таким образом,

Прицип 7. При сравнительно-исторической реконструкции такие языковые единицы, как морфемы, следует рассматривать не только как элементы, способные изменяться с течением времени посредством смещения, расщепления или слияния, но также как единицы волновой природы, которые могут изменяться во времени путем полного слияния, и как элементы структуры поля (или матрицы), претерпевающие во времени изменения по аналогии (посредством векторного распространения).

Этап 2 предусматривает маркирование блоков образующих в измененной структуре матрицы. Существование образующих, которые не являются ни одноклеточными, ни обладающими полным вектором, дает возможность сформулировать следующий принцип:

Прицип 8. Значение морфемы необязательно предполагает изоморфное отношение между некоторой фонологической формой и некоторым семантическим дифференциальным признаком; в равной мере необязательно наличие суммы дифференциальных признаков, постоянно присущих данной морфеме.

Значение образующей, в том числе в качестве частного случая классической морфемы, может в действительности представлять собой дизъюнкцию набора семантических признаков (или комбинации признаков). Определение важности того или иного признака для данного участка выражения зависит от характера пересечения наборов значений для всех образующих данного выражения. Аналог диаграммы Венна, представляющей пересекающиеся связи между потенциальными значениями различных образующих в разных точках структуры, мог бы обусловить выбор конкретных значений, необходимых и доступных слушателю в данный момент. Таким образом,

Прицип 9. Полная информация о компонентах значения, реализующихся в данной словоформе, не сводится к простому соединению значений составляющих словоформу морфем, а формируется пересечением блоков образующих при наложении матриц.

Процесс наложения матриц подробно описан в [8, с. 207].

Этап 3 заключается в установлении границ между образующими и распределением сегментированных образующих в последовательность матриц. Это не всегда легко сделать; зачастую трудно, даже не всегда возможно, определить границу между образующими. Собственно, подобные выводы предсказуемы на основе волновой теории:

Прицип 10. Согласно волновой теории, элементы имеют четко выделяемое ядро (на гребне волны) и нечеткие (размытые) границы (у подошвы волны).

Несколько десятилетий назад К. Пайк указал, что фонетический сегмент может быть определен как звук, "имеющий нечеткие границы, но с ядром, которое образуется вершиной или периферией голосовой щели" [29, с. 107]. Позже он обнаружил, что сходная неопределенность обнаруживается также при попытках определить морфемные границы. (См. [5, с. 120] о волновом характере значения; о волнах в фонологии см. [5, с. 24–26, 88–91]. О понятии волнообразных изменений как важного компонента синтаксического анализа см. [30].)

Применение волновой теории в морфологическом анализе требует формулирования следующего процедурного принципа:

Прицип 11. Исследователь должен быть готов к некоторой неопределенности, или произвольности, решения в том случае, когда приходится разделять соседние (или даже одновременно существующие) образующие, распределяемые по ячейкам соседствующих (или, возможно, накладывающихся друг на друга) матриц.

К. Пайк столкнулся с этим принципом в своей первой работе, в которой применил метод анализа с помощью матриц в морфологии, а именно, в упомянутом в разд. 2.1. исследовании языка фор. Г. Скотт, на данных которого основывалась эта работа, был вынужден принять ряд произвольных решений [7, с. 14–15], но во всех случаях результат был таков, что подобная произвольность в определении границ образующих не "сказалась сколько-нибудь серьезным образом на топологии системы — количестве матриц, ячеек в них и их взаимосвязях", даже в случаях, когда изменялось фонетическое содержание образующих в разных ячейках системы [7, с. 15].

Особый случай в отношении неопределенности сегментации представляет полное или частичное наложение образующих. Историческая реконструкция некоторых языков была бы затруднена, если бы ожидалось, что слова и предложения могут быть реконструированы как простая последовательность фонем. Некоторые ученые из стран Азии, например, возражают против "европоцентричного" взгляда на фонему как на основную единицу реконструкции; в их представлении конечной целью реконструкции должен быть слог. П. Денлиндженер указывает, что в китайско-тибетских языках слог является носителем тона, равно как других одновременно артикулируемых характеристик, таких, как долгота, назализация и глottализация [31, с. 19–23]. Он отмечает также, что более продуктивно рассматривать слог не как последовательность фонем, а как сочетание "инициали" и "финали" (или рифмы), для которой существенны индивидуальные фонетические признаки (такие, как носовой/смычный). При матричной реконструкции такие одновременно реализуемые образующие, как тон, долгота, назализация, тембр или различительные признаки, разводятся для сравнения в разные матрицы. (О синхронном анализе тоновых характеристик с помощью метода матриц см. [32], [33, с. 81–83] и [34]. В [35] описываются качество гласных, долгота и тон в окончаниях глагола в навахо.)

Опасность ошибки, происходящая от неправильно проведенных границ между образующими, в сравнительно-исторической реконструкции меньше, чем при синхронном анализе, потому что при сравнении сходных данных в разных языках можно обнаружить и проследить пути возникновения фузиональных явлений, которые затемняют истинные границы и затрудняют анализ данного языка на синхронном уровне. Это дает возможность сформулировать следующий процедурный принцип:

Прицип 12. Исследователь должен быть готов изменить первоначальную точку зрения на границу между образующими под воздействием данных сравнительно-исторического исследования родственных языков, указывающих на имевшие место фузиональные явления.

Сопоставление данных родственных языков указывает на явления такого рода, поскольку

Принцип 13. Синтагматическое слияние звуков, или фонологическое усечение морфем, часто происходит без утраты исходных контрастных лексических единиц, поскольку их остатки сохраняются на последующих этапах развития языка.

Это положение подробно иллюстрируется в разд. 3.2 на примерах из языка маланта. См. выше, рис. 16 и 18.

В качестве заключительного замечания о трудностях сегментации приведем ранее высказывание К. Пайка, которое может помочь объяснить, почему компаративисты (и лингвисты вообще) предпочитают рассматривать элементы языка как дискретные элементы, а не как волны:

Принцип 14. "Неопределенность сегментации [не обязательно] снижает коммуникативную ценность; [иногда] это мешает исследователю, стоящему на точке зрения теории дискретных элементов, который предпочитает продвигаться от морфемы к слову и далее — к предложению (и в обратном направлении) четко обозначенными шагами" [7, с. 15].

Этап 4 предполагает сравнение различных матричных структур в одном и том же языке с целью выявить возможности внутренней реконструкции более ранних этапов развития данного языка. В основе этого этапа лежит убеждение, что

Принцип 15. Языку свойственно неоднократно применять определенный тип матричной модели на разных участках структуры.

В случае, когда некоторый тип матрицы повторяется на разных участках структуры, внутренняя реконструкция может установить ее существование на более ранней стадии развития языка. В разд. 2 мы привели примеры повторяемости крестообразной матрицы в языке фор и L-образной — в языке потаватоми. Собственно, в последнем случае L-образная форма настолько характерна, что сохраняется при различных преобразованиях в разных матрицах.

Следующий принцип также может оказаться полезным при внутренней реконструкции:

Принцип 16. После установления более или менее регулярной системы образующих нарушение регулярности может свидетельствовать об исторических изменениях.

Это означает, что в случае матрицы, приближающейся к простому типу (с преимущественно векторными образующими), следует проверить, не обусловлены ли нарушения регулярности фузионными явлениями, исключив которые можно реконструировать простую матрицу. С другой стороны, в случае матрицы, приближающейся к идеальному типу (образующие которой преимущественно занимают по одной отдельной ячейке), следует выяснить, не является ли причиной нарушения регулярности аналогическое выравнивание, вслед за чем станет возможной реконструкция идеальной матрицы. При внешней реконструкции данные такого рода признаются недостаточными и для подтверждения предлагаемой реконструкции привлекаются данные других языков. Предложенный ход исследований может, однако, оказаться полезным при выдвижении гипотез, предполагающих последующую проверку на внешних данных. (О применении метода матриц при внутренней реконструкции см. [35].)

Этап 5 предполагает проведение сопоставимых исследований матриц в родственных языках для сбора фактов, необходимых для внешней реконструкции более ранних стадий развития данного языка. Основной принцип, на котором базируются попытки реконструкции матриц, заключается в следующем:

Принцип 17. Модели распределения образующих в матрице могут оставаться неизменными в течение определенного времени, несмотря на значительные фузионные явления, которые способны скрыть (на ранних стадиях исследования) происхождение из общих фонологических источников.

Из этого следует еще один принцип реконструкции, который гласит:

Принцип 18. Однаковые модели распределения образующих в матрице, особенно специфичные, чаще свидетельствуют об общем происхождении, чем о произвольном независимом развитии.

Несколько лет назад, находясь в Германии, К. Пайк демонстрировал историку языка проф. Х. Зайлеру крестообразную матрицу морфем в языке фор (см. выше, рис. 4 и 5). Проф. Зайлер заметил при этом, что он обнаружил сходную крестообразную модель в субматрице именных флексий в древнегреческом языке, которая "стала, по мере развития в среднегреческом и новогреческом, основой для именного словоизменения вообще" (цит. по [26, с. 208, примеч.], там же даются ссылки на публикацию Зайлера по данной теме). Это был первый случай поддержки со стороны историка языка предположения, что матричный метод может быть использован в исторической реконструкции морфологии.

Этап 6 предполагает попытки реконструировать матричные структуры путем их сравнения в разных языках. Предложение реконструировать сначала очертания блоков образующих, прежде чем пытаться реконструировать их фонологическое содержание, основывается на следующем принципе:

Принцип 19. Очертания образующих матрицы сохраняются зачастую лучше, чем фонологическое содержание этих образующих.

Мы убеждены в справедливости данного утверждения, поскольку:

Принцип 20. Аффиксы и прочие короткие безударные грамматические морфемы с течением времени особенно подвержены фузии и другим видам нерегулярных изменений.

Следует обратить внимание на то, что традиционный сравнительно-исторический метод дает лучшие результаты для лексических корней. В рамках волновой теории такие формы (обычно несущие ударение) в потоке речи находятся на гребне волн (*crest*); в этой наиболее различительной позиции в волне они в наибольшей степени подвержены действию законов регулярных звуковых изменений. Безударные грамматические морфемы, напротив, находясь в подошве (*trough*) волны (в промежутках неразличимости между отчетливо выделяемыми центрами), не столь подвержены действию указанных законов и склонны к нерегулярным изменениям. Исходя из этого, мы склонны считать, что

Принцип 21. При реконструкции в морфологии реконструкция матриц чаще оказывается более убедительной, чем фонологическая или морфемная реконструкция.

Реконструкция структуры матрицы оказывается успешной потому, что реконструируемые элементы являются единицами змического уровня. Таким образом,

Принцип 22. Блок образующих матрицы, имея план выражения и план содержания, является единицей змического уровня и как таковой может быть объектом реконструкции.

Как единица змического уровня блок образующих также "хорошо определен в отношении контрастивности, (этической) вариативности и распределения" [7, с. 11] и может быть описан в этих терминах.

Классическая компаративистика занимается поисками соответствий между змическими единицами, в которых формальное сходство соотносится со сходством в значении. Вклад матричного метода в реконструкцию выражается в том, что конфигурация блоков образующих формально (и визуально) характеризует значение единиц змического уровня. Вследствие этого конфигурации блоков можно быстро и легко сопоставить, чтобы определить степень семантического сходства между потенциально соответствующими друг другу единицами.

Этап 7 предполагает попытку реконструкции фонологического содержания блоков образующих. При реконструкции этих фонологических форм исследователю необходимо воспользоваться традиционным сравнительно-историческим методом и как можно шире использовать регулярные звуковые соответствия для объяснения различий между фонологическими формами в разных языках. Однако, как было сказано выше (принцип 20), фонетические законы не

распространяются на аффиксы столь же широко, как на корневые морфемы. Таким образом,

Прицип 23. В отсутствие регулярных звуковых соответствий фонологическое содержание образующей в матрице может быть реконструировано постулированием формы, которая 1) сводится к засвидетельствованной дочерней форме путем применения наиболее вероятных фонологических изменений и 2) дает возможность наиболее экономным путем вывести последовательность изменений, ведущих к возникновению засвидетельствованных форм.

Вследствие указанные выше (прицип 20) явления и широко распространенной тенденции к большей артикуляционной действенности, описанной приципом 3, такие фонологические изменения, как ассимиляция, стяжение, редукция и выпадение, которые с точки зрения исторических звуковых законов не являются регулярными, тем не менее вероятны и не противоречат ожиданиям. Прицип экономии является устоявшимся оценочным критерием в сравнительно-историческом языкознании и заключается в том, что в случае вариантовых реконструкций обычно предпочтается та форма, которая достигается наименьшим числом независимых шагов.

Понятие фонетического уровня сужения, разработанное Ю. Пайком [36] и кратко изложенное также в [3, с. 329—331], может оказаться полезным при объяснении таких изменений, как редукция и выпадение. Ю. Пайх предлагает распределить фонемы в данном языке по уровням, в зависимости от степени сужения полости рта, и показывает на примере сравнительного исследования диалектов языка масатек в Мексике, что при звуковых изменениях обычно выпадают согласные нижнего уровня. Иерархия силы подробно рассматривается также в [37, особенно с. 196—205].

5. Заключение.

В 60-е годы К. Пайк и его коллеги опубликовали множество работ по методу анализа с помощью матриц. В этих статьях указывалось на потенциальную ценность матричного подхода для определения исторических взаимоотношений между языками в области морфологии и для понимания процессов изменения в морфологических системах. Эти публикации открыли дорогу подходу к морфологической реконструкции, основанному на сопоставлении матриц.

Мы попытались описать такой подход в настоящей статье. Его суть заключается в том, что сопоставляемые и реконструируемые единицы рассматриваются не просто как отдельные изолированные явления, но также как некоторые участки в волнах временной последовательности и как участки семантических полей.

Традиционный сравнительно-исторический метод лексической реконструкции рассматривает языковые единицы как дискретные сущности, которые с течением времени смешаются, разделяются и сливаются. Предлагаемый метод морфологической реконструкции с помощью матриц рассматривает такие единицы (а именно, блоки образующих в матрице) как участки волн и полей. В качестве участков волн языковым единицам свойственно изменяться под действием синтагматической фузии; как участки поля они изменяются в результате действия парадигматической аналогии. Постоянно существующее напряжение между стремлением к большей артикуляционной эффективности, с одной стороны, и большей лексической различительности, с другой, поддерживает жизнеспособность общих механизмов изменения морфологических систем. Мы надеемся, что наши результаты, которые основаны на подходе к языковым явлениям с позиций волновой теории и теории поля, наряду с вкладом компаративистов XIX в., рассматривавших феномены языка как дискретные, позволят усовершенствовать метод исторической реконструкции в морфологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pike K.L. Axioms and procedures for reconstruction in comparative linguistics: An experimental syllabus. Santa Ana [Huntington Beach], California, 1951.
2. Costello J.R. Syntactic change and syntactic reconstruction: A tagmemic approach. Dallas, 1983.
3. Pike K.L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. The Hague, 1967.
4. Pike K.L. Language as particle, wave and field // The Texas Quarterly. 1959. V. 2. (= Pike K.L. Selected writings. To commemorate the 60-th birthday of Kenneth Lee Pike / Ed. by Brend K. The Hague, 1972).
5. Pike K.L. Linguistic concepts: An introduction to tagmemics. Lincoln, 1982.
6. Pike K.L. Dimensions of grammatical constructions // Language. 1962, V. 38.
7. Pike K.L. Theoretical implications of matrix permutation in Fore (New Guinea) // Anthropological linguistics. 1963, V. 5. № 8.
8. Pike K.L., Erickson B. Conflated field structures in Potawatomi and in Arabic // IJAL. 1964. V. 30. (= Advances in tagmemics / Ed. by Brend R. Amsterdam, 1964).
9. Hockett Ch.F. Potawatomi I: Phonemics, morphophonemics, and morphological survey; II: Derivation, personal prefix, and noun; III: The verb complex; IV: Particles and sample texts // IJAL. 1948. V. 14.
10. Simons L.L. The pronouns of To'aba'ita (Solomon Islands) // Pronominal systems / Ed. by Wiesemann U. Tübingen, 1986.
11. Scott G. The Fore language of Papua New Guinea // Pacific linguistics, 1978. Ser. B. № 47.
12. Deibler E.W. The application of matrix to Gahuku verbs // Occasional papers. 1964. V. 3. Ser. A. № 3.
13. Deibler E.W. Gahuku verb structure: D.Ph. Diss. University of Michigan, 1973.
14. Deibler E.W. Semantic relationships of Gahuku verbs // Summer institute of linguistics publications in linguistics. 1976. № 48.
15. Wurm S.A. Papuan languages of Oceania. Tübingen, 1982.
16. Ivanov V.V. The relation between different grammatical levels in the linguistics evolutions // Sprache. 1977. Bd. 23.
17. Hoeningwald H.M. Language change and linguistic reconstruction. Chicago, 1960.
18. Weinreich U., Labov W., Herzog M.I. Empirical foundations for a theory of language change // Directions for historical linguistics / Ed. by Lehmann W.P., Malkiel Y. Austin, 1968.
19. Detho C.D., Upton J., Pike K.L. Constraints on complexity seen via fused vectors of an n-dimensional semantic space // Semiotica. 1980. V. 29.
20. Erickson B. Patterns of person-number reference in Potawatomi // IJAL. 1965. V. 31.
21. Morgan J.O. A comparison of the transitive animate verb in eight Algonquian languages // Anthropological linguistics. 1966. V. 8. № 5. Pt. 2.
22. Bloomfield L. Algonquian // Linguistic structures of Native America / Ed. by Hoijer H. et al. The Viking Fund, 1946.
23. Goddard I. Comparative Algonquian // The languages of Native America: Historical and comparative assessment / Ed. by Campbell L., Mithun M. Austin, 1979.
24. Goddard I. The Algonquian independent indicative // Contributions to anthropology and linguistics. I: (Algonquian). Bulletin [of the] National Museum of Canada. 1967. 214.
25. Goddard I. Remarks on the Algonquian independent indicative // IJAL. 1974. V. 40.
26. Pike K.L. Non-linear order and anti-redundancy in German morphological matrices // Z. für Mundartforschung. 1965. Bd 32.
27. Paul H. Principles of the history of language. N.Y., 1889.
28. Headland Th.N., Pike K.L., Harris M. Emics and etics: a dialogue between Kenneth Pike and Marvin Harris. Newberg Park, 1990.
29. Pike K.L. Phonetics: A critical analysis of phonetic theory and a technic for the practical description of sounds. Ann Arbor, 1943.
30. Pike K.L. Grammar as wave // Georgetown University. Institute of languages and linguistics. 1967. Monograph 20.
31. Denlinger P.B. "Tone" in Sino-Tibetan // Chinese-Western encounter: Studies in linguistics and literature / Ed. by Brancamp A.C., Yu-Chin Fu, Sprenger A., Venne P. Taipei, 1987.
32. Pike K.L., Jacobs J. Matrix permutation as a heuristic device in the analysis of the Bimoba verb // Lingua. 1968. V. 21.
33. Pike K.L. Tagmemic and matrix linguistics applied to selected African languages. // Summer Institute of linguistics. The University of Oklahoma, 1970.
34. Pike K.L. Tune and tone: Generalized syntagmatic pitch patterns constrained by particular lexical patterns // Journ. of West African languages. 1982. V. 12. № 2.
35. Pike K.L., Becker A.L. Progressive neutralization in dimensions of Navaho stem matrices // IJAL. 1964. V. 30.
36. Pike E.V. Phonetic rank and subordination in consonant patterning and historical change // Miscellanea Phonetica. 1954. V. 2.
37. Hooper J.B. An introduction to natural generative phonology. N.Y., 1976.

Переведена с английского Романова О.Н.

© 1993 г. МУСХЕЛИШВИЛИ Н.Л., ШРЕЙДЕР Ю.А.

СЕМАНТИКА И РИТМ МОЛИТВЫ

Ритмический повтор — одна из фундаментальных характеристик молитвы как организованного текста. Ритм организует текст, помогая сосредоточенности молящегося на глубинном смысле молитвы, концентрируя ум и волю на погружении в молитву. В плане выражения ритм осуществляется в членении молитвы на отдельные стихи и в таком чередовании слов, которое позволяет скандировать соответствующий текст, произносить его как речитатив на каноническую мелодию и даже петь. Пение выступает здесь не как дополнительное упражнение, т.е. не как эстетический компонент *rag excellence*, но как углубление молитвы как таковой соответственно традиционному церковному выражению "кто поет, тот дважды молится". Но кроме плана выражения, где он улавливается непосредственным слуховым восприятием, ритм присутствует и в плане содержания. Чтобы выявить ритм в этом плане, т.е. ритм на уровне семантики молитвенного текста, нужно явным образом описать эту семантику. При этом в отличие от толкований, стремящихся выявить и подчеркнуть все смысловые иконы и аллюзии текста, запись семантики должна быть достаточно огрубленной, чтобы зафиксировать ритмически повторяющиеся семантические инварианты в смысловых единицах, определяемых отдельными компонентами текста.

Попробуем применить такой подход сначала к молитве Господней (Мф. гл. 6 ст. 9—13), опираясь на мысль Л.П. Карсавина [1] о том, что в словах *Отче наш, сущий на небесах!* выражается отделение нас (молящихся) от Бога, который выше всего живущего. Как пишет Карсавин, "Он отделяет нас от Себя, чтобы воссоединить с Собою". Более того, лейтмотив молитвы состоит в том, что "мы молим Отца нашего, который на небесах, чтобы даровал нам Мощь Свою — силу стать истинным и совершенным Сыном Его". Тем самым содержание молитвы Господней можно попытаться выразить через предикаты:

Dis(O, Ч) — Отец безгранично выше человека и, тем самым, отделен от него и

Sop(O, Ч) — Отец может стать бесконечно близким человеку, вступить с ним в контакт.

В молитве утверждается и дисконтакт человека с беспредельно превосходящим его Богом-Отцом, и отцовство Бога, т.е. теснейшая связь человека с Богом. Это является основанием последующей попытки записать семантическую схему молитвы через предикаты дисконтакта и контакта. При этом утверждение чего-либо есть одновременно просьба о том, чтобы так и было, а просьба — есть одновременно утверждение о том, что так и будет по нашей вере.

Сопоставим каждому смысловому отрывку — стиху анализируемой молитвы семантический оператор (предикат) с указанием мотивировки такого приписывания.

Отче наш, сущий на небесах!

Dis(O, Ч)

Да святится имя Твое;

Св. Киприан и др. [2] подчеркивают также единение Церкви в Боге, выражаемое словом "наш" ("нам", "нас", "мы") в этом и других фрагментах молитвы. Карсавин в приведенной выше цитате говорит о дистанции между человеком и Богом. Св. Иоанн Златоуст [2] подчеркивает, что молитва "сия словом..." отвлекает молящегося от земли, чтобы нас "расположить к стремлению на небеса". Стремление, очевидно, возможно только в условиях фактического дисконтакта, т.е.

выражен презумпцией к данному фрагменту. Св. Григорий Нисский говорит, что эти слова напоминают нам, "из какого отечества мы ниспали", следовательно, указывает на разрыв с Богом в результате грехопадения. Карсавин интерпретирует последнюю часть стиха как: "да познаем истинно Тебя... да соединимся с Тобою..." Св. Киприан комментирует их так: "мы просим у Него, чтобы Его имя святилось в нас", в этом заключена презумпция существующего разрыва. Ибо "соединимся" в будущем, а пока "имя Божие — ... не человеческое понятие, которому неизвестно, соответствует ли что на самом деле. Имя Божие — Сам Бог в постигающей Его твари и в меру восприятия Его ею: понятие Бога — понятие Еgo" [1].

Да приидет Царствие Твое; Con(O, Ч)
Да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

По Карсавину, "моля о пришествии царства Божьего, мы... причаствуем возносящему в него землю Богу", хотя Еп. Феофан об этом пишет "царствие сие есть будущее царство". Здесь мыслится и испрашивается контакт человека с Богом как подчинение Его воле, осуществляемой, согласно В.С. Соловьеву [3], в самом молитвенном произнесении этого фрагмента "а через это не только призываем, но уже исполняем в себе волю Божию, которая есть любовь". Еп. Феофан, комментируя это прошение, пишет: "Бог хочет, чтоб... мы все сделались святыми по Его воле".

Хлеб наш насущный дай нам на сей день Con(O, Ч)

Этот фрагмент подчеркивает зависимость необходимой человеку "здесь и сейчас" пищи от Бога. Еп. Феофан разъясняет, что речь идет не только о вещественном хлебе, но и о Божественном Слове и Божественной Благодати как пище, в которой все мы нуждаемся. Тем более хлеб, даруемый Богом, правомерно рассматривать как причастие, связующее с Богом. Св. Григорий Нисский полагает, что слова "на сей день" выражают признание молящегося, "что человеческая жизнь однодневна. Собственность каждого — одно только настоящее". Поэтому через хлеб насущный осуществляется контакт с Богом здесь и сейчас.

И прости нам долги наши, Dis(O, Ч)
Как мы прощаем должникам нашим;

Только бесконечный и несозимеримый с нами Бог способен даровать прощение. Св. Киприан видит здесь требование, "чтобы человек, питаемый Богом..., не о временной только пище заботился, но и о вечной". Св. Златоуст в комментариях подчеркивает: "Ты прощаешь другого потому, что сам имеешь нужду в прощении, а Бог прощает, тогда как ни в чем не имеет нужды; ты прощаешь брату, а Бог рабу; ты виновен в бесчисленных грехах, а Бог безгрешен".

И не введи нас в искушение, Con(O, Ч)
Но избавь нас от лукавого.

По словам св. Григория Нисского, молящийся испрашивает в этом фрагменте "того, чтобы не быть ему увлечену прелестями мира". Здесь речь идет уже о прямом вмешательстве Бога в нашу жизнь, ибо зло заключено в нас самих как принадлежащих этому миру. Св. Киприан поясняет, что разумеются "всякие беды, которые замышляет против нас враг" и "мы просим полного покровительства Божия против лукавого, а получив такое покровительство, мы уже безопасны и защищены от козней дьявола и мира".

Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь. Con(O, Ч)

Мы имеем право выделить последнюю часть стиха 13, ибо перед ней стоит точка. В этой фразе утверждается, что "полнотою Царства Его сияет Его слава даже в этом несовершенстве нашем" [1]. Св. Златоуст толкует эту фразу как утверждение того, что "Царь не только освобождает тебя от угрожающих тебе зол, но еще может делать тебя и славным, и знаменитым". Этим утверждается неразрывное единство человека и Бога.

В результате сопоставления семантической записи каждому из приведенных

стихов легко обнаруживается ритмическое чередование (повтор) использованных операторов:

1. Dis, 2. Con, 3. Con, 4. Dis, 5. Con, 6. Con.

Для молитвы Господней ритм на семантическом уровне оказывается простым и четко различаемым.

Теперь перейдем к анализу более сложного молитвенного текста, в котором ритм оказывается более сложно обнаруживаем. В качестве такого текста выбрана гл. 17 Евангелия от Иоанна, передающая первосвященническую молитву Иисуса. Первосвященническая молитва служит выражением итога земной деятельности Иисуса Христа как прославление Им Отца в созданной и освященной Им Церкви и молитвой за эту Церковь. Поэтому она не произносится в литургии как молитва верных, но соответствующая глава Евангелия читается священником как бы от имени самого Христа. Содержание этой молитвы состоит из последовательности высказываний и просьб. В контексте молитвы это различие модальностей не релевантно, ибо высказывание имплицитно выражает просьбу — "да будет так!", а просьба выражает высказывание — уверенность в ее исполнении. Поэтому мы имеем основание не выражать данное различие в семантической записи текста молитвы, а рассматривать лишь высказывательные формы. В исследуемом тексте используются всего четыре субъекта высказывания:

О — Бог-отец;

С — Сын, Иисус Христос;

Ц — Церковь (апостолы, ученики, верные);

М — Мир — как человеческая сфера, еще не освященная присутствием Христа. Выделим две основные высказывательные формы, использующие трехместные предикаты:

Opt — прославление/освящение;

Cogn — познание/приобщение к;

При этом само создание Церкви есть одновременно ее освящение, ибо Церковь не создается людьми, но Сыном Божиим. Таким образом, авторство Иисуса оказывается неотъемлемым семантическим компонентом текста рассматриваемой молитвы. Места предикатов соответствуют ролям входящих в высказывательную форму актантов:

1-е место — действующий субъект: кем или чем прославляется/освящается; кем познается.

2-е место — основной субъект или предмет действия: кто прославляется/освящается; кто или что познается.

3-е место — инструментальный субъект: через кого осуществляется соответствующий предикат. Соответствующий актант факультативен и может опускаться. В этом случае предикат записывается как двухместный.

Кроме высказывательных форм мы будем использовать три логических связки: & — конъюнкция — связка "и";

→ — импликация, употребляющаяся для указания цели. X → Y читается; X, чтобы было Y.

¬ — отрицание.

В нашей семантической записи мы опускаем выражение обстоятельств типа как, когда и при каких обстоятельствах имеет место прославление или познание. Эти семантические обертонны несущественны для понимания ритмической структуры. Мы будем сопоставлять отдельную семантическую запись со стихом Евангелия. Гл. 17 начинается со слов: "Это изрек Иисус и, подняв глаза свои к небу, сказал:...", после чего следует сам текст первосвященнической молитвы Иисуса, который мы попытаемся представить в огрубленной семантической записи. Огрубленность состоит в том, что мы не пытаемся выразить в ней то, как прославляет Отец Сына, тем ли, что Отец "дал Ему власть над всякою плотью" (ст. 2) или тем, что "слова, которые Ты дал Мне, Я дал им" (ст. 8). Эти компоненты смысла варьируются от стиха к стиху на фоне основных

семантических повторов, образующих ритм молитвы на глубинном семантическом уровне. Можно сказать, что эти смысловые компоненты в некотором роде относятся к плану выражения, ибо в них различным способом реализуется тот глубинный смысл, который заключается в основных семантических предикатах. Мы приводим здесь исходный евангельский текст в разбивке на стихи, сопровождаемые семантической записью. Различия в переводах и языках фактически не могут быть уловлены на уровне глубинного семантического описания. Приводимая семантическая запись исследуемой главы получена как результат анализа соответствующего текста:

- 1 После сих слов Иисус возвел очи свои на небо и сказал: *Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, —*
 $\text{Opt(O, C)} \rightarrow \text{Opt(C, O)}$
- 2 *так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, дашь Он жизнь вечную, —*
 $\text{Opt(O, C)} \rightarrow \text{Opt(C, Ц)}$
- 3 *Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа —*
 $\text{Cogn(Ц, O) \& Cogn(Ц, C)} \rightarrow \text{Opt(O, Ц)}$
- 4 *Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить*
 Opt(C, O)
- 5 *И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира. —*
 Opt(O, C)
- 6 *Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое. —*
 Cogn(Ц, O, C)
- 7 *Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть. —*
 Cogn(Ц, C, O)
- 8 *Ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли, и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня. —*
 $\text{Cogn(Ц, O, C) \& Cogn(Ц, C, O)}$
- 9 *Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои. —*
 $\text{Opt(C, Ц)} \rightarrow \text{Opt(O, Ц)}$
- 10 *И все Мое Твое, и Твое Мое и Я прославился в них. —*
 Opt(Ц, C)
- 11 *Я уже не в мире, но они в мире, а Я к Тебе иду. Отче Святый! соблюди их во имя Твое; тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы. —*
 $\text{Opt(O, C)} \rightarrow \text{Opt(O, Ц)}$
- 12 *Когда Я был с ними в мире, я соблюдал их во имя Твое; тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание. —*
 $\text{Opt(O, Ц)} \rightarrow \text{Opt(C, Ц, O)}$
- 13 *Ныне же к Тебе иду, и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную. —*
 $\text{Opt(O, C)} \rightarrow \text{Opt(C, Ц)}$
- 14 *Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира как и Я не от мира. —*
 Opt(C, Ц, O)
- 15 *Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. —*
 Opt(O, Ц)
- 16 *Они не от мира как и Я не от мира. —*
 Opt(C, Ц)

- 17 Освяти их истиной Твоей; слово Твое есть истина. —
 Opt(O, Ц)
- 18 Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир. —
 $\text{Opt(O, M, C) \rightarrow Opt(C, M, Ц)}$
- 19 И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиной. —
 Opt(C, Ц)
- 20 Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их. —
 Opt(C, M, Ц)
- 21 да будет все едино: Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня. —
 $\text{Opt(O, Ц) \& Opt(C, Ц) \rightarrow Cogn(M, C)}$
- 22 И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будет едино, как Мы едино. —
 $\text{Opt(O, C) \rightarrow Opt(C, Ц)}$
- 23 Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня —
 $\text{Opt(O, C) \& Opt(C, Ц) \rightarrow [Cogn(M, C) \& Cogn(M, O) \& Opt(C, Ц, O)]}$
- 24 Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира. —
 $\text{Opt(O, C) \rightarrow Opt(O, Ц) \& Cogn(Ц, C)}$
- 25 Отче праведный! мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. —
 $\text{Cogn(M, O) \& Cogn(C, O) \& Cogn(Ц, O, C)}$
- 26 И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которой Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них. —
 $\text{Cogn(Ц, O, C) \rightarrow Opt(C, Ц)}$

Первый стих этой молитвы является ключевым к пониманию ее смысла. Комбинация семантических операторов $\text{Opt(O, C) \rightarrow Opt(C, O)}$ является "организатором" в смысле Уоддингтона [4], формирующим последующую семантическую структуру. Эта семантическая запись позволяет выделить в исследуемой молитве интуитивно ощущаемую ритмическую структуру. Для этого следует использовать семантический маркер, наиболее тесно связанный с глубинной семантикой данной молитвы. Обратим внимание на то, что ее лейтмотив состоит в том, что Иисус "совершил дело..." (ст. 4). Этим делом является прославление Отца Сыном, дающее возможность Сыну создать и освятить Церковь, которую Он передает в руки своих учеников — апостолов. Поэтому мы вправе передать смысл этих слов в стихе 4 оператором Opt(C, O) как неявно имплицирующим Opt(C, Ц) , а в стихе 5 выражен оператор Opt(O, C) , имплицируемый оператором Opt(C, O) , содержащимся в предыдущем стихе. Эта пара операторов зеркально отражает организатор, формирующий всю семантическую структуру исследуемой главы.

В молитве постоянно подчеркивается важность миссии Христа в мире и сам факт ее успешного свершения. Эта молитва как бы подводит итог славным деяниям Иисуса вплоть до начала Крестного пути, который начинает свершаться уже в следующей (18-й) главе. Этим содеянным является основание Церкви, завершенное в Тайной вечери и в последней беседе с учениками, завершающейся словами "Я победил мир". В молитве, как и в этих словах, выражено торжество Иисуса, победившего мир. Поэтому в качестве основного смыслового момента мы можем с полным основанием выделить те стихи, в семантической записи которых выражено освящение Сыном созданной им Церкви, а также те, где присутствует "организатор". В большинстве стихов этой молитвы, где есть это выражение, явно говорится о Церкви, освящаемой Сыном. В стихе 4 слова "Церковь", или "ученики", или "люди, которых ты дал мне" явно не употребляются, но зато говорится о совершенном деле, т.е. об освящении Церкви как результате прославления Отца. В стихе 14 говорится об освящении Церкви Сыном через

Отца, и в этом смысле роль Сына как бы затушевывается. Поэтому мы вправе этот стих не включать в число отмеченных маркером Opt(C, Ц). В результате остаются следующие стихи, в которых присутствует выбранный семантический маркер — "освящение Церкви Сыном". Формально он присутствует в виде семантического оператора Opt(C, Ц), а имплицитно он появляется как организатор в стихах 1, 4, 5. Мы получаем следующую последовательность стихов, содержащих этот маркер в виде оператора Opt(C, Ц) или организатора, выраженного связью Opt(O, C) и Opt(C, O)

1, 2, 4, 5, 9, 12, 13, 16, 19, 22, 23, 26.

Ритмичность этой структуры наглядно видна на графике, позволяющем обнаружить регулярность разделяющих эти стихи интервалов, состоящих из стихов с отсутствием выражения Opt(C, Ц):

3, 6, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 24, 25.

На графике это имеет следующий легко обозримый вид:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26

Некоторая неправильность ритма на начальном участке легко объяснима тем, что он оказывается пространством действия "организатора", обеспечивающего формирование последующей ритмической структуры. Это подтверждается в том числе и тем, что импликация Opt(O, C) → Opt(C, O) появляется исключительно на этом участке: в первом стихе и в паре из 4-го и 5-го стихов, а оператор Opt(O, C) возникает лишь в посылке импликаций в стихах 2, 11, 13, 18, 22, 24, где в заключение импликации стоит освящение Церкви, но не прославление Отца, как в стихе 1.

Начальный участок — это как бы еще неполное вхождение в ритм, который затем становится строгим: семантически "ударные" стихи идут по одному или по два, а интервалы содержат ровно по два стиха, т.е. разделители семантически релевантных элементов имеют строгий ритм. Маленькая поправка делает ритмику еще более строгой. Дело в том, что присутствие в стихе 8 операторов, выражающих познание Церковью Сына через Отца и Отца через Сына, позволяет и этот стих отнести с должным основанием к числу семантически ударных. Тогда получается совсем правильный ритмический узор:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26

Ритм имеет отчетливо хореическую структуру из стоп, характеризующихся начальным ударным стихом (стихи играют роль слогов в системе ударений). Структура стопы имеет один из следующих типов:

I) .| — первая стопа

II) ..|| — вторая, третья, четвертая, седьмая стопы

III) || — пятая, шестая стопы

IV) . — восьмая стопа.

Если протяженность данной молитвы измерять не стихами евангельского текста, но выявленными в процессе анализа ритма стопами, то центральной стопой оказывается пятая, ибо значение $5/8 = 0,625$ — ближе всего золотому сечению (0,618).

Действительно, именно пятая стопа (стихи 16, 17, 18) в семантической записи наиболее полно выражает смысл всей молитвы:

Opt(C, Ц); Opt(O, Ц); Opt(O, M, C) → Opt(C, M, Ц)

Иначе говоря, Сын освящает Церковь и отец освящает Церковь; как Отец освящает мир через Сына, так и Сын освящает мир через Церковь.

В каждой из стоп имеется свой локальный семантический ритм, характеризующий свою типичную смысловую схему, связанную со способом выражения основного смысла в данной стопе. Эти локальные повторы могут находиться как внутри стоп, так и (гораздо реже в специально отмечаемых ниже случаях) связывать различные стопы.

Различия между семантикой этих стоп связаны с особыми внутренними симметриями (локальными ритмами) внутри этих интервалов. Эти симметрии достаточно перечислить, чтобы они стали очевидными:

- а) между стихами 1 и 2 имеется явная смысловая рифма;
- б) пара стихов 4 и 5 содержит зеркальное отражение импликаций в стихе 1 (связь первой и второй стопы);
- в) зеркальным отражением друг друга являются семантические структуры в стихах 6 и 7;
- г) инверсия С и О содержится в стихе 8, чем акцентируется основной смысловой маркер;
- д) "рифмуются" смысловые схемы в стихах 11 и 13, принадлежащих разным стопам;
- е) внутристопная "рифма" связывает стихи 16 и 17;
- ж) имеет место повтор предиката между стихами 18 и 20, входящими в соседние стопы;
- з) повтор пары операторов наблюдается в стихах 22 и 23 из седьмой стопы, а более слабый повтор между этими стихами и стихом 24 из той же стопы.

Ни с чем не "рифмуется" семантическая фигура в стихе 26, являющимся финалом — апофеозом первосяяннической молитвы.

Сказанное позволяет утверждать, что эта молитва осуществляет вхождение молящегося в ритм и полностью отрывает Его от мира, противостоящего осеняющей Церкви и нуждающегося в освящении Церковью. Полезно указать на связь между предикатами, используемыми в семантической записи обеих молитв. Утверждение о дисkontакте человека с Богом, об их несоизмеримости есть одновременно выражение собственного понимания этой несоизмеримости и поэтому может быть истолковано как прославление Бога человеком — opt(Ч, О). Наоборот, утверждение контакта Бога как источника святости с человеком есть одновременно освящение человека Богом, т.е. Opt(О, Ч). Таким образом, глубинный смысл *молитвы Господней* можно интерпретировать как соединение в едином ритме прославления Бога человеком и (через это) освящение человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасгин Л.П. О молитве Господней // Ванеев А.А. Два года в Абези. Брюссель, 1990.
2. Епископ Феофан (Говоров Г.В.). Путь к спасению. Истолкование молитвы Господней словами святых отцов. М., 1908.
3. Соловьев В.С. Духовные основы жизни. Брюссель, 1982. С. 35.
4. Уоддингтон К. Организаторы и гены. М., 1947.

© 1993 г. МИХАЙЛОВА Т.А.

О ПОНЯТИИ "ПРАВЫЙ" И ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Оппозиция "правый" — "левый", бесспорно, может быть названа в числе наиболее распространенных языковых, мифологических, фольклорных и ментальных универсалий. Ее появление коренится в таком, казалось бы, бесспорном явлении, как асимметрия полушиарий головного мозга человека с преобладанием доминации левого полушиария и, соответственно, правой руки.

Элементы асимметрии полушиарий наблюдаются и у животных, как высших, так и низших, однако доминация того или иного полушиария наблюдается лишь у отдельных особей и говорить о "правосторонности" или "левосторонности" целого вида не представляется возможным. "Существуют факты, подтверждающие наличие асимметрии у мышей, кошек и обезьян, хотя прямую параллель с асимметрией мозга у человека здесь провести трудно. Более того, как кажется, человек является единственным, кто обладает такой организацией мозга, которая демонстрирует устойчивую асимметрию у большинства индивидов" [1, с. 95]. Видимо, эта устойчивая асимметрия у человека связана с непарностью или не полной парностью его передних конечностей. Лишь у человека в его разнобразной деятельности мы почти не встречаем симметричных действий обеих рук, которая сохраняется лишь в опорно-двигательной функции (ходьба, плавание и пр.). В большинстве же случаев человек пользуется своими передними конечностями непарно, т.е. одна из рук является главным оператором действия, а другая исполняет подсобные функции. Особенно ясно это видно при пользовании разного рода орудиями, которые, как правило, изготавливаются в расчете на праворукого индивида. Эта традиция уходит своими корнями в каменный век, когда начали изготавливаться первые ножи, топоры, скребки, предназначенные для обработки древесины, кости и кожи. Как показывают археологические данные, они были рассчитаны на оптимальное движение правою рукой. «О том, что у человека мустерской эпохи в работе преобладала правая рука, свидетельствуют прежде всего следы работы на костяных ретушерах... Еще более ясно выражена праворукость, которая вскрывается при анализе следов на строгальном ноже со Сталинградской стоянки. Следы изнашивания расположены на брюшке ножа-отщепа. Это свидетельствует о том, что неандертальец работал им, положив брюшко на материал. В таком положении ретушированный обушок ножа был сверху и служил для упора указательного пальца правою руки. Движение при строгании производилось "на себя"» [2, с. 18].

Факт изначальной праворукости людей может быть подтвержден и данными наскальных изображений. Так, в традиционных изображениях кисти руки преобладают отпечатки левой кисти, что часто объяснялось ее особыми ритуальными функциями (см., например [3, с. 113]). Однако этот феномен может иметь и иное, более практическое объяснение: изображение руки на шероховатой стене пещеры требовало особой техники и мастерства, особенно — при изготовлении "негативных" изображений: «в этом случае фигура "руки" передавалась самим фоном скалы — прижатая к ней ладонь с расставленными пальцами обрамлялась как нимбом пятном краски. Общей же чертой как позитивной, так и негативной техники было то, что она основывалась на применении "трафарета", которым в каждом отдельном случае служила

реальная рука индивидуума» [4, с. 10]. При этом кажется естественным, что функции трафарета должна была исполнять рука левая как более пассивная.

Однако факт изначальной праворукости людей неоднократно ставился под сомнение. Например: «Как кажется, во многих случаях билатеральность для первобытного человека должна была быть более предпочтительна. Равновесие обеих рук при лазании по деревьям должно было быть более ценным, чем постоянная неловкость одной из них. К тому же было гораздо удобнее держать в каждой руке по камню, чем лишь один в одной руке, пусть более тяжелый. То, что мы не можем одновременно делать два разных дела, является не столько следствием нашей односторонности, сколько результатом потери двусторонности: как бы быстро ни сменялись ментальные процессы, в каждый момент они единичны» [5, с. 169]. Неправомерность предпочтения одной руки другой, уже применительно к современному человеку, отмечалась и Платоном, который в седьмой книге своих «Законов» писал: «Считают, будто правая и левая рука у нас от природы употребляются для различных действий. Между тем ясно, что ноги и вообще нижние конечности вовсе не различаются в смысле работы. Что же касается рук, то здесь каждый из нас может стать калекой по неразумию кормилиц и матерей. В самом деле: природа почти уравновесила те и другие конечности, и уже мы сами, путем привычки, сделали их различными, пользуясь ими ненадлежащим образом» [6, с. 272]. Нельзя забывать и об определенных трудностях в определении правой и левой рук в отдельных возрастных и социальных группах и в нашем обществе (подробнее об этом — ниже).

Безусловно, на основании имеющихся данных говорить о «природном равновесии» мы не можем, но значит ли это, что во всех случаях праворукости мы имеем дело только с физиологическим феноменом, никак не зависящим от традиции, этикета мифологических представлений и пр.? Напомним, что нейрофизиологические исследования начали проводиться только в прошлом веке, т.е. — на особях с веками сложившейся традицией пользования преимущественно правой рукой и с развитой речью (левое полушарие — речевое). Праворукость (или — асимметрия полушарий), отличающая человека от животного, видимо, появилась не сразу и была вызвана некой хозяйственной необходимостью на определенной стадии антропогенеза. Позволим себе привести в этой связи цитату из статьи В.П. Алексеева:

«С точки зрения нашей темы особый интерес привлекает право-левосторонняя симметрия живых тел, их распад на правую и левую половины, их конкретное существование в виде право-левостороннесимметричных объектов. Первобытный человек сталкивался с этим видом симметрии во всех важнейших проявлениях своей жизни — на охоте, так как среди охотничьей добычи основное место занимали позвоночные, отличавшиеся право-левосторонней симметрией, при разделке охотничьей добычи — туш убитых животных, наблюдая аналогичную симметрию у других особей своего вида, наконец, осознавая ее как свойство собственного организма. Эта право-левосторонняя симметрия в морфологической организации древнейших предков человека и современного человека является результатом длительного, определенным образом запограммированного эволюционного пути развития, но для ископаемых предков человека мы имеем доказательство того, что на эту симметричную относительно продольной, или, как говорят анатомы, сагittalной, плоскости тела организацию наложилась функциональная асимметрия, преимущественное использование в рабочих операциях правой руки и вообще противопоставление в трудовых процессах правой и левой половины тела. Возможно, появление такой асимметрии связано с парной функцией мозговых полушарий и является следствием каких-то пока не вскрытых тенденций в эволюции мозга. Кстати сказать, эта парная функция особенно важна в обеспечении пространственной ориентировки, а последнее обстоятельство приобрело особое значение в антропогенезе при

усложнении способов охоты, освоении пещер под жилище, эксплуатации достаточно обширных охотничьих территорий и необходимости долго преследовать добычу, возвращаться домой по малознакомой местности и т.д. ... Весьма возможно, что усиление одной асимметрии у предков человека было также результатом каких-то трудовых операций и побочным следствием каких-то пока не ясных преимуществ, которые имела функциональная асимметрия в процессе труда" [7, с. 43—44].

Не явилась ли праворукость человечества, хотя бы до некоторой степени, результатом навязывания определенных норм поведения одной группой населения — другой группе, возможно, именно в результате начала изготовления и использования уже упоминавшихся нами каменных орудий? Орудия эти, как известно, требовали большого труда и искусства как от их изготовителя, так и от того, кто ими пользовался. Естественно при этом, что изготовление билатеральных орудий значительно усложнило бы и гак сложный процесс обработки камня или кости. Это могло привести к идею доминации правой руки как нормы, что закрепилось затем в сознании и в самом языке.

Факт доминации правой руки в разных регионах может, как кажется, противоречить нашему предположению. Однако оно может быть рассмотрено на фоне иных лингво-ментальных универсалий, что делает его более вероятным. Одной из таких универсалий могут быть весьма ограниченные в своем числе языковые модели для обозначения правой руки.

Для обозначения правой руки практически у всех народов используется, как правило, мотивированная основа, в той или иной степени характеризующая называемый объект. Нами было выделено три модели обозначения правой руки:

- 1) по основному, совершающему ею действию;
- 2) "правый" → "лучший", "более удобный" и пр.;
- 3) "правый" → "прямой".

В ряде языков — африканских, германских (древнеанглийский) — встречается также название правой руки "мужской рукой" (при левой руке, соответственно, "женской"), что согласуется с универсальной системой координации основных бинарных оппозиций.

Первая модель, названная нами предикативной, встречается довольно часто, но, как правило, «слова, сохраняющие подобную "случайную" внутреннюю форму, редко выходят за пределы профессиональных или территориальных диалектов, да и то только в языках малочисленных народов, у которых не наблюдается развитого разделения труда» [8, с. 56]. В качестве примера обозначения правой руки по предикативной модели можно назвать: в готландском диалекте шведского языка *suphand* "правая рука" (т.е. рука, которой едят суп), в юкагирском — *тахайапу* (при *таха* "спина", связано с определенным способом езды на оленях), в языке индейцев атакала — *woč tē* (вбс "рука", *tē* "лук", т.е. рука, которой стреляют из лука). У Гомера правая рука обозначается в отдельных случаях как "мечущая копье". Ср. также распространенную для африканских языков модель "есть, питаться" → "правый" (т.е. — правая рука — это та рука, которой едят).

Данная предикативная модель является наиболее мотивированной и вследствие этого — наиболее продуктивной. Так, при обучении современного ребенка пространственной ориентации, которая, повторяя путь языковой эволюции, начинается обычно с определения правой (и левой) руки, в случае затруднений приходится прибегать к своего рода подсказке — "Какой рукой ты пишешь (ешь и проч.)?". Можно представить себе, что при условии отсутствия давления языковой нормы именно эта номинация, "писать-рука", могла бы закрепиться. Сходное явление у самого себя уже во взрослом возрасте отмечал и З. Фрейд, отличавшийся затрудненной право-левосторонней ориентацией. "Я всегда поражался, — пишет он, — как другие люди могут определить, где

находится правая или левая сторона у них самих или их собеседников. Что касается меня, то с самого детства мне приходилось раздумывать над этим, и естественные ощущения не могли мне в этом помочь. Чтобы удостовериться, действительно ли это моя правая рука, я быстро делал несколько писчих движений" [9, с. 243].

Таким образом, представляется несомненной продуктивность именно предикативной модели, естественно, при свободной вариативности исходного глагола, зависящего от специфики деятельности максимального большинства индивидов данного коллектива.

Вторая модель, в которой правая рука обозначается при помощи сравнительной степени прилагательного, была названа нами оценочной и, как кажется, знаменует собой следующий этап лингво-ментальной эволюции.

Подобная модель встречается практически во всех финно-угорских языках (кроме финского). Ср. эст. *parem* "правый" — сравн. степ. от *hää* "хороший", венг. *jobb* — сравн. степ. от *jó* "хороший", лив. *juva* "хороший, добрый, крепкий; правый", в языке ханты *jetsai* "правый", восходит к *jem* "хороший", в языке манси *emaspal* "правосторонний" соотносится с *emas* "хороший". Как можно предположить, именно контакты с финскими языками привели к появлению значения "правый" и у латышской лексемы *labs* "хороший" с одновременной заменой рефлексов и.-е. корня **deks-*. Ср. литов. *labas* "хороший" и *dešinas* "правый".

Подобная же замена и.-е. корня произошла и в древнеисландском, что дало рефлексы во всех современных скандинавских языках: ср. дат. *højre*, швед. *höger* и др., восходящие к др.-исл. *hoegri* (сравнительная степень от *hoegr* "ловкий, умелый").

Мотивы вытеснения и.-е. **deks-* в скандинавских языках вряд ли могут быть объяснены лишь контактами с другими языками и, возможно, коренятся в общей нестабильности данного, уже немотивированного корня для языков "горячей культуры". Как мы увидим в дальнейшем, его утрата другими и.-е. языками, за рядом исключений, также окажется неизбежной. Как представляется в данном случае, утрата и.-е. корня произошла уже после выделения скандинавского ареала из общегерманского; ср. гот. *taihswa* и др.-в.-нем. *zesō*.

Другим подвидом этой же оценочной модели для германских языков является группа слов со значением "правый" (и "южный"), восходящая к общегерманскому **simþ*/, которое соотносится с др.-англ. *ge-sund*, др.-в.-нем. *gisunt* "здоровый, крепкий, сильный" и возводится к и.-е. **ȝent* "сильный, крепкий". Ср. др.-англ. *swiðra*, др.-сакс. *swiðra* и др. Ср. также др.-в.-нем. *diu bezzerhant* ("лучшая рука"), существующее с *zesō*. В одной из недавних работ, посвященных анализу этой группы германских корней, делается интересный вывод о том, что и.-е. и германские формы на определенном этапе своего развития оказывались близкими в своем функционировании. «В результате упрощается объяснение многих процессов, имевших место в период общегерманского единства. Например, древнегерманская дицогомия "общеиндоевропейские рефлексы" / "формы с суффиксом сравнительной степени" изначально не существовала. Лексемы, образованные от форм сравнительной степени, интерпретируются как эвфемизмы, которые заменили реконструируемую протогерманскую форму **teso* уже в период самостоятельного существования германских языков. Табуирование протогерманской формы "правый" вполне могло быть вызвано характерным для германской культуры представлением об этой руке (стороне) как "агрессивной" и "угрожающей"» [10, с. 43].

На наш взгляд, объяснение утраты той или иной лексемы и замены ее эпитетом — табуированием (очень, кстати, распространенное) в данном случае кажется нам не совсем правомерным. Именно так принято объяснять и утрату во многих языках лексемы со значением "левый", получившей множество отрицательных коннотаций. Принимая гипотезу о табуированности

СХЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ РЕФЛЕКСОВ И.-Е. *DEKS- В СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Языки	"Правый"	"Южный"	"Ловкий; приятный"
Хинди (<i>dāhma</i>)			
Непали [<i>da(h)mu</i>]			
Шина (<i>dasinu</i>)	+	+	+
Н.-греч. (<i>deksios</i>)	+	-	+
Албан. (<i>djathë</i>)	+	-	+
Серб. (<i>desan</i>)			
Болг. (<i>десенъ</i>)			
Словен. (<i>desen</i>)	+	-	-
Итал. (<i>destro</i>)			
Прованс. (<i>estre</i>)			
Исп. книжн. (<i>diestro</i>)			
Катал. книжн. (<i>destre</i>)			
Порт. книжн. (<i>destro</i>)	+	-	+
Исп. (<i>diestro</i>)	-	-	+
Литов. (<i>desinas</i>)	+	-	-
Вал. (<i>deau</i>)			
Брет. (<i>dehou</i>)	+	+	-
Ирл. (<i>deas</i>)	+	+	+

и.-е. лексемы со значением "правый" в ряде германских языков и замены ее словами со значением "хороший, ловкий, удобный, сильный", мы, видимо, должны будем аналогично интерпретировать и последующее вытеснение этих новых значений лексемами с общим значением "прямой, правильный", что принять уже довольно трудно. Кроме того, как известно, в народном сознании именно правая сторона, в противоположность левой, воспринималась как благоприятная.

Видимо, интерпретацию утраты и.-е. корня и замены его лексемами с разными исходными значениями на разных этапах лингво-ментальной эволюции надо искать в каких-то глубинных процессах, происходящих в коллективном сознании. Чтобы прийти к определенным выводам, обратимся сначала к сумме значений самого и.-е. корня.

Основа **deks-* [/*t'ek(h)s-], однозначно реконструируемая для обозначения правой руки, в настоящее время оказывается довольно ограниченной в своей ареальной дистрибуции. В современных и.-е. языках ее рефлексы встречаются: 1) в Индии, 2) в Литве, 3) в Средиземноморье и 4) в зоне распространения кельтских языков (см. схему). В других регионах продолжения старой лексемы были вытеснены словами с общим значением "прямой, правильный", что при всей универсальности этого факта (германские, романские, славянские, иранские языки и диалекты цыган) остается явлением еще в достаточной степени не интерпретированным.

Необходимо отметить, что наряду со значением "правая рука" и.-е. **deks-* имеет (получает? сохраняет?) в отдельных регионах также значения "ловкий, умелый; благоприятный" и "южный". Все три значения представлены у данной лексемы лишь в Индии и в Ирландии, в южнославянских языках и в литовском отсутствует значение "ловкий, умелый", которое, напротив, оказывается единственным, сохранившимся в испанском, тогда как значение "правый" у исп. *diestro* встречается лишь в книжной речи (ср. также катал. *destre*, франц. *destre* и др.-русск. *десница*, понятные многим носителям языка, но ограниченные в употреблении). Англ. *dexterous* в этой связи нельзя рассматривать как сохранение одного из значений и.-е. корня, как это имеет место в испанском, так как эта лексема впервые была зафиксирована в английском лишь в XVI в. и, судя по контексту, относится к многочисленным французским заимствова-

ниям: *A prince ... of invincible fortitude, of notable activitee, of dexteritee wonderfull* (1548 г.; см. [11, с. 300] — "Принц, ... отличающийся необычайной силой, замечательной живостью, чудесной ловкостью").

По какому же пути шла в данном случае семантическая эволюция? В том, что касается значений "правый" и "южный", то второе, безусловно, выводится из первого. Главным ориентиром при пространственной ориентации первобытных людей было движущееся над ними солнце. Поэтому исходным положением при начале ориентации должно было быть положение — лицом к восходящему солнцу, т.е. к востоку. Положение это было затем ритуализовано, что отразилось в представлении о том, что восточное направление — благоприятно, а западное — неблагоприятно [12, с. 109].

Естественно, что при ориентировке лицом на восток справа оказывался юг, а север — слева, что нашло свое отражение и в языковых фактах (ср. др.-срн. *jāmīn*, а также якут. уна "правый, южный" и др.). В ирландском, сохранившем в своем маргинальном положении многие архаические черты, в названиях сторон света представлена в максимальной степени картина исходной пространственной ориентации: ср. *dess* "правый; на юге", *táid* "левый; на севере", *t-air* "впереди; на востоке", *t-far* "позади; на западе".

В том, что касается другого значения и.-е. корня, "ловкий, удачный, благоприятный", то правомерность выведения его из значения "правый" требует доказательств. Так, сопоставление с уже упоминаемой нами оценочной моделью заставляет, как может показаться, предположить, что исходным значением **deks-* могло быть "ловкий, умелый" или "сильный, крепкий". Этой точки зрения придерживается и А.Я. Шайкевич, коррелирующий продолжения и.-е. **deks-* с скр. *dakṣati* "удовлетворяет, подходит" и лат. *decus* "подобающий". «В индоевропейских языках, — пишет он, — засвидетельствовано развитие значения "правый" из значения "удобный, подходящий"» [8, с. 58]. Однако этой точке зрения противоречит обращение к фактам кельтских языков: так, в ирландском значения "благоприятный, милый" у лексемы *dess* (совр. *deas*) фиксируется довольно поздно по сравнению с другими ее значениями (ср. в Словаре ирландского языка: в статье к слову *dess*: «(d) by extention (!) convenient, becoming, agreeable, well arranged, neat; later pretty, fine» [13, стлб. 47]). В валлийском оно вообще отсутствует при сохранении значений "правый" и "южный".

Но принимая данную точку зрения, т.е. считая значение "благоприятный" вторичным, а "правая рука" — исходным, мы неизбежно должны будем квалифицировать "правый" как "простое", что, безусловно, противоречит фактам этнокультурной эволюции. Ср. в этой связи замечание Ф. Джонсона-Лэрда: «Значение базовых пространственных терминов типа "правый" и "левый" не может быть описано в виде стандартной словарной статьи, в которой оно было бы разложено на элементы, поскольку определить эти слова в более элементарных терминах невозможно. Однако тот факт, что они неопределямы, не означает, что они элементарны» [14, с. 254].

Но отрицая выводимость и.-е. корня со значением "правый" из лексем со значением "ловкий, благоприятный" и признавая при этом его семантическую вторичность, мы неизбежно должны будем вернуться к уже описанной нами архаической "предикативной" модели. Искомым глаголом в данном случае, на наш взгляд, может быть назван и.-е. глагол широкого спектра **1(h)ek(h)s-* "изготавливать, плести, мастерить, обрабатывать", откуда — хет. *taḭk-* "делать, соединять", греч. *τέχνη* "ремесло, искусство", лат. *texō* "плету, строю" и др. (ср. модель "работать" → "правый"). Близкая гипотеза была выдвинута В. Леманом, возводящим гор. *tačhšwa* "правый" к и.-е. **dék-* "брать, хватать" [15, с. 338].

В уже цитированной нами статье А.Я. Шайкевича дается убедительный анализ стадий ("ступеней") развития значений "правый" и "левый" из исходных лексем. Первая ступень развития обычно заключается в использовании опре-

деленного эпитета к слову "рука" для обозначения именно правой руки. При постоянном его использовании ослабевает его исходное значение. На второй ступени элемент словосочетания или сложного слова со значением "рука" может отпасть, что приводит к появлению особого слова типа др.-русск. "десница". На третьей ступени словосочетание со значением "правая рука" начинает использоваться для обозначения направления. На четвертой ступени лексема распространяется на все части тела и образуются предлоги (см. [8, с. 65]).

Данный семантический процесс, коренящийся во вроде бы объективных нейрофизиологических различиях правой и левой рук человека и, вследствие этого, как кажется, универсальный для всех народов как в территориальном, так и в социальном плане, неожиданно оказывается в известном противоречии с довольно широко распространенной неспособностью (или — затрудненностью) различать правую и левую стороны. Якобы чисто физиологическая оппозиция правый—левый, в отличие от оппозиций верх—низ, перед—зад и др., оказывается в недостаточной степени обусловленной реальностью и как бы навязанной. Известно, например, что понятия "правый" и "левый" усваиваются детьми достаточно поздно, и то в результате специальной тренировки. Ср. у Пушкина в "Капитанской дочки": "Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат, но еще не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая". Ср. также аналогичный эпизод "сено — солома" из биографии Суворова. Ср. также англ. — *hay-foot, straw-foot* "правой, левой!" (букв. "сено-нога, солома-нога"). Затрудненность быстрого определения правой и левой сторон оказалась столь распространенной, что получила специальное название "право-левой слепоты" (*Rechtslinksblindheit*) [16]. Автор этого термина, К. Эльце, отмечал, что данная "слепота" встречается не только среди детей и необразованных классов, но и среди индивидов достаточно высокого интеллектуального уровня (Гельмгольц, Шиллер, Фрейд).

Сказанное вновь возвращает нас к предположению, что изначально право-левая асимметрия человеческого организма не была (и не есть) столь выражена, как это принято считать. Как писал еще в начале века французский философ Р. Эрц, «несмотря на, казалось бы, разные функции двух рук, ловкость одной и вялость другой являются в большей степени результатом человеческой воли, мечта человечества об обладании двумя "правыми руками" не столь уж химерична» [17, с. 22]. Ярким примером, как нам представляется, условности противопоставления правой и левой рук в пользовании механизмом может служить управление автомобилем: система, ориентированная, как можно предположить, на праворукого водителя, на Британских островах оказывается как бы вывернутой наизнанку, что, естественно, нельзя объяснить какими-то особыми нейрофизиологическими особенностями населения. Другим интересным примером может послужить левосторонняя ориентация у некоторых племен индейцев пузбло, которая, как предполагается, сложилась у них довольно поздно как знак протesta против праворуких белых завоевателей [18]. Ориентация на левую руку в ряде ритуалов встречается также и в Китае. Кроме того, там, как и у индейцев керес, женское начало (инь) ассоциируется с правой стороной, а мужское (ян) — с левой [19].

Являясь безусловной культурно-хозяйственной необходимостью, как при изготовлении орудий и пользовании ими, так и при ориентировке в пространстве, противопоставление правого левому как бы накладывается на существующую систему бинарных оппозиций извне, непрерывно подкрепляясь самим языком и системой традиционных мифологических представлений. Если со временем, в ходе развития общества с усложнившейся дифференциацией труда модель "есть, питаться" — "правый" или "работать" — "правый" перестала быть мотивированной, ее заменила модель "правый" — "лучший", "более удобный", что одновременно получило поддержку в коллективном сознании, связывающем данную оппозицию с другими бинарными корреляциями и их лексико-семантическими и мифологическими сущностями.

Однако необходимо отметить, что в большинстве развитых культурных традиций правая рука (сторона) противопоставляется левой по принципу большей важности, значимости, старшинства и проч., но не по принципу "хорошо—плохо". Так, известно, например, что практически у всех народов наиболее почетное место за столом — справа от хозяина, но это не означает, что сидящий от него слева как-то подчеркнуто унижен. Известно также, что "правое и левое у многих народов имеет не только мифологическое и религиозное, но и социальное осмысление. Обычно правая сторона соотносится с высоким социальным и возрастным статусом, а левая — с низким. Так, у адыгов во время разговора двух мужчин, идущих рядом, младший занимает место слева от старшего. При увеличении числа собеседников хотя бы на одного картина в корне меняется. В этом случае самый младший занимает позицию справа на полшага позади самого старшего, чтобы слышать его указания, поручения. Все остальные спутники выстраиваются слева от старшего в порядке убывания возраста" [20, с. 30]. Положение слева, таким образом, показывает лишь несколько более низкую социальную и возрастную значимость, но не отмечено само по себе как неблагоприятное. Примеры подобного рода можно было бы продолжить.

В христианской иконописной традиции святой традиционно держит более значимый предмет в правой руке, а менее значимый — в левой (крест и книга, книга и свеча и проч.). Интересно, что более важной при этом по отношению к смотрящему считается левая сторона, так как изображение в этом случае оказывается как бы зеркальным с точки зрения внутренней зрительной позиции, в которой она оказывается правой [21]. Однако изображенное на правой (от зрителя) стороне иконы оказывается лишь менее значимым, но ни в коей мере не олицетворяет чего-то активно неблагоприятного.

Подобно этому и просьба матери сыновей Зеведеевых "чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в царстве Твоем" (Мт., 20–21) не означает благословения одного из сыновей и проклятия — другого, а лишь показывает стремление спасти обоих детей.

Интересно, что маркером большей значимости объекта часто выступает не столько правая сторона, сколько именно правая рука — основной агент клятв, благословений и проч. Примеров, иллюстрирующих это, можно привести много, ограничимся лишь одним, с нашей точки зрения, наиболее показательным: "Когда близился смерти святой Франциск, подобный тогда патриарху Иакову, и стояли кругом преданные сыны, горюя и плача об уходе от них столь любезного отца, он спросил: — Где мой первородный сын? Подойди ко мне, сын, чтобы благословила тебя душа моя прежде, чем я умру. — Тогда брат Бернард сказал тайком брату Илии, который был наместником Ордена: — Отец, подойди к святому с правой стороны, чтобы он тебя благословил. — И, когда брат Илия встал по правую руку его, святой Франциск, потерявший благодаря безмерно пролитым слезам, зрение, возложил правую руку на голову брата Илии и сказал: — Это голова не моего первородного сына, брата Бернарда. — Тогда брат Бернард подошел к нему с левой стороны, а святой Франциск перекинул руки наподобие креста и возложил правую руку на голову брата Бернарда, а левую на голову брата Илии" [22, с. 23]. Не признанный Франциском как преемник, брат Илия, на голову которого была возложена левая рука святого, оказывается при этом не отверженным или проклятым, он также благословлен, но как бы с меньшей степенью значимости.

Таким образом, в культурной традиции правая рука считается — лучшей, более важной, что, в частности, закреplяется в языке в уже описанной нами оценочной модели. Левая рука (сторона) при этом не обязательно ассоциируется с чем-то неблагоприятным и, таким образом, не составляет, собственно говоря, опоры для бинарной оппозиции. Иными словами, правое не обязательно противостоит левому, а как бы сосуществует с ним, лишь реализуя принцип наличия или отсутствия некоего признака.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в фольклорно-мифологической традиции многих народов, включающих понятия "правый" и "левый" в развитую систему бинарных оппозиций и вследствие этого неизбежно коррелирующих их с уже существующими. Так, с одной стороны, правая сторона начинает ассоциироваться с мужским началом, а левая — с женским, что в отдельных случаях закрепляется и на языковом уровне.

Еще шире представлено у многих народов соотнесение понятий "правый" и "левый" с оппозицией "хороший—плохой", что вызывает целый ряд традиционных установок, приводящих в целом к стойкой ассоциации левой руки (и стороны) с чем-то неблагоприятным. «Такая ассоциация значений "правый", "правой стороны" с "благоприятным", "хорошим", "положительным", а "левый", "левой стороны" — с "неблагоприятным", "дурным", "отрицательным" может считаться некоторой семантической универсалией системы языка вообще» [23, с. 785].

Следует отметить, что взаимная связь парных противопоставлений представлена в данном случае последовательно эксплицитно, то есть, по определению Н.И. Толстого, "непосредственно отмечается самими носителями народной культурной традиции в определенных ситуациях и условиях". В этом случае "она осознается четко и явно прокламируется" [24, с. 170].

Примеров отрицательных коннотаций, которыми в фольклоре обладает левая рука (сторона), можно привести очень много. Более того, общая положительная оценка правой стороны и отрицательная — левой часто получала религиозные мотивации, например: "Искуситель... неизбежно находится у человека с левого бока и шепчет ему в левое ухо о таких злых действиях, какие самому человеку и в ум не пришли бы без коварных наветов черта" [20, с. 29], или: "Никогда не плой на правый бок, на правую сторону (потому что ангел-хранитель при правом боке, а дьявол при левом; на него и плой)" [20, с. 29]. Впрочем, мы должны признать, — что отрицательная оценка левой стороны, точнее — положение слева как знак проклятия, встречается и в христианской традиции в пророчестве о Страшном Суде: "И соберутся перед Ним все народы; и отделят одних от других, как паstryр отделяет овец от козлов; И поставит овец по правую сторону свою, а козлов по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира... Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его" (Мт., 25, 32—41). Разделение народов на благословенных и проклятых, казалось бы, лишь условно подчиняющееся в данном случае право-левосторонней ориентации, на наш взгляд, неизбежно отражает универсальную для всех народов общую отрицательную оценку левой стороны.

Чем же вызвана столь стойкая полярность в оценке правой и левой сторон, бытующая в народном сознании?

В свое время существовала концепция, интерпретирующая отрицательную оценку левой руки и положительную — правой уже описанной нами восточной ориентацией, при которой левая рука была направлена на холодный, не-приветливый север, а правая — на теплый юг ([17], ср. [24]). Однако, как можно предположить, в странах, расположенных южнее экватора, система бинарных оппозиций должна была бы в таком случае выглядеть как своего рода зеркальное отражение общепринятой и с понятием "правый" ассоциировались бы понятия "плохое", "женское". Однако этого не происходит. Таким образом, вовлечение понятий "правый" и "левый" в сложившуюся систему бинарных оппозиций с устойчивой отрицательной оценкой левой стороны должно иметь какое-то иное, ие "географическое" объяснение.

Как кажется, большой интерес с этой точки зрения могут представить исследования Р. Эрика о насилиственной доминации правой руки в коллективном-

сознании путем ее "сакрализации". "Исключительное развитие правой руки, — пишет он, — может рассматриваться как качество, присущее лишь человеку, как знак его моральной доминации. И в некотором смысле это действительно так. Всами систематическая парализация левой руки укладывалась в общую систему доминации сакрального над профанным, желания и интересы отдельного индивида должны были подчиниться коллективному сознанию, которое относилось к человеческому телу как к чему-то магическому. Так на физические различия накладывался этический императив... Противопоставление правого левому можно до конца понять и объяснить, лишь погрузившись глубоко в основные доктрины о происхождении знания" [17, с. 29]. Однако говорить о правой руке как о сакральной, а о левой — как о профанной кажется нам не совсем правомерным, так как во многих ритуалах именно левая рука исполняет функции сакральной. К тому же оппозиция "сакральный—профанный" не обязательно коррелирует с оппозицией "хорошо—плохо", а именно последнее как раз и имеет место в случае появления у понятий "правый" и "левый" соответствующих коннотаций. Чем же тогда, если не географическими и религиозными мотивами, вызвано их появление?

Видимо — общим стремлением коллективного сознания к бинарности, полярности, отсутствию "промежуточных" ситуаций, его неизменным страхом перед градуированной оценочной шкалой. Например: "Он говорит слишком тихо. — А что, кричать лучше?" или "Я не люблю, когда холодно. — А что, жара лучше?" и проч. Данные примеры были нами смоделированы, но в принципе они ясно демонстрируют особенности народной речи и, следовательно, народного осознания действительности. Если, как мы пытались показать, право-левосторонняя асимметрия, возникшая в результате культурно-хозяйственной необходимости, усваивается и закрепляется в мозгу широких масс недостаточно твердо, то язык неизбежно должен в данном случае выступить в роли закрепителя, причем — тем более жесткого, чем больший пласт его носителей охватывается этой ментальной универсалией.

Утрата мотивированности номинации ведет к ее дезнимологизации и последующему вытеснению. Так, от констатации факта использования для того или иного действия предпочтительно правой руки в предикативной модели, мы переходим к его оценке, к рекомендации доминантного пользования этой рукой как лучшей, более сильной. Но и это оказывается недостаточным, следующий этап — закрепление в языке обязательности пользования правой рукой, что подводит нас к модели "прямой" → "правый", "правильный" → "правый".

Развитие значения "правый" из "прямой" происходит обычно посредством развития значений "прямой" — "правильный", "законный" и др. Так, например, франц. *droit*, восходящее к народно-латинскому *drectus*, не имеет значения "правильный", а означает "право" (юр.).

В древнеанглийском первая фиксация слова *riht* в значении "правый" датируется уже 1000 г. (англосаксонская версия апокрифики Никодима): *Se Hælend be baegte ryht handa me genat* [11, т. VIII, с. 671] — "Спаситель взял меня за правую руку". Однако, у нас нет оснований утверждать, что в данном примере сочетание *ryht handa* означает именно правую руку, скорее — это "правильная" рука, та рука, за которую следует брать, или — праведная рука (по сути, конечно, правая).

Интересная этимологическая связь предложена М.М. Маковским, который считает, что данное значение др.-англ. *ryht* могло быть поддержано др.-англ. *rīsc*, др.-сакс. *rink*, др.-исл. *rekkr* "муж, мужчина", что возвращает нас к модели "правый" — "мужской" ([25], ср. [26]).

Распространение модели "правый" — "прямой" уже в исторический период и вытеснение ею рефлексов и.е. корня постоянно вызывало интерес исследователей и могло объясняться теми или иными языковыми влияниями. В от-

дельных случаях, видимо, можно говорить о влияниях, однако в целом этот процесс столь универсален, что, несомненно, является отражением некой ментальной константы, появляющейся на определенном этапе почти у всех народов. Так, в работе А. Я. Шайкевича делается вывод, что "факт параллельного развития следует приписать влиянию пережитков общеиндoевропейских моральных и религиозных идей ... , так как трудно вообще предполагать возможность распространения на таком обширном пространстве семантического процесса, исходящего из какого-то одного центра" [8, с. 62]. Действительно, указанная модель встречается в и.-е. языках поразительно часто: ср. англ. *right*, франц. *droit*, нем. *rech*, русск. *правый*, итал. *diabol*, а также перс. *rast*, восходящее к др.-перс. *rāsta* "прямой, правильный" и цыган. *caco* "правый", восходящее к "правильный" (ср. скр. *satyā*) и др. Однако подобный семантический переход широко встречается и за пределами и.-е. ареала: так, в языке жителей Новой Померании *lita tupa* "правая рука" буквально означает "правильная рука", а в языке индейцев кайова *'at-hui-t-dei* "правый" также соотносится со значениями "правильный, настоящий", коми-пермяцкое *вэс'кыд* "правый" означает одновременно "прямой, честный, истинный", в калмыцком *tšik* "прямой, правильный, искренний", сочетание же *tšik gar* означает "правая рука". Более того, как нам представляется, тенденция к обозначению правой руки по этой же модели присутствует и в тех случаях, когда она называется "настоящей", "истинной" рукой или просто "рукой". Так, в языках банту, в частности, в качестве обозначения правой руки употребляется просто слово "рука" с маркером определенности или (в языке нианья) — *dzanja la manja* букв. "рука рук" и *dzanla la kwene* "настоящая рука" (см. [27, с. 427—429]).

Возможно, аналогичный процесс мы наблюдаем и в европейских языках в отдельных словоупотреблениях или в устойчивых выражениях и словосочетаниях типа *ручаться, не-с-подручно, handy* "искусный", ирл. *so-láth* "ловкий" (букв. "хорошая рука") и др. Во всех указанных примерах, безусловно, имеется в виду рука правая как единственная возможная пресуппозиционно в сумме данных значений.

Таким образом, суммируя все, сказанное нами, мы можем прийти к выводу, что в обозначениях правой руки ясно видны три этапа лингво-ментальной эволюции, через которые проходит человечество в своем интеллектуальном и языковом развитии:

- 1) Констатирующий (правая рука — та, которой едят, работают, стреляют и проч.);
- 2) Рекомендующий (правая рука — лучшая, более сильная, красивая и проч.);
- 3) Императивный (правая рука — немотивированно правильная, а левой рукой пользоваться нельзя, быть левшой — плохо).

Почти нигде в диахронии мы не наблюдаем реальной смены этих трех видов обозначения правой руки (до некоторой степени — в английском и немецком), для большинства и.-е. языков все ограничивается лишь вытеснением исконного корня. Как можно предположить, на определенных этапах все три типа обозначений существовали в обществе носителей одного языка я разных социальных группах. При взлете социальной активности в одной из них происходили соответствующие языковые сдвиги.

Примерно к этому же выводу приходит и А. Я. Шайкевич, когда пишет о возможном "существовании в языке группы синонимов, часть которых в каждом отдельном языке отпадала" [8, с. 67]. В синхронии это явление зафиксировано, например, в языках банту, в которых могут существовать до трех наименований правой руки: "есть-рука", "мужская рука", "настоящая рука"; как указывает исследователь, "некоторые обозначения правой руки невозможно было интерпретировать при помощи имеющихся языковых средств" [26, с. 427].

В антропоцентрической картине мира, в которой роль дейктического центра

играет сам человек, право-левосторонняя асимметрия оказывается неизбежной (ср. в этой связи высказывание И. Канта, приведенное в работе С.Г. Проскурина: "Так как для суждения о направлениях в высшей степени необходимо различным образом чувствовать правую и левую сторону, то природа связала это чувство с механизмом человеческого тела, посредством которого одна, а именно правая, сторона несомненно превосходит левую в ловкости" [10, с. 44—45]). Но действительно ли — природа? Доминация правой руки и ее обозначение в языке постоянно этимологически десемантизируются как не имеющие естественной поддержки и постоянно требуют все более императивной номинации, по крайней мере — в языках горячей культуры, не склонных к традиционности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Corballis M.C., Beale J.L. *The psychology of left and right*. N.Y., 1976.
2. Семенов С.А. Следы работы на орудиях и доказательства работы неандертальцев правой рукой // Кр. сообщ. Ин-та археологии АН СССР, 1961. Вып. 84.
3. Иванов Вяч.Вс. Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии // Ранние формы искусства. М., 1972.
4. Столляр А.Д. О "гипотезе руки" как традиционном объяснении происхождения палеолитического искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976.
5. Woo T.L., Pearson K. Dextrality and sinistrality of hand and eye // Biometrika. 1972. V. 19.
6. Платон. Законы // Платон. Соч. Т. 3. Ч. 2. М., 1972.
7. Алексеев В.П. К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976.
8. Шайкевич А.Я. Слова со значением "правый" и "левый" (Опыт сопоставительного анализа) // Уч. зап. I-го МГПИИ. 1960. Т. XXIII.
9. Freud S. *The origins of psychoanalysis. Letters to W. Fliess*. L., 1954.
10. Проскурин С.Г. О значениях "правый" — "левый" в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // ВЯ. 1990. № 5.
11. The Oxford English dictionary. V. III. Oxford, 1933.
12. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
13. Contributions to a Dictionary of the Irish language: degradodelbtha. Dublin, 1959.
14. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.
15. Lehmann W.P. A Gothic etymological dictionary. Leiden, 1986.
16. Elze K. Rechtslinksemfinden und Rechtslinksblindheit // Z. für angewandte Psychologie. 1924. Bd. 24.
17. Hertz R. The pre-eminence of the right hand // Right and left. / Ed. by Needham R. Chicago; London, 1973.
18. Miller J. Priority of the left // Man. 1972. V. 7. № 4.
19. Granet M. Right and left in China // Right and left. Ed. by Needham R. Chicago; London, 1973.
20. Байбурия А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л., 1990.
21. Успенский Б.А. "Правое" и "левое" в иконописном изображении // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
22. Цветочки Святого Франциска Ассизского. М., 1990.
23. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. 2. Тбилиси, 1984.
24. Толстой Н.И. О природе связей бинарных противопоставлений типа "правый—левый", "мужской—женский" // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
25. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. М., 1989.
26. Маковский М.М. Лингвистическая генетика. М., 1992. С. 46—47.
27. Werner A. Note on the terms used for "right hand" and "left hand" in the Bantu languages // Right and left / Ed. by Needham R. Chicago; London, 1973.

© 1993 г. ПАДУЧЕВА Е.В.

РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ И АКЦИОНАЛЬНОЕ

В работе [1] были рассмотрены "необычные" для несовершенного вида результативные употребления (*Он показывал мне эти письма* ≈ "показал") и предложено шесть семантических признаков, по которым они могут быть охарактеризованы (каждому признаку соответствует определенный семантический компонент толкования — в положительном или в отрицательном варианте):

1. ± Экзистенциальное коммуникативное членение;
2. ± Разобщенность действия с моментом речи (признак, противоположный перфектности — прекращение итогового состояния);
3. ± Неопределенность времени завершения действия;
4. ± Кратность;
5. ± Ретроспективная точка отсчета;
6. ± Результативность (= достижение предела).

Было показано, что результативные употребления НСВ не составляют единого значения. Во-первых, различаются два общефактических значения — общеефактическое экзистенциальное, для которого все шесть признаков принимают положительное значение (*Вы читали "Капитансскую дочку"?*), и общеефактическое конкретное (*Ты обедал?*), которое отличается от экзистенциального только по признаку "Кратность". Во-вторых, имеется значение, которое можно назвать акциональным (внутренний смысл термина будет раскрыт позднее) и которое отличается от общеефактического экзистенциального по всем признакам, кроме ретроспективной точки отсчета. В данной работе мы рассмотрим эти три типа результативных значений НСВ более подробно.

Замечание. Результативным значением НСВ мы называем такое, которое включает в себя значение парного СВ. Так, результативным является не только употребление *строить* в значении "построить" (*Я строил\такие мосты*), но и *показывать* в значении "показать", как в примере выше, и даже *повышаться* в значении "повыситься", как во фразе *Давление в котле хоть раз повышалось?* = "хоть раз повысилось?", хотя значение "повыситься" само по себе не результативное, а скорее делимитативное: *повыситься* = "стать выше на некоторую величину".

1. ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ

Это значение характеризуется следующим набором семантических компонентов:

1. + Экзистенциальное коммуникативное членение;
2. + Разобщенность действия с моментом речи;
3. + Неопределенность времени завершения;
4. + Кратности;
5. + Ретроспективная точка отсчета;
6. + Результативность.

Примеры.

- (1) а. *Мой дядя восходил на Эверест.*
- б. *Спроси свою знать, которой случалось тебя продавать.*
- в. *Ты когда-нибудь разбивал ценную вазу?*
- г. *Она не один раз теряла паспорт.*

- д. Я уже выражал ему свое неудовольствие.
е. Я находил в этом лесу рыжики.

Экзистенциальное значение возможно для всех глаголов, которые обозначают ситуацию, воспринимаемую во времени. Тем самым, если глагол НСВ входит в многократную пару с некоторым СВ, то для него допустимо употребление в экзистенциальном значении: несущественно, входит ли он, кроме того, в предельную пару [как строить — построить (дом), читать — прочитать (книгу)], в нефективную (как чувствовать — почувствовать; понять — понимать), или не входит больше ни в какую (как глаголы находить, приходить и под.).

Благоприятным контекстом для возникновения у глагола НСВ экзистенциальной интерпретации служат слова: когда-нибудь (в общем вопросе); когда-то; (по крайней мере) один раз, хоть раз, однажды, неоднократно и другие показатели кратности; уже (в значении "уже однажды") и под., ср. [2].

Имеется несколько специальных контекстов, препятствующих или способствующих экзистенциальной интерпретации НСВ, причем все они связаны с кратностью или с потенциальной кратностью ситуации.

1. Экзистенциальное употребление невозможно для моторно-некратных глаголов (идти, ехать, бежать и под.), в противоположность моторно-кратным (ходить, ездить, бегать и т.д.) (ср. [31, с. 132]). Например:

(2) а. Я *шел*\по этому шоссе (= "тогда", а не "хоть раз"; общефактическое конкретное значение НСВ);

б. Я *ходил*\по этому шоссе (= "по крайней мере один раз"; общефактическое экзистенциальное значение НСВ).

Поэтому в однозначно экзистенциальном контексте моторно-некратный глагол порождает аномалию:

(3) *Ты когда-нибудь плыл/(\Rightarrow плавал) на байдарке?

*Ты когда-нибудь ехал/(\Rightarrow ездил) верхом?

В предельном употреблении — с показателем конечного пункта движения — моторно-некратный глагол либо невозможен, ср. (4), либо, если он и может быть употреблен при определенной коммуникативной структуре, как в (5a), не допускает результативного понимания, хотя для моторно-кратного глагола такое понимание является нормой, см. (5b):

(4) *Ты когда-нибудь ехал/в Коломенское?

(5) а. Ты когда-нибудь ехал/в город на телеге?

б. Ты когда-нибудь ездил/в город на телеге?

В самом деле, ездить в город является многократной парой для съездить в город; соответственно, (5b) имеет результативное понимание, а ехать в город не входит в многократную пару ни с каким СВ, и о результативном понимании (5a) не может быть и речи.

2. Если глагол НСВ, хотя бы и парный, обозначает в каком-то контексте чесвоспроизведимую ситуацию — например, если глагол тонуть или умирать употреблен с конкретно-референтным субъектом, — у него тоже не возникает значения достижения предела:

(6) Ты когда-нибудь тонул? ≠ Ты "хоть раз утонул?"

Релевантность контекста потенциальной кратности для возникновения результативного понимания у НСВ показывает также следующий пример. Рассмотрим, с одной стороны, глаголы расти (о живом организме), стареть, кончаться (в контексте конкретно-референтного субъекта), а с другой — повышаться (например, о температуре), падать (например, о давлении). Глаголы первой группы обозначают чесвоспроизведимую ситуацию: вырасти, постареть, кончиться один объект может ровно один раз; и они же не допускают результативного понимания, ср. однозначно актуально-длительное понимание НСВ в (7a). Между тем глаголы второй группы обозначают возобновляемую ситуацию, и результативное понимание здесь в принципе возможно, ср. экзистенциальное понимание НСВ в (7b):

(7) а. Ребенок *расс*. *Рис у нас кончался*.

б. *Если давление в котле хоть раз падало, ...*.

О том, что кратность ситуации создает контекст, в котором общефактическое значение реализуется без ограничений, см [2, с. 26].

3. Пример (8) тоже демонстрирует связь экзистенциальности с кратностью. Чем объяснить, что в (8б) НСВ однозначно понимается в экзистенциальном — а следовательно, результативном — значении, при том что в (8а) НСВ неоднозначен?

(8) а. *Температура повышалась* (допустимо актуально-длительное и экзистенциальное понимание).

б. *Температура повышалась до 45°* (допустимо только экзистенциальное понимание)

По общему правилу, выявленному А. Вежбицкой [4] (весьма это ограничение упоминает Р.О. Якобсон [5]), глагол НСВ в актуально-длительном значении не может употребляться в контексте показателя количественного предела действия (ср. *съел две груши*, но **ест две груши*), так что глагол СВ в сочетании с показателем количественного предела (*повыситься до 45°*) не имеет НСВ, входящего с ним в чистовидовую пару. Иначе говоря, глагол *повышаться* в контексте показателя количественного предела (*до 45°*) не может иметь актуально-длительного значения. Однако в принципе сочетание глагола НСВ *умножающейся* с показателем количественного предела (*до 45°*) возможно — глагол НСВ будет при этом пониматься как многократная пара к глаголу СВ *повыситься*. Соответственно, на базе однозначно многократного возникает, при троепотенциальном положении наблюдателя однозначно экзистенциальное значение НСВ в (8б).

Таким образом общефактическое результативное возможно только у такого глагола НСВ, который может быть понят как многократная пара к СВ. Показатели количественного предела, которые обеспечивают однозначно многократное понимание глагола НСВ, одновременно обеспечивают однозначно результативное его понимание.

Аналогичную роль однозначного показателя экзистенциального значения НСВ может выполнять и обстоятельство срока. В силу наличия такого обстоятельства НСВ в (9) понимается в кратном и, следовательно, однозначно экзистенциальном значении. Тогда как в (10) кратное (а следовательно, экзистенциальное) значение — лишь одно из возможных; более вероятно — актуально-длительное.

(9) *Температура за это время повышалась (хоть раз)?*

(10) *Давление в котле падало.*

Обстановка в Азербайджане осложнялась.

Чем между кратностью и результативностью в семантике НСВ экзистенциального имеется естественная внутренняя связь. В самом деле, 1) глагол СВ всегда обозначает некоторый переход в новое состояние; 2) мы рассматриваем только такие глаголы НСВ, которые входят в видовую пару, т.е., в соответствии с определением ранее определением видовых парности обозначают ситуацию, состоящую в неограниченном повторении того перехода, который обозначен глаголом в СВ; 3) когда глагол НСВ обозначает ситуацию, состоящую в повторении перехода, экзистенциальное утверждение, т.е. утверждение о том, что данная ситуация имела место, означает, что имел место по крайней мере один "квант" такой ситуации т.е. по крайней мере один переход, который описывается глаголом в СВ. В самом деле, чтобы возобновиться, ситуация должна дойти до конца, т.е. до результата.

Замечание. В работах М.Я. Гловинской [3, с. 134; 6] указывается дискретность ситуации как самый общий фактор, благоприятствующий общефактическому пониманию НСВ (кратность рассматривается как частный случай дискретности [3, с. 135]). Представляется, что дискретность существенна постольку, поскольку она служит необходимым предусловием для понимания НСВ как экзистенции.

Результативная интерпретация является однозначной у глаголов, не допускающих неудачной попытки (типа *приходить* или *предупреждать*). Для глаголов с допустимой неудачной попыткой результативное понимание в экзистенциальном контексте обычно не единственное; но оно всегда существует как одно из возможных:

(11) *Ты ловил в этом озере карасей?*

Он строил мосты через Волгу.

Я решал такие задачи.

Опять-таки, препятствием для результативного понимания может быть контекст, который исключает повторение ситуации. Так, в предложении (12) НСВ не допускает результативного понимания, поскольку ситуация в ее успешном варианте не допускает повторения:

(12) *Ты поступал/ в Автодорожный институт?*

Таким образом, связь экзистенциального результативного с потенциальной кратностью ситуации не вызывает сомнений.

2. ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ КОНКРЕТНОЕ

Это значение имеет следующий набор семантических компонентов:

1. + Экзистенциальное коммуникативное членение;
2. + Разобщенность действия с моментом речи;
3. + Неопределенность времени завершения;
4. – Кратность;
5. + Ретроспективная точка отсчета;
6. + Результативность.

Примеры.

(1) а. *Ты открывал/ окно?* (Сейчас окно закрыто.)

б. *Я дарил тебе свою книгу?*

в. *Этот ручей прошлым летом пересыхал.*

Главное различие между экзистенциальным и конкретным значением касается времени: вопрос (1а) относится к актуальному временному интервалу и касается единичного факта открывания окна; при экзистенциальном значении время не ограничено, ср. *когда-нибудь* в примере (1в) из разд. I с экзистенциальным значением НСВ.

Общефактическое конкретное, как и экзистенциальное, возможно только для глаголов обозначающих воспроизведимую, т.е. потенциально кратную ситуацию. Так, моторно-некратные глаголы в предельном контексте — единственном, где они могли бы иметь парный СВ, — не имеют общефактического конкретного значения, так же как и экзистенциального:

(2) **Он шел/ в магазин?*

**Ты ехал/ в город?*

Единичность часто возникает за счет pragматического контекста. Так, для фразы *Ты читал последний "Коммерсант"?* наиболее вероятное понимание — единственное, тогда как вопрос *Ты читал "Капитансскую дочку"?* можно понять и в значении "хоть раз", т.е. в экзистенциальном смысле.

Единичность может быть выражена и эксплицитно — словами *тогда, в том раз и под.* Ср.:

(3) а. *Ты хоть раз вешал/ эту карту?* (НСВ экзистенциальное);

б. *Ты тогда вешал/ карту?* (НСВ конкретное).

Компонент "Разобщенность действия с моментом речи" в экзистенциальном контексте возникает как семантическое следствие кратности. В контексте единичности этот компонент может быть препятствием к употреблению НСВ результативного, т.е. к употреблению НСВ "в значении СВ". Так, вопрос (4), хотя в нем нет ничего неправильного, звучит странно, поскольку в описываемой ситуации pragmatically более естествен интерес к сохранившемуся результату:

(4) *Ты находил свои ключи? (= "и потом снова потерял").

Общефактическое конкретное для многих глаголов затруднено. Так, глаголы *вспоминать* (о ком-то), *замечать* допускают общефактическое эзистенциальное, как в примерах (5а), (6а), но не конкретное, ср. (5б), (6б):

(5) а. Ты обо мне хоть раз *вспоминала*? (= "хоть раз вспомнила").

б. Я о тебе тогда *вспоминала* (= "предавалась воспоминаниям", "думала"; актуально-длительное, а не общефактическое значение НСВ).

(6) а. Ты когда-нибудь замечал, что он странно себя ведет? (= "хоть раз заметил");

б. Ты тогда заметила (*замечал), что он странно себя ведет?

В работах [7] и [8] рассматривается контекст, где глагол НСВ обозначает ситуацию, регулярно воспроизводимую в соответствии с теми или иными временными циклами — каждый день, каждую неделю и т.п., но в данном случае приуроченную к одному конкретному моменту своего осуществления:

(7) Ты подметал пол? Ты убирал квартиру? Ты вынимал почту?

Ты гулял с собакой? Ты умывался? Ты кормил ребенка?

Ты получал стипендию? Ты обедал? Ты открывал фортепиано?

В таком контексте НСВ свободно употребляется в общефактическом конкретном, и единичность совмещается с результативностью: выполняется условие потенциальной кратности ситуации. То, что контекст потенциальной кратности ситуации существенен, показывает следующий пример:

(8) а. Ты сегодня покупал хлеб?

б. Ты сегодня покупал кожаную куртку?

Между (8а) и (8б) имеется два различия.

1. Вопрос (8б) требует специального контекста: например, он возможен, когда приобретение куртки намечалось на сегодняшний день заранее; или когда говорящий видел кого-то покупающим куртку и хочет его идентифицировать; или если покупка куртки является, на данном отрезке времени, постоянным занятием адресата, ср. Ты сегодня писал статью? Без такого ситуативного контекста вопрос (8б) вообще невозможен. Для вопроса (8а) уместный контекст заранее создан каждодневной повторяемостью этого действия.

2. В (8а) значение НСВ однозначно результативное; между тем (8б) ни в одном из этих контекстов не допускает результативного понимания. Отметим, в частности, что ответ Да на вопрос (8а) естественно означает "и купил"; между тем ответ Да на вопрос (8б) не имеет этого значения, и чтобы его выразить, надо сказать что-то вроде Не только покупал, но и купил.

Очевидно, что различие между (8а) и (8б) сводится к потенциальной кратности первой ситуации, в противоположность второй. В (8а) речь идет о действии, которое совершается регулярно; и понимание НСВ результативное. А в (8б) — если это заранее намеченное действие, то оно однократно, и если это занятие, то вопрос касается того, имело ли место данное занятие: ситуация становится непредельной, и проблема ее результативности снимается.

Таким образом, и здесь результативное понимание связано с потенциальной кратностью ситуации.

3. ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ АКЦИОНАЛЬНОЕ

Из семантических компонентов, характеризующих эзистенциальное значение, акциональному свойственны только неопределенность времени завершения действия и ретроспективность: эзистенциальное членение, разобщенность, кратность отсутствуют. Таким образом, акциональное значение существенно отличается от общефактического.

Замечание. Два типа результативных употреблений НСВ — общефактическое и акциональное — были довольно четко различены Дж. Форсайтом [9, с. 84], который про одно из значений общефактического (общефактическое эзистенциальное) говорит,

что глагол с этим значением несет главный логический акцент в предложении, см. (1а), а другое (в нашей терминологии — акциональное) характеризует как лишенное фразового акцента, см. (1б),

(1) а. *А ведь я тебя, кажется, предупреждал.*

б. *Я убираю комнату вчера* (Кто сегодня должен убирать — не знаю.)

О.П. Рассудова, по-видимому, тоже различает эти два значения; во всяком случае, то значение, которое мы называем акциональным, рассматривается отдельно от общефактического, в особом параграфе, озаглавленном: "Употребление видов глагола в случае, когда внимание говорящего направлено на то, где, когда, зачем, кто совершал действие" [2, с. 37]

С другой стороны, у А.В. Бондарко [10, с. 84] акциональное значение, пример (2), трактуется как разновидность общефактического.

(2) а *Она еще раз посмотрела на письмо. От Драницыкова.. и тогда ведь писал тоже\ Драницыников.*

б. *Куда тебе утром Татьчна-то\ посыпала?*

И это отождествление имеет давнюю традицию.

Самое наглядное отличие акционального от общефактического — в коммуникативной структуре: общефактическое значение требует экзистенциального коммуникативного членения, а при акциональном глагол обычно безударный. Примеры:

(3) а *Сергей вешал\ эту карту, он тебе поможет.* (экзистенциальное значение НСВ);

б. — *Где кнопки? — Сергей\ вешал карту, у него спроси.* (акциональное значение НСВ).

В примерах (1б), (2), (3) глагол и описываемая им ситуация входят в презумтивную часть высказывания, так что акцент явно не на том, имел ли место факт осуществления действия, как при экзистенциальном значении: действие, обозначаемое глаголом в НСВ, является темой высказывания, а акцент падает на какие-то обстоятельства этого действия — либо сообщаемые (в утверждении), либо подлежащие выяснению (в вопросе); ср. примеры из [2]:

Где апельсины\ покупали?

Кто открывал окно?

Результативная интерпретация имеет в акциональном значении иной источник, чем в экзистенциальном: при экзистенциальном значении результативность вытекает из кратности; а при акциональном результативность вообще не входит в значение формы НСВ: информация о достижении предела может поступать из контекста, который так или иначе свидетельствует о сохранении итогового состояния события. Например, из контекста ситуации, в которой делается высказывание, может быть ясно, что итоговое состояние сохраняется, ср. купленные апельсины и открытое окно в примерах выше; а отсюда уже следует, что действие достигло своего предела. Т.е. при акциональном значении часто именно сохранение итогового состояния ситуации свидетельствует о том, что она достигла предела, и это позволяет понимать форму НСВ в результативном значении.

Иногда достижение предела ясно даже не из контекста ситуации, а из самого текста (см. [9]):

(4) *В этой портерной я ... написал первое любовное письмо к Варе. Писал карандашом.* (Чехов "Скучная история").

Результативное понимание может возникнуть у НСВ акционального как коммуникативная импликатура (см. [11]). Итак, при акциональном значении компонент "Результативность" присутствует в контексте, а в значение формы НСВ не входит

Общефактическое и акциональное значения различаются также по признаку "Разобщенность действия с моментом речи": сохранение итогового состояния не служит препятствием для употребления глагола НСВ в акциональном значении в противоположность общефактическому конкретному, см. пример (4) из разд. 2. Более того, как уже говорилось, при акциональном значении

часто именно сохранение итогового состояния в момент речи – очевидное из речевого или синтаксического контекста служит источником однозначно результативного понимания формы НСВ

(5) а. *Кто включал этот утюг (когда-нибудь)? Он работает?*

б. *Кто включал утюг? Опять его забыли выключить!*

В (5а), где присутствуют компоненты "Рематичность" и "Разобщенность", обычное общефактическое значение, а в (5б) – акциональное.

Разумеется, сохранение итогового состояния не входит в семантику НСВ акционального и значение видовой формы и присутствует в содержании высказывания только если порождается другими его фрагментами.

Возникает вопрос – почему в условиях, когда итоговое состояние с очевидностью сохраняется говорящий употребляет форму НСВ, а не форму СВ, которая имеет в толковании семантический компонент "Перфектность" и, казалось бы, более уместна в этом контексте. Ответ на этот вопрос может быть получен из сопоставления толкований НСВ акционального и СВ. Главное различие между этими видовыми значениями – в коммуникативном членении лексического значения глагола: в толковании СВ асsertивным компонентом является достижение предела; между тем в толковании НСВ в фокусе внимания оказывается процесс НСВ "направляет внимание на процесс" (см. [2]). Именно это коммуникативное различие определяет – в соответствующих контекстах – предпочтение НСВ акционального перед СВ.

А именно НСВ акциональнос предпочтительна перед СВ в том случае, если говорящий при описании ситуации, достигшей предела, т.е. имеющий результат, ставит в центр внимания не результат, а сам процесс осуществления действия. Например, коммуникативное назначение высказывания может состоять в том, чтобы охарактеризовать этот процесс с той или иной стороны. Соответственно в предложении с НСВ акциональным рематический акцент падает на показатель места действия, как в (6), времени, как в (7); цели, как в (8), на субъект или другого актанты, как в (9), (10), или на какие-то прочие слова, как в (11).

(6) *Где апельсины покупали?*

Когда родились? Где вступали в брак? (= "где происходила церемония бракосочетания" (см. [12]).

– Откуда брюки? – На толкучке \ покупал

Операцию делали ему в Москве\ . (см. [8]).

(7) *Папка эту я покупала еще до войны в Риге\ . (см. [8]).*

Рейс 208\ когда садился?

Когда приносили телеграмму?

(8) *Зачем ты снимал перед ним шляпу? (см. [12]).*

Мы не для этого\ тебя выбирали

(9) *Кто подавлял восстание? Вы? Я! (см. [9]).*

Кто открывал окна\ ? (Здесь лежали мои бумаги)

Какие места неудобные! Кто би леты\ покупал?

Кто\ писал эти записки?

Караул! Иван, ловил.

(10) *Но на обед варила. Дак теперь уж, чай, остывли. (см. [2]).*

Мы возвращались этой\ дорогой.

С кем согласовывали (материал, помещенный в журнале)?

(11) *Это пальто они покупали вместе\ .*

Этот пиджак онши\ себе сам\ .

Кто убил его? Чита не убивал. Значит убивал ты один\ . (см. [9]).

Только в контексте обстоятельства образа действия значение НСВ трактуется как аккуально-длительное [13].

(12) *Решил? Расскажи, как решал.*

Как создавался "Подросток" и "Братья Карамазовы"

Таким образом, внимание на процессе осуществления действия – это главный положительный компонент в семантике НСВ акционального и главный стимул для предпочтения НСВ перед СВ. Противопоставление формы НСВ акционального форме СВ состоит в том, что СВ направляет внимание на результат действия. Используя общепринятые термины теории актуального членения, можно сказать, что при НСВ акциональном процесс осуществления действия составляет тему высказывания, а результат (достижение предела) – всего лишь подразумеваемый компонент. Между тем в семантике СВ достижение предела является асертивным компонентом, а процесс имеет статус презумпции. Еще пример:

(13) а. *Статья подписана "Иван Петров", но я знаю, что ты сам\ ее написал* (= "ты ее подлинный автор");

б. *Статья подписана "Иван Петров", и я знаю, что на этот раз ты ее писал сам* (= "ты написал ее самостоятельно").

В (13а) речь идет об авторстве статьи, которая является результатом процесса, а в (13б) темой является сам процесс написания статьи.

Семантический компонент "переключение внимания на процесс" объясняет предпочтение НСВ акционального перед СВ в контексте обстоятельства цели – цель имеется только у процесса: результат имеет уже не цель, а причину. Этим объясняется НСВ в примерах:

(14) *Я за сырки выбивала, а они кончились* (= "я выбивала чек, имея цель купить сырки");

Голова разламывается. Я даже аспирин\ принял.

Зачем ты надевал новые брюки? (ср. *Почему надел?*)

Вопрос с *Почему* требует СВ там, где вопрос *Зачем?* предпочитает глагол несовершенного вида.

Глагол НСВ часто употребляется в контексте, когда вопрос служит для оформления косвенного речевого акта упрека:

(15) *Зачем ты покупал эту пластинку?*

Для чего ты брал у него словарь? (Адресат держит словарь в руках)

Кто эти билеты покупал? (Места неудобные.)

Вы/ клали книгу в мой ящик?

Это закономерно, поскольку переключение внимания с результата действия на само действие (выражаемое глаголом НСВ в акциональном значении) позволяет далее сосредоточиться на том, кто несет за него ответственность.

Акциональное значение НСВ, т.е. употребление НСВ для обозначения действия, достигшего предела, характерно для контекста припомнения. В самом деле, вспоминая, что произошло, человек вспоминает именно свои действия

(16) *Мне кажется, я клал книгу в портфель\ . Где же она?* (= "я помню, как клал").

(17) *Ну да, он недавно ездил в Москву, я еще ему командировку\ подписывал* (см. [10]; подписьвал – это то свое действие, которое говорящий помнит).

(18) *Не тебя ли это, брат,*

Что-то, помнится, из боя

Доставляли мы в санбат? (см. [9]).

Итак, имеется тройственное коммуникативное противопоставление:

1) НСВ общефактическое выражает рематический акцент на операторе ИМЕЕТ МЕСТО, т.е. свидетельствует об экзистенциальном (в терминах из [14] – верификативно-экзистенциальном) коммуникативном членении высказывания, см. [1];

2) СВает рематический акцент на компоненте "возникновение результата";

3) НСВ акциональное ставит в тематическую позицию процесс осуществления действия.

Тематизация процесса, выражаемая НСВ акциональным, служит объяснением

пля многих примеров запрета результативного употребления НСВ, которые обсуждались в литературе. В самом деле, почему нельзя употребить НСВ результативное в следующих примерах (т.е. почему в этих примерах должен быть не НСВ, а СВ).

(19) *Кто убивал Авраама Линкольна? *Кто открывал Америку? *Кто писал "Войну и мир"? *Кто изобретал телевидение?

И аналогично: *Линкольна убивал Джон Бут; *Америку открывал Колумб; *"Войну и мир" писал Толстой и т.д.

Объяснение состоит в том, что, по естественным причинам, это вопросы о результате, а не о процессе: прагматический контекст ситуации уничтожения, создания, открытия делает неоправданным "переключение внимания" с результата на процесс, т.е. тематизацию процесса. Еще пример:

(20) а. *Кто писал эту записку?*

б. *Кто написал "Войну и мир"?*

Когда речь идет о действии (за которое, например, можно человека одобрить или осудить), употребляется НСВ, как в (20а); между тем в (20б) вопрос не о субъекте действия (писания) а об авторстве созданного произведения, и здесь НСВ акциональное неуместно. Пример (21) анализирует Дж. Форсайт, который по этому поводу пишет. "вопрос касается результата — кто стал владельцем сала" [9, с. 89]:

(21) - Продан вишневый сад? — Продан. — Кто купил? (ср. *Кто покупал?) Я купил (ср. *Я покупаю).

Акциональное значение предъявляет определенные лексические требования к глаголу (точнее, к аспектуальному типу ситуации в смысле [15]).

1. Чтобы употребляться в акциональном значении, глагол должен входить в предельную пару, т.е. обозначаемая ситуация должна иметь процессный фрагмент, соответственно, глагол должен допускать актуально-длительное употребление — моментальные глаголы (типа приходить, находить, ронять) не имеют акционального значения.

2. Глагол должен иметь активный субъект, способный контролировать ситуацию, т.е. должен быть акциональным. Так, вопрос *Кто оставил в гардеробе сверток?* понимается только в смысле "сознательно оставил", а не в смысле "забыл", хотя СВ докускает оба понимания. Вопросы **Он умирал?* в значении "Он умер?", *Когда он умирал?* в значении "Когда он умер?" невозможны, поскольку глагол умирать не акциональный.

Именно это лексическое ограничение оправдывает термин "акциональное значение" — глагол в НСВ акциональном должен обозначать действие.

Различие НСВ общефактического и НСВ акционального позволяет дать объяснение следующему ограничению сочетаемости. Неоднократно отмечалось, что в общефактическом значении не употребляются глаголы НСВ, обозначающие неконтролируемые события (см. [16, 2, с. 39]). В самом деле, ср.:

(22) *Кто ронял кошелек? (в контексте уроненного на землю кошелька); *Кто терял платок? (в контексте потерянного платка); *Кто разбивал эту вазу? *Кто ломал этот стул? (в контексте актуально разбитой вазы или сломанного стула), *Кто тут ушибался?

Это наблюдение ставилось под сомнение примерами типа

(23) Ты когда-нибудь разбивал ценную вазу? Ты хоть раз забывал свою шляпу в поезде? терял паспорт? и т.д., где результативное значение возникает у глаголов, выражающих неконтролируемые события.

Введенное противопоставление экзистенциального и акционального значений позволяет более ясно сформулировать лексические ограничения сочетаемости, касающиеся результативных употреблений НСВ: экзистенциальное значение никакого условия на контролируемость события не накладывает. Это условие касается только акционального значения.

Аномалия в примере (22) объясняется не только нарушением условия 2 (события неконтролируемые), но и условия 1 (глаголы моментальные): акциональное значение невозможно в (22) уже потому, что глаголы *уронить*, *потерять*, *разбить* моментальные, так что их НСВ не имеет актуально-плиательного значения: поскольку акциональное значение переключает внимание на процесс, для его реализации требуется, чтобы в семантике глагола была процессная фаза (см. выше условие 1).

Подчеркнем, что запрет на моментальные глаголы и глаголы без активного субъекта касается НСВ акционального, но не общефактического: в контексте общефактического значения, для которого лексической предпосылкой служит краинность, а не акциональность, глаголы, обозначающие неконтролируемые события, вполне допустимы.

Интересен пример (24), где моментальный глагол беспрепятственно употребляется, казалось бы, в таком же контексте, как в (22):

(24) *Кто находил мой кошелек?*

На самом деле, однако, вопросы (22) и (24) относятся к разным типам: (24) – это вопрос без презумпции существования (ср. [17]); (24) = "Кто-нибудь (когда-нибудь) нашел кошелек, который я ищу?". Т.е. вопрос (24) не означает а) что кошелек найден и б) не означает, что результат сохранился (т.е. что найденный кошелек находится перед глазами). Иными словами, НСВ в (24) имеет экзистенциальное значение: "Нашел ли кто-нибудь мой кошелек?" В ситуации, когда я вижу свой найденный кем-то кошелек, я не могу спросить *Кто находил этот кошелек?* Таким образом, в примере (24) значение НСВ не акциональное, так что глагол может быть моментальным.

Имеются контексты, где различие между экзистенциальным и акциональным НСВ оказывается нечетким; ср.: *Я решал такие задачи в детстве, син приходил к нам на прошлой неделе*. Отсутствие ударения на глаголе характеризует эти употребления как акциональные, а моментальный глагол исключает это истолкование. Вообще безударность глагола или вопросительное слово еще не гарантируют акционального значения; так, во фразах *Где это я вас встречал?*, с ударением на где, значение НСВ общефактическое: акциональное значение здесь невозможно, поскольку глагол не акциональный. Аналогичным образом, ударность глагола не предопределяет однозначно экзистенциального понимания; акциональное значение возможно и у глагола, несущего фразоног-ударение, когда естественнее было бы ожидать экзистенциального. *Где мой билет?* Я же определенно его брал.

Подводя итоги, можно сказать, что различие экзистенциального и акционального значений НСВ позволяет дать каждому из этих значений гораздо более содержательную семантическую характеристику. В то же время выясняется, что большое число факторов, определяющих интерпретацию формы НСВ, носит внелингвистический характер и может быть фиксировано только на pragматическом уровне анализа высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Падичева Е.В. К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактивеское и акциональное значение // ВЯ 1991 № 6
- 2 Рассудова О.П. Употребление видовых глаголов в русском языке. М., 1968
- 3 Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982
- 4 Iżterwicka A. On the semantics of verbal aspect in Polish // To honor Roman Jakobson. The Hague. Paris, 1967
- 5 Якобсон Р.О. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1984
- 6 Гловинская М.Я. Дифференции видово-временные значения // Проблемы структурной лингвистики 1985--1987. М., 1989. С. 89
- 7 Chapor P.R. Temporal and semantic factors affecting aspect choice in questions / Slavic aspects. Ed. by Uhelton N. Amsterdam, 1990

8. Leinonen M. Russian aspect, "temporal'naja lokalizacija" and definite/indefinite // Neuvostohito-instituutin vuosikirja, 1982. № 27.
9. Forsyth J. A grammar of aspect. Cambridge, 1970.
10. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971. С. 84.
11. Надучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
12. Boguslawski A. On describing accomplished facts with imperfective verbs // The slavic verb. Copenhagen, 1981.
13. Гловинская М.Я. О соотношении частных видовых значений с главными значениями видов // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983.
14. Melig H.R. Eine Variante der sog. allgemein-faktischen Verwendung der ipf. Aspekte im Russischen und ihre Entsprechung im Deutschen // Linguistische Arbeitsberichte. V. 70. Leipzig, 1989.
15. Бутыгина Т.В. Классы предикатов и темпоральная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983.
16. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Г. Надучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1

1993

© 1993 г. АКИМОВА Т.И.

ЗНАЧЕНИЕ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Анализ аспектуальных форм в русском языке традиционно проводился на материале повествовательных неотрицательных предложений. Для контекстов этого типа сформулированы основные правила их функционирования, семантические инварианты и варианты. Значительно меньше внимания уделяли аспектологи контекстам других типов. В последние годы, однако, появляются работы, посвященные изучению семантики видовых форм в императивных [1—4] и вопросительных предложениях [5]. Достаточно активно изучается воздействие отрицания на аспектуальную семантику [6—8], описываются случаи нейтрализации противопоставления основных значений совершенного и несовершенного видов [9—11], а также особенности модальных значений отрицательных предложений с видовыми формами в русском языке [12, 13]. Большинство авторов едины в признании того факта, что отрицание видоизменяет аспектуальные значения, хотя объем этого изменения в различных работах оценивается по-разному.

Данная работа основана на анализе конкретно-фактического (к-ф) значения совершенного вида (СВ), которое обычно признается основным для этой формы (*Я его встретил*). Как вторичные, или производные от него, рассматриваются наглядно-примерное (*Иногда встретишь его и не знаешь, как с ним говорить*), потенциальное (*Таких людей на каждом шагу не встретишь*) и суммарное (*Я его там дважды встретил*) (термины и примеры заимствуются нами из [14]).

Существенным для дальнейшего изложения является понятие семантического инварианта к-ф значения СВ. Инвариантное значение традиционно устанавливается по отношению к форме во всех ее употреблениях. В качестве инварианта предлагалось рассматривать целостность действия, ограниченность действия пределом, точечность, результативность, завершенность действия. А.В. Бондарко, объединяя признаки "целостность" и "ограниченность пределом" как дополнения друг друга, предлагает считать категориальным значением СВ "ограниченное пределом целостное действие" [14, с. 9]. В работе М.Я. Гловинской, насколько нам известно, впервые поиск инварианта ведется не для всех употреблений формы СВ, а лишь для к-ф (в ее терминологии, точечного) значения и формулируется этот инвариант как смысл "начать" = "в какой-то момент времени не существовать, в один из последующих моментов существовать". *Белье высокло* = "белье начало быть сухим" [7, с. 107].

Мы также будем исходить из того, что к-ф значение СВ имеет смысловой инвариант, представленный вариантами, которые определяются контекстом, и прежде всего семантическим типом предиката. В задачи статьи входит определение семантического инварианта к-ф значения СВ в неограничительных и отрицательных предложениях, а также сопоставление вариантов этих значений в данных типах контекста.

Работа базируется на семантическом подходе к представлению структуры значений языковых элементов, принципы которого изложены в [15—17]. Одним из основных принципов этого подхода является разложение сложного языкового значения на составляющие его смысловые компоненты, которых в уче-

ствляется с помощью языка толкований, состоящего из упорядоченного набора максимально простых семантических элементов. Семантический подход был весьма плодотворно применен к исследованию значений видовых форм в русском языке [7, 19–20]. Однако вряд ли можно считать, что язык толкований аспектуальных значений полностью выработан, а видовые формы описаны исчерпывающим образом. Одной из задач данной статьи является применение семантического подхода к анализу значений отрицательных предложений с формами СВ с целью уточнения ряда конкретных интерпретаций, а также некоторых общих принципов, лежащих в их основе.

2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ К-Ф ЗНАЧЕНИЯ СВ В НЕОТРИЦАТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Мы будем исходить из того, что семантическим инвариантом к-ф значения СВ в неотрицательном предложении является смысл "изменение". Термин "изменение", как и близкий ему "смена ситуаций", уже применялся к описанию семантики СВ, но в значении, не тождественном тому, которое принимается в настоящей работе [21, 22]. Мы опираемся на трактовку "изменения", представленную в работе [23]. Описывая нормы и действия, Х. фон Вригт выделяет три типа действий, или фактов: 1) состояния (*Население Англии больше, чем население Франции*), 2) процессы (*Идет дождь*), 3) события (*Брут убил Цезаря*). Все три типа действий связаны между собой, но наиболее важно для нас событие, которое понимается как переход от положения дел, которое имеет место в более раннее время, к положению дел, которое имеет место в более позднее время. Первое положение дел будем называть исходным состоянием, второе — конечным состоянием. Событие, которое мы называем открыванием окна, состоит в изменении, или переходе от положения дел, при котором окно закрыто, к положению дел, при котором оно открыто. Событие может быть не только переходом от одного состояния к другому, но и переходом от состояния к процессу, который начинается, или от процесса, который завершается, к состоянию. Событие — это также переход от одного процесса к другому, а также от процесса или состояния с одними параметрами к процессу или состоянию с другими параметрами, например, от быстрого к медленному, от громкого к тихому [23, с. 27–29].

Итак, событие, обозначенное в предложении типа *Брут убил Цезаря*, описывает некоторое изменение в мире и включает следующие семантические компоненты: 1) исходное состояние (C^i) — "Цезарь жив", 2) переход из исходного состояния в конечное (Пер.) — "Брут совершает убийство", 3) конечное состояние (C^e) — "Цезарь мертв". Каждый из этих компонентов имеет место в отдельный момент или период времени: C^i — в период T^1 , Пер. — в момент или период T^2 , C^e — в период T^3 .

Очевидно, что предложения с формой СВ в русском языке описывают события, поэтому правомерно применение понятия изменения к трактовке семантики этой формы. Значение предложения *Ребенок выздоровел* может быть представлено как переход (выздоровление) от исходного состояния "ребенок болен" к конечному состоянию "ребенок здоров". Предложение *Коля построил дом* описывает переход (процесс строительства) от состояния "дом не построен" к конечному состоянию "дом построен".

Таким образом, исходным для дальнейшего изложения является представление инварианта к-ф значения СВ как смысла "изменение", включающего три семантических компонента.

3. ВАРИАНТЫ "ИЗМЕНЕНИЯ"

Изменение может носить различный характер: это может быть переход из одного положительного состояния в другое положительное состояние, как, например, в случае *выздороветь* ("перейти из больного состояния в здоровое") или *заболеть* ("перейти из здорового состояния в больное"), либо это переход из отрицательного состояния в положительное, как в случае *Коля построил дом* ("дом не построен" → "дом построен")¹. Это может быть также переход из одного отрицательного состояния в то же самое отрицательное состояние, как при употреблении глаголов *погулять*, *постоять*, *толкнуть*, *стукнуть*. Конкретные варианты изменения определяются контекстом, и прежде всего семантикой глагола. Наиболее существенны для нашего анализа два признака глагольного значения: А — характер конечного состояния (положительный/отрицательный), Б — характер перехода из исходного состояния в конечное (постепенный/мгновенный). Остановимся подробнее на характеристике признаков.

Признак А имеет два значения — положительное (A^1) и отрицательное (A^2), что в основном определяется предельным/непредельным характером глагола². Признак имеет значение A^1 , если глагол предельный, т.е. обозначает действие, оставляющее после своего завершения фиксированный результат. Среди этих глаголов выделяются: а) непереходные глаголы, обозначающие изменение состояния субъекта (переход из положительного исходного состояния к положительному конечному состоянию) типа *выздороветь* (C^k — "быть здоровым"), *заболеть* (C^k — "быть больным"), *замерзнуть* (о воде) (C^k — "быть льдом"); б) переходные глаголы (каузативы), обозначающие возникновение объекта либо возникновение нового состояния объекта (переход из положительного либо отрицательного исходного состояния в положительное конечное состояние), типа *написать* (статью) (C^k — "статья написана"), *покрасить дом* (C^k — "дом покрашен"); в) индоаттивные глаголы с префиксами *за-*, *по-*, обозначающие переход из отрицательного состояния к положительному состоянию или процессу, типа *запеть* (C^k — "петь"), *задуматься* (C^k — "думать о чем-либо"), *полететь* (C^k — "лететь").

Признак А имеет значение A^2 , если глагол обозначает переход к отрицательному конечному состоянию, т.е. отсутствию действия или состояния, названного глаголом. Это значение выражается глаголами, передающими действия, не оставляющие после своего завершения фиксированного результата: а) пердуративными и делимитативными глаголами с префиксами *по-*, *про-*, образованными от непредельных глаголов типа *погулять* (C^k — "не гулять"), *проговорить* (два часа) (C^k — "не говорить"); б) моментативами, или глаголами моментального действия (по классификации З. Вендлера) типа *случиться*,

¹ Понятие "положительное состояние" соответствует определенное положение дел в реальном мире (*Дом построен*, *Мальчик сидит*, *Девочка рисует*). Понятие "отрицательное состояние" заимствуется нами из логики [23, с. 27–30] и представляет собой конструкт теории, не имеющий в большинстве случаев однозначного референта в реальном мире (*Дом не построен*, *Мальчик не сидит*, *Девочка не рисует*). Отрицательная форма не всегда обозначает "отрицательное состояние": в случае градуируемых предикатов передается положительное состояние, ср.: *Ребенок не спит* = "ребенок *бодрствует*", *Мальчик не выздоровел* = "мальчик *болен*". Более подробно эти случаи описываются в разд. 5 статьи. Близко "отрицательному состоянию" понятие "отрицание отмеченного состояния", используемое для дифференциации типов глагольных значений в [24].

² Понятие предельности/непредельности применяется в данной работе к лексическому значению глагола; это означает, что предельными считаются оба глагола в парах *одеваться/одеться*, *ходить/войти*. В то же время глаголы типа *гулять*, *погулять*, *любить*, *полюбить* считаются непредельными. В традиции ленинградской аспектологической школы все глаголы СВ трактуются как предельные, среди глаголов НСВ выделяются предельные (входящие в состав видовых пар) типа *писать* (письмо), *читать* (книгу) и непредельные (чепарные) типа *любить*, *сидеть*, *гулять*. Проблемы видовой парности здесь не обсуждаются.

*произойти, поцеловать, навестить*³. К этому же классу относятся и семель-фактивы типа *коснуться* (*С^к* — "не касаться"), *толкнуть* (*С^к* — "не толкать").

Семантический признак Б — способ перехода из исходного состояния в конечное — также имеет два значения. Признак имеет значение Б¹: если переход осуществляется постепенно, т.е. конечному состоянию предшествует процесс. В зависимости от типа предиката этот процесс может иметь различную природу. Для предельных глаголов это процесс постепенного накопления нового качества, в результате которого наступает конечное состояние: *покрасить* (дом) (Пер. — "красить", *С^к* — "дом покрашен"), *сварить* (обед) (Пер. — "варить обед", *С^к* — "обед сварен"), *высохнуть* (Пер. — "сожнуть", *С^к* — "быть сухим"), *выздороветь* (Пер. — "выздоровливать", *С^к* — "быть здоровым"). Эти глаголы сочетаются с обстоятельствами времени типа *за два года, через полчаса* и образа действия типа *медленно, постепенно*, характеризующими процесс, содержащийся в семантической структуре формы СВ. Эксплицитно процесс обозначается формой НСВ в конкретно-процессном значении: *варит обед, красит дом, сохнет, выздоровливает*.

В случае непредельных глаголов, к которым относятся делимитативные и пердуративные глаголы типа *постоять, полежать, прожить* (два года), *проговорить* (два часа), глаголы финитивного и сативного способа действия с префиксами *от-, на-* типа *отшуметь, отговорить, наиграться, нагуляться*, конечное состояние (отсутствие определенного процесса или состояния) не является результатом развития процесса — оно замещает законченный или прерванный процесс. Процесс в данном случае предшествует переходу в конечное состояние и составляет важную часть ситуации изменения — это presupпозиция данного значения: *проговорил 5 минут* (пресуппозиция — "говорил"), *дети наигрались* (пресуппозиция — "дети играли").

Признак Б имеет значение Б², если переход происходит мгновенно, т.е. конечному состоянию не предшествует процесс постепенного накопления определенного качества. Это значение выражается глаголами, относящимися к классу моментативов. Возникновению состояния "находиться в поле зрения наблюдателя", обозначаемому глаголом *появиться*, не предшествует процесс "появления", процесс, занимающий время, не предшествует конечному состоянию "иметь рубль", выраженному глаголом *найти* (на дороге рубль). Глаголы этого типа нормально не сочетаются с обстоятельствами срока типа *за два часа* и образа действия типа *медленно*, ср.: **Он появился за два часа, Он медленно нашел рубль*. Форма НСВ этих глаголов не имеет конкретно-процессного значения⁴.

На основе комбинации значений выделенных признаков мы строим исчисляющую классификацию предикатов, включающую четыре основных типа. Эти типы и определяют главным образом различия между вариантами инвариантного значения "изменения".

I. А'Б' — конечное состояние положительное, переход из исходного состояния в конечное происходит постепенно. Значение "постепенного перехода в положительное конечное состояние" передается предельными глаголами, относящимися к классу исполнений. Мы приведем толкование формы СВ прошедшего времени этих глаголов при употреблении ее в предложении. Помимо компонентов ситуации изменения в семантическое представление формы необ-

³ Классификация типов предикатов З. Вендлера (состояния, исполнения, агентивы и моментативы) и классификация глаголов по признаку предельности/непредельности взаимно независимы и дополняют друг друга. Для анализа семантики СВ наиболее существенны исполнения и моментативы; состояния и агентивы рассматриваются под углом зернистости свойств, объединяющих их с исполнениями (делимитативы и пердуративы).

⁴ Глаголы, обозначающие скачкообразные действия и отличающиеся особенностями употребления и сочетаемости, были выделены Ю.С. Масловым [25]. Объем класса глаголов моментального действия и их свойства в русском языке устанавливаются в [19].

ходимо включать значение точки отсчета, которая в нашем случае ретроспективна, т.е. следует за действием. Рассматриваются случаи выражения перфектного значения и таким образом точка отсчета (время наблюдения) совпадает с одним из моментов существования конечного состояния (T^1) (о значении точки отсчета см. [18, 20]).

К 5 часам Маша написала письмо = "а) в T^1 письмо не написано, б) в T^2 Маша писала письмо, в) к концу периода T^2 письмо начало быть написанным, г) в T^3 письмо написано, д) точка отсчета совпадает с T^3 ". В семантическом представлении формы выделяются следующие компоненты: а) пресуппозиция 1 — значение исходного состояния, б) пресуппозиция 2 — значение процесса, предшествующего переходу в конечное состояние, в) ассерция — значение перехода в конечное состояние, г) импликация — значение конечного состояния, которое сохраняется во время наблюдения, д) модальная рамка, или рамка наблюдения [17, с. 329], — значение точки отсчета.

В приведенном примере исходное состояние было отрицательным ("письмо не написано"), оно может быть положительным, если глагол обозначает изменение состояния субъекта либо объекта, ср.: *Мальчик заснул* = "мальчик бодрствовал" → "мальчик спит". Однако характер исходного состояния не существует для определения вариантов изменения в отличие от случаев употребления форм СВ в контексте отрицания.

II. А'Б² — конечное состояние положительное, переход из исходного состояния в конечное происходит мгновенно. Значение "мгновенного перехода в положительное конечное состояние" передается: а) моментативами, обозначающими действия, оставляющие после своего завершения фиксированный результат, который может быть конечным состоянием субъекта либо объекта [*появиться* (C^k — "быть в поле зрения наблюдателя"), *прийти*, *испугаться X* (C^k — "X испуган"), *уронить* (очки)], б) начинательными глаголами, выражаяющими мгновенный переход от отсутствия действия или состояния к данному процессу или состоянию (*заплыть*, *полететь*, *задуматься*, *забыться*). В толковании предикатов этого типа при употреблении их в перфектном значении содержится четыре компонента, ср.: *Коля пришел домой в 6 часов* = "а) в T^1 Коля не было дома, б) в момент T^2 Коля начал находиться дома, в) в T^3 Коля находится дома, г) точка отсчета совпадает с T^3 ". В данном случае часть (а) составляет пресуппозицию значения формы СВ, часть (б) ассерцию, часть (в) импликацию, часть (г) является модальной рамкой.

III. А'Б¹ — конечное состояние отрицательное, переход из исходного состояния в конечное осуществляется постепенно. Значение "постепенного перехода в отрицательное конечное состояние" передается глаголами различных способов действия, образованных от непредельных глаголов, делимитативами и пердуративами типа *погулять*, *поговорить*, *прождать*, глаголами финитивного и сативного способов действия типа *отмучиться*, *наговориться*, глаголами, обозначающими финальную fazу действия, типа *замолчать*, *стихнуть*. В семантической структуре глаголов этих типов содержится компонент процесса или состояния, предшествующего переходу в конечное состояние, ср.: *Мы проговорили весь вечер* = "а) в T^1 мы не говорили, б) в T^2 мы говорили, в) к концу периода T^2 мы перестали говорить, г) в T^3 мы не говорим, д) точка отсчета совпадает с T^3 ". Как видим, толкование включает две пресуппозиции — значение исходного отрицательного состояния (отсутствия действия) и значение процесса, по окончании которого наступает конечное состояние (отсутствие действия). Изменение в подобных случаях может быть понято как двойной переход: вначале от отсутствия действия к действию, названному глаголом, а затем от этого действия, занявшего определенное время, вновь к его отсутствию в более позднее время.

Возможно, что в семантической структуре глаголов, обозначающих финальную fazу действия, содержится только одна пресуппозиция — компонент

процесса или состояния, предшествующего отсутствию действия, значение отсутствия действия в более раннее время не включается в толкование, ср.: *К вечеру ветер стих* = "а) в T^1 дул ветер, б) в T^2 ветер перестал дуть, в) в T^3 ветер не дует, г) точка отсчета совпадает с T^3 ".

IV. A^2B^2 — конечное состояние отрицательное, переход из исходного состояния в конечное осуществляется мгновенно. Значение "мгновенного перехода в отрицательное конечное состояние" передается при употреблении моментативов, обозначающих действия, не оставляющие после своего завершения фиксированного результата, типа *заметить, выстрелить, случиться, произойти, коснуться, толкнуть, поздороваться, навестить, посетить*. Для глаголов этого типа, так же как и для глаголов делимитативного и пердуративного способов действия, изменение понимается как двойной переход — от отсутствия действия к действию "касания", "толкания", "здравания", "стреляния" и затем вновь — от этого действия к его отсутствию. Но в данном случае действие в реальности занимает настолько незначительное время, что непредставимо как процесс, однако соответствующее значение включается в толкование формы СВ, ср.: *Ветка коснулась окна* = "а) в период T^1 ветка не касалась окна, б) в момент T^2 ветка находится в контакте с окном, в) в момент T^2 ветка перестала касаться окна, г) в T^3 ветка не касается окна, д) точка отсчета совпадает с T^3 ". Часть (а) является пресуппозицией описываемого значения, часть (в) — ассерцией, часть (г) — импликацией. Статус части (б) (ассертивный/неассертивный) не вполне ясен и будет обсуждаться ниже при рассмотрении СВ в контексте отрицания.

Определив семантический инвариант к-ф значения СВ и его варианты для неотрицательного предложения, обратимся к анализу семантики СВ в контексте отрицания

4. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ К-Ф ЗНАЧЕНИЯ СВ В ОТРИЦАТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Сравним толкования форм СВ в неотрицательном и отрицательном предложении: *Ребенок заснул в 3 часа* = "а) в T^1 ребенок бодрствовал (C^1), б) в T^2 ребенок перешел из состояния бодрствования в состояние сна (Пер.), в) в T^1 ребенок спит (C^1), г) точка отсчета совпадает с T^3 " и *Ребенок не заснул в 3 часа* = "а) в T^1 ребенок бодрствовал (C^1), б) неверно, что в T^2 ребенок перешел из состояния бодрствования в состояние сна (не-Пер.), в) в T^3 ребенок бодрствует (C^1), г) точка отсчета совпадает с T^3 ". В соответствии с общим правилом взаимодействия отрицания с языковыми значениями отрицание (его значение мы представляем как "неверно, что") присоединяется к ассертивной части толкования. В нашем случае — это значение перехода из исходного состояния в конечное.

Таким образом, мы получаем значение "неверно, что имел место переход из C^1 в C^2 ", или просто "не-Пер.". Пресуппозиция (значение исходного состояния) остается неизменной при отрицании. Импликация (значение конечного состояния) претерпевает изменение под воздействием отрицания: переход из исходного состояния в конечное не имел места, что приводит к тому, что исходное состояние продолжается в более позднее время ($C^1 = C^2$). Возникает, таким образом, новая импликация — значение сохранения исходного состояния в более позднее время, когда оно наблюдается говорящим. Значение рамки наблюдения не меняется под действием отрицания: говорящий рассматривает отсутствие действия ретроспективно и наблюдает "неизменение" в мире, т.е. сохранение в более позднее время состояния, имевшего место в более раннее время.

Таким образом, семантическим инвариантом к-ф значения СВ при отрицании является смысл "неизменение", или сохранение исходного состояния.

5. ВАРИАНТЫ "НЕИЗМЕНЕНИЯ"

Так же, как "изменение", "неизменение" может носить различный характер. Это может быть сохранение положительного состояния, как, например, в случаях *Ребенок не выздоровел* = "продолжает быть больным", *Белье не высохло* = "белье продолжает быть влажным", либо это может быть сохранение отрицательного исходного состояния в случаях типа *Он меня не заметил, Ничего не случилось*. Варианты "неизменения" определяются прежде всего семантикой предиката. Наиболее важны для нас два признака глагольного значения: А — характер исходного состояния (положительный/отрицательный) (для выделения вариантов "изменения" существенным было значение конечного состояния) и Б — характер перехода из исходного состояния в конечное.

Рассмотрим более подробно признак А, так как признак Б обсуждался выше при выделении вариантов "изменения".

Положительное/отрицательное значение признака А определяется градуируемым/неградуируемым характером предиката¹.

Признак А имеет значение А¹, если значение глагола относится к шкале градуируемого понятия. Такое значение имеют глаголы, обозначающие изменение состояния субъекта или объекта: *выздороветь* (C^i — "быть больным", C^k — "быть здоровым"), *заболеть* (C^i — "быть здоровым", C^k — "быть больным"), *уснуть* (C^i — "бодрствовать", C^k — "спать"), *проснуться* (C^i — "спать", C^k — "бодрствовать"); *увеличить расстояние* (C^i — "расстояние имеет величину X", C^k — "расстояние имеет величину Y, большую, чем X"), *уменьшить расстояние* (C^i — "расстояние имеет величину В", C^k — "расстояние имеет величину Д, меньшую, чем В"). Предикаты этого типа обозначают в форме СВ переход из положительного исходного состояния в положительное конечное состояние.

Признак А имеет значение А² в том случае, если значение глагола абсолютно, т.е. не относится к шкале какого-либо градуируемого понятия. Такое значение имеют глаголы физической и интеллектуальной деятельности. Они могут быть, в свою очередь, разделены на две подгруппы в зависимости от положительного/отрицательного характера конечного состояния: 1) глаголы, обозначающие переход от отрицательного исходного состояния к положительному конечному состоянию. Такое значение имеют предельные глаголы (переходные и непереходные): *построить дом* (C^i — "дом не построен", C^k — "дом построен"), *подойти к окну* (C^i — "не быть около окна", C^k — "быть около окна"). Это значение выражается также индоативными глаголами и конструкциями: *заплакать* (C^i — "не плакать", C^k — "плакать"); 2) глаголы, обозначающие переход от отрицательного исходного состояния к отрицательному конечному состоянию. Это глаголы различных способов действия, образованных от испредельных глаголов делимитативного, передуративного, сативного и финитивного, а также моментативы, передающие действия, не оставляю-

¹ Это понятие обычно применяется к анализу лексических значений прилагательных и наречий типа *старый* — *молодой*, *горячий* — *холодный*, *живой* — *мертвый*, *влажный* — *сухой*. Отрицание одного из элементов такой антонимической пары в результате дает нам не противоречащее понятие (как в случае *черный* — *не черный*, *деревянный* — *не деревянный*), а противоположное понятие *старый* — *не старый* = *"молодой"*, *молодой* — *не молодой* = *"старый"*, *мертвый* — *не мертвый* = *"живой"*, *влажный* — *не влажный* = *"сухой"* [26, 27]. Мы сделали попытку применить понятие градуируемого значения к анализу глагольной семантики. Глаголы изменения состояния в форме СВ передают изменение одного положительного состояния на другое положительное состояние. Оба этих состояния относятся к шкале одного более высокого понятия. Человек может быть либо живым, либо мертвым, либо спящим, либо бодрящим (если шкала состоит только из двух элементов), человек может пребывать в нормальном настроении, в плохом или хорошем (шкала этого понятия многозначная). Отрицая переход в одно из таких состояний, мы утверждаем наличие противоположного состояния. *Человек не умер* = *"человек жив"*, *Ребенок не проснулся* = *"ребенок спит"*. Семантика глаголов изменения состояния анализируется в [28].

щие после своего завершения фиксированный результат, типа *коснуться, толкнуть, заметить, случиться*.

На основании комбинации значений признаков А и Б мы строим исчисление, позволяющее выделить четыре класса предикатов, которые в основном определяют варианты "неизменения".

I. А¹Б¹ — исходное состояние положительное, переход от исходного состояния к конечному происходит постепенно. Это значение имеют предельные глаголы изменения состояния, относящиеся к классу исполнений. В зависимости от типа контекста (содержащего/не содержащего элементы, указывающие на незавершенность процесса) при употреблении этих глаголов выражаются два варианта "неизменения": 1) "сохранение положительного исходного состояния", либо 2) "незавершенный процесс + сохранение положительного исходного состояния".

1) "Сохранение положительного исходного состояния" обозначается в том случае, если в контексте нет элементов, специально указывающих на то, что процесс имел место, но не привел к возникновению качественно нового состояния. Толкование утвердительного предложения включает элемент процесса, предшествующего переходу из исходного состояния в конечное, ср.: *К вечеру белье высохло* = "а) в Т¹ белье было влажное, б) в Т² белье постепенно переходило из влажного состояния в сухое, в) к концу Т² белье перешло в сухое состояние, г) в Т³ белье сухое, д) точка отсчета совпадает с Т³". Исходя из общего правила взаимодействия отрицания с языковыми значениями, можно было ожидать, что часть (б), как и другая пресуппозиция (часть а), останется неизменной при отрицании, однако значение процесса постепенного накопления нового качества не ведет себя как пресуппозиция и в то же время не отрицается как ассерция — этот компонент "выпадает" из толкования при отрицании, ср.: *К вечеру белье не высохло* = "а) в Т¹ белье было влажное, б) неверно, что в Т² белье перешло в сухое состояние, в) в Т³ белье влажное, г) точка отсчета совпадает с Т³". Предложения этого типа не указывают однозначно на то, имел ли место процесс постепенного перехода из исходного состояния в конечное, и скорее всего имеют значение полного сохранения исходного состояния — субъект даже частично не приобрел нового качества, ср.: *Вода не замерзла* = "вода была в жидком состоянии + вода продолжает быть в жидком состоянии", *Ребенок не выздоровел* = "ребенок был болен + ребенок продолжает быть больным"⁶.

2) "Незавершенный процесс + сохранение положительного исходного состояния" выражается в том случае, если в контексте тем или иным образом обозначен процесс, не приведший к возникновению нового состояния субъекта либо объекта. В предложении *Яркие огни метались около Антонио, но свет их не разогнал тьмы, его окружающей* (Баратынский) передается процесс, который мог привести к изменению ситуации (*Огни метались и разгоняли тьму*), но качественного изменения не происходит и таким образом исходное состояние сохраняется (*Тьма продолжает окружать Антонио*). Значение незавершенного процесса выражается, если в предложении употребляются обстоятельства типа *полностью, до конца*. В таких случаях происходит "смещение" сферы действия отрицания: синтаксически оно относится к сказемому предложения, но на семантическом уровне оно присоединяется к обстоятельству, образующему вершину исходного утвердительного предложения [29; 30, с. 40—61]. *Белье не высохло до конца* = "белье было влажное + белье постепенно

⁶ Формы СВ в контексте отрицания имеют не перфектное, а инклузивное значение. Они сочетаются с обстоятельствами типа *все еще, пока*, которые характеризуют продолжающееся состояние, ср.: "Он все еще (пока) не ушел" = "Он все еще здесь". Употребление этих обстоятельств невозможно в утвердительном предложении, в котором обозначается наступление нового состояния, ср.: *Он все еще (пока) ушел

переходило из влажного состояния в сухое + неверно, что белье до конца перешло в сухое состояние", Ребенок не выздоровел полностью = "ребенок был болен + ребенок постепенно переходил из больного состояния в здоровое + неверно, что ребенок полностью перешел в здоровое состояние".

II. А¹Б² — исходное состояние положительное, переход из исходного состояния в конечное осуществляется мгновенно. Этими признаками характеризуются глаголы изменения состояния, относящиеся к классу моментативов, типа *прийти* (С¹ = "отсутствовать", С² = "присутствовать"), *появиться*, *привести*, *упасть*, *уронить*, *обрадовать(ся)*, *испугаться(ся)*. Значение процесса постепенного накопления нового качества не входит в толкование глаголов этого типа в утвердительных предложениях, естественно, что его нет и при отрицании. Таким образом, выражается первый вариант "неизменения" — "сохранение положительного исходного состояния". Дети пришли домой в 5 часов = "а) в Т¹ дети отсутствовали дома, б) в Т² дети начали находиться дома, в) в Т³ дети находятся дома, г) точка отсчета совпадает с Т³". Те же компоненты сохраняются и в структуре отрицательного предложения, ср.: Дети не пришли домой в 5 часов = "а) в Т¹ дети отсутствовали дома, б) неверно, что в Т² дети начали находиться дома, в) в Т³ дети отсутствуют дома, г) точка отсчета совпадает с Т³".

III. А²Б¹ — исходное состояние отрицательное, переход из исходного состояния в конечное происходит постепенно. Этими признаками характеризуются глаголы физической и интеллектуальной деятельности, относящиеся к классу исполнений. Так же, как в случае глаголов изменения состояния, в значении отрицательных предложений с глаголами деятельности может сохраняться либо не сохраняться компонент процесса постепенного перехода в новое состояние, входящий в толкование соответствующего утвердительного предложения. В зависимости от типа предиката и всего контекста в целом выражаются два новых варианта "неизменения" (отличных от описанных выше): 3) "сохранение отрицательного исходного состояния" либо 4) "незавершенный процесс + сохранение отрицательного исходного состояния".

3) "Сохранение отрицательного исходного состояния" передается при употреблении каузативов, обозначающих создание объекта или полныйхват его действием как результат соответствующей деятельности агента (I тип видового противопоставления, по М. Я. Гловинской [7, с. 77—85]), типа *построить* (дом), *сварить* (обед), *написать* (письмо), *прочитать* (книгу). В контексте нет указаний на то, что процесс, направленный на создание нового состояния объекта, имел место. В толкование формы в неотрицательном предложении входит компонент процесса постепенного достижения результата, ср.: К 5 часам Коля написал письмо = "а) в Т¹ письмо не написано, б) в Т² Коля писал письмо, в) к концу периода Т² письмо начало быть написанным, г) в Т³ письмо написано, д) точка отсчета совпадает с Т³". При отрицании компонент процесса "выпадает" из толкования, ср.: К 5 часам Коля не написал письмо = "а) в Т¹ письмо не написано, б) неверно, что в Т² письмо начало быть написанным, в) в Т³ письмо не написано, г) точка отсчета совпадает с Т³".

В подобных случаях исходное состояние сохраняется в полностью неизменном виде, объект не приобретает нового качества, ср.: Коля не построил дом = "дом не был построен + дом не построен во время наблюдения". Этот вариант "неизменения" можно также назвать "отсутствием действия".

4) "Незавершенный процесс + сохранение отрицательного исходного состояния" передается при употреблении целенаправленных каузативов, относящихся к III типу видового противопоставления по классификации М. Я. Гловинской [7, с. 89—91], типа *решить* (задачу), *доказать* (теорему), *заставить*, *склонить*, *убедить*, *разузнать*. Во всех типах контекста при отрицании в значении этих глаголов сохраняется компонент процесса, направленного на достижение результата, ср.: К трем часам Вера решила задачу = "а) в Т¹ задача

была не решена, б) в T^2 Вера решала задачу, в) к концу периода T^3 задача начала быть решенной, г) в T^3 задача решена, д) точка отсчета совпадает с T^3 " и *К трем часам Вера не решала задачу* = "а) в T^1 задача не решена, б) в T^2 Вера решала задачу, в) неверно, что в T^2 задача начала быть решенной, г) в T^3 задача не решена, д) точка отсчета совпадает с T^3 ". Компонент процесса в данном случае ведет себя как пресуппозиция — остается неизменным при отрицании. Ср. также *Он не доказал теорему* = "он доказывал теорему + неверно, что теорема доказана", *Он не убедил меня в своей правоте* = "я имел мнение А + он воздействовал на меня с целью изменить мое мнение + неверно, что он изменил мое мнение"⁷.

Значение незавершенного процесса может быть выражено и при употреблении каузативов типа *построить* (лом), *написать* (письмо) в контексте, содержащем обстоятельства типа *полностью*, *до конца*. В этих случаях, как и в описанных выше употреблениях глаголов типа *высохнуть*, *выздороветь* с обстоятельствами, происходит "смещение" отрицания, которое на семантическом уровне присоединяется к обстоятельству, образующему вершину исходного предложения, ср.: *Коля не полностью построил дом* = "дом не построен + Коля строил дом + неверно, что Коля полностью построил дом". Объект в данном случае частично приобретает новое качество, но степень его проявления недостаточна, чтобы можно было говорить о возникновении нового состояния. Специальным средством выражения этого значения можно, по-видимому, считать глаголы с префиксом *до-* типа *достроить*, *дочитать*. Отрицание "вклинивается" в значение этих глаголов, воздействуя лишь на компонент значения, обозначающий полныйхват действием объекта⁸, ср.: *Коля не достроил дом* = "Коля строил дом + неверно, что Коля построил дом полностью", *Он не дочитал книгу*. В подобных случаях, как и в случае глаголов типа *решить*, отрицается лишь переход в новое состояние, компонент процесса, ведущего к этому переходу, остается неизменным и составляет пресуппозицию значения соответствующей утвердительной формы.

IV. A^1B^2 исходное состояние отрицательное, переход из исходного состояния в конечное осуществляется мгновенно. Этими признаками характеризуются глаголы физической и интеллектуальной деятельности, относящиеся к классу моментативов, а также интоактивные глаголы типа *запеть*, *заплакать* и глаголы делимитативного и пердуративного способов действия (образованные от стативов и агентивов) типа *постоять*, *полежать*, *проговорить*. При употреблении глаголов этих типов в неотрицательном предложении обозначается двойной переход — от отсутствия действия к его наличию (кратковременному в случае моментативов или более длительному в случае делимитативов и пердуративов), а затем от этого действия к его отсутствию. *Ветка коснулась окна* = "а) в T^1 ветка не касалась окна, б) в T^2 ветка находилась в контакте с окном, в) в T^3 ветка перестала касаться окна, г) начиная с T^3 ветка не касается окна, д) точка отсчета совпадает с T^3 ". Рассматривая этот пример в разд. 3 данной статьи, мы определили структуру значения формы СВ следующим образом: часть (а) — пресуппозиция, часть (в) — ассерция, часть (г) — импликация. Статус части (б) был не вполне ясен. Введение отрицания позволяет уточнить семантическое представление данной формы, ср.: *Ветка не коснулась окна* = "а) в T^1 ветка не касалась окна, б) неверно, что в T^2 ветка находилась в контакте с окном, в) в T^3 ветка не касается окна, г) точка отсчета совпадает с T^3 ". Отрицание присоединяется к части (б), что означает, что именно

⁷ Близко к этому значению "отрицание завершения" (negation of closure), описанное в [9, с. 132–133]. Можно также провести параллель между значением СВ при отрицании и семантикой перфектных форм в английских отрицательных предложениях, обсуждаемых в [31].

⁸ Случай несовпадения синтаксической и семантической сфер действия отрицания описываются в [10, с. 19–22].

компонент, указывающий на существование действия в течение некоторого времени, является ассертивной частью толкования формы в неотрицательном предложении. Компонент, обозначающий второй переход — от действия к его отсутствию, не сохраняется в толковании формы при отрицании. Часть (а) остается неизменной и является, таким образом, пресуппозицией. Не меняется, в отличие от всех описанных выше случаев, и импликация — действие не имеет места и таким образом, его отсутствие сохраняется в более позднее время, когда оно наблюдается говорящим. В этих случаях [как и при употреблении каузативов типа *построить* (дом) вне специального текста] выражается вариант 3 "неизменения" — "сохранение отрицательного исходного состояния", или "отсутствие действия". Ср.: *Он меня не заметил; Ничего не случилось; Мы сегодня не погуляли; Ребенок не поспал.*

6. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данная работа основана на предположении о том, что семантическим инвариантом к-ф значения СВ является смысл "изменение", или переход из исходного состояния в конечное: *Ребенок выздоровел* = "ребенок был болен → ребенок здоров". При отрицании этот смысл меняется на "неизменение", или сохранение исходного состояния: *Ребенок не выздоровел* = "ребенок был болен + ребенок продолжает быть больным". "Изменение" может носить различный характер, определяемый прежде всего типом предиката. Это может быть постепенный либо мгновенный переход к положительному конечному состоянию: *Белье высохло; Коля построил дом, Дети пришли в 6 часов; Маша потеряла ключи*, либо к отрицательному конечному состоянию (двойной переход): *Мы проговорили целый вечер; Он меня толкнул.*

"Неизменение" также представлено несколькими вариантами в зависимости от типа предиката и характера контекста. В мире может вовсе не произойти изменения и исходное состояние субъекта либо объекта сохраняется полностью. Оно может быть положительным при употреблении предикатов со значением изменения состояния (градуируемых) типа *умереть, родиться, выздороветь, заснуть, обрадовать(ся)*, ср.: *Мальчик не заснул* = "мальчик продолжает бодрствовать", либо отрицательным при употреблении глаголов физической и интеллектуальной деятельности, ср.: *Коля не построил дом* = "дом продолжает быть непостроенным". В случае, если процесс, направленный на переход из исходного состояния в конечное, имеет место, происходит частичное изменение — субъект или объект приобретает новые качества, но их оказывается недостаточно для того, чтобы произошел переход в новое состояние. Предложение *Мальчик не решил задачу* описывает ситуацию, при которой мальчик решал задачу и, возможно, был близок к тому, чтобы получить ответ. Но правильный ответ не был получен и тем самым задача осталась не решенной.

В связи с проблемой отрицания в статье обсуждался вопрос о неясности статуса некоторых компонентов семантической структуры формы СВ. Имеются в виду два случая. Во-первых, это компонент процесса, направленного на переход из исходного состояния в конечное. Он содержится в толковании формы СВ глаголов-исполнений в неотрицательном предложении типа *Девочка прочитала книгу* (ср. возможность сочетаемости с обстоятельствами длительности и срока типа *постепенно, за две недели*), но не сохраняется в семантическом представлении при отрицании: *Девочка не прочитала книгу* (ср. невозможность сочетаемости с подобными обстоятельствами). Это свидетельствует о том, что этот компонент значения не является пресуппозицией в традиционном понимании этого термина, а представляет собой какой-то иной тип неассертивного значения.

Во-вторых, это компонент со значением (второго) перехода от действия к его отсутствию в значении предложений с моментативами, делимитативами

и перлуративами типа *Ветка коснулась окна*, *Ребенок поспал*. Он содержится в толковании формы СВ в неотрицательном предложении, и ему был приписан статус ассертивного компонента. Однако введение отрицания показало, что ассертивной частью значения является собственно значение действия, а компонент перехода от действия к его отсутствию "выпадает" из толкования, что представляется естественным, так как действие вообще не имело места,ср.: *Ветка не коснулась окна*; *Ребенок не поспал*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kučera H. Aspect in negative imperatives // The scope of Slavic aspect. Slavic studies. V. 12. Columbus; Ohio, 1985.
2. Boguslawski A. The problem of the negated imperative in perfective verbs revisited // Rling. 1985. V. 9. № 2/3.
3. Храковский В.С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // Rling. 1988. V. 12. № 3.
4. Paducheva E.V. Семантика и прагматика несовершенного вида императива в русском языке // Studia Slavica Finlandensia. 1989. T. VI.
5. Chaput F. On the question of aspect selection in denials // The scope of Slavic aspect. Slavic Studies. V. 12, Columbus; Ohio, 1985.
6. Кумар Й. Основная виловая оппозиция и роль отрицания // Rling. 1977. № 3/4.
7. Гловинская М.Я. Семантические типы противопоставлений видов русского глагола. М., 1982.
8. Калабухова Т.А. Наглядно-примерное значение совершенного вида при отрицании // Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980.
9. Merrill P. Aspect as evaluation: The case of negation // The scope of Slavic aspect. Slavic studies. V. 12. Columbus; Ohio, 1985.
10. Rappoport G. Aspect and modality in contexts of negation // The scope of Slavic aspect. Slavic Studies. V. 12. Columbus; Ohio, 1985.
11. Калабухова Т.А. О конкуренции видов русского глагола при отрицании // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций. Л., 1988.
12. Шелкин М.А. О функциях видовых форм русского глагола при отрицании действия // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. 1985. № 719: Функциональные аспекты грамматики русского языка.
13. Калабухова Т.А. Потенциальное значение высказываний с формами СВ при отрицании // Функциональный анализ грамматических аспектов высказываний. Л., 1985.
14. Бондарко А.В. О значениях видов русского глагола // ВЯ. 1990. № 4.
15. Wierzbicka A. On the semantics of verbal aspect in Polish // To honour Roman Jacobson. Essays on occasion of his 70-th birthday. The Hague; Paris, 1967.
16. Априксян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл ↔ Текст" // Wiener slawistischer Almanach. 1980. Bd I.
17. Априксян Ю.Д. О структуре значений языковых единиц // Tekst i zdanie. 1983.
18. Падучева Е.В. Семантика вида и точка отчета (В поисках инварианта видового значения) // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
19. Априксян Ю.Д. Глаголы моментального действия в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988.
20. Падучева Е.В. К поискам инварианта в значении глагольных видов: вид и лексическое значение глагола // НТИ. Сер. 2: Информ. процессы и системы. 1989. № 12.
21. Барентсен А.А. Наблюдения над функционированием союза *пока* // Dutch contributions to the VIII International congress of Slavists. The Hague, 1978.
22. Гиро-Бебер М. Вид и семантика русского глагола // ВЯ. 1990. № 2.
23. Wright G.H. von Norm and action. L., 1963.
24. Сильницкий Г.Г. Структура глагольного значения и результатив // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
25. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Очерки по аспектологии. Л., 1984.
26. Jespersen O. Negation in English and other languages // Selected writings of Otto Jespersen. London; Tokyo, 1962. P. 80—96.
27. Wierzbicka A. Semantic primitives // Linguistische Forschungen. 1972. Bd 22. P. 203—218.
28. Акимова Т.Г. Семантический анализ глаголов изменения состояния (на материале русского языка) // Взаимосвязь лексики и грамматики. Калинин, 1989.
29. Падучева Е.В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Тр. СГПИИ им. М. Тореза. 1969. Вып. 12. С. 154.
30. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
31. Moravcsik J.M. Tense, aspect and negation // Theoretical linguistics. 1982. V. 9. № 1. P. 101—106.

© 1993 г. АСТАХОВА Л.И.

О СЛОЖНОСОЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В науке о языке часто допускаются и продолжают длительное существование термины, понятия которых не определены. К их числу можно отнести и термин "сложносочиненное предложение".

Критикуя принятую в грамматиках дефиницию сочинения как сочетания (посредством сочинительных союзов — соединительных, противительных, сопоставительных и разделительных) двух или нескольких предложений, объединенных ритмо-мелодически, равнопенных в грамматическом отношении и — при тесной смысловой связности друг с другом — все же самостоятельных, В.В. Виноградов писал: "Структура сложносочиненного предложения внутренне едина, и при анализе его как целого становится ясной и структурная обусловленность первого, начального предложения. Поэтому традиционные представления о независимости и самостоятельности предложений, объединенных в структуре сложносочиненного предложения, очень условны и произвольны. Не только содержание, но и структурные своеобразия каждого из предложений в составе сложного предложения взаимообусловлены и взаимосвязаны" [1, с. 291]. Единственно возможной трактовкой сочинения Г. Пауль считает такой подход, при котором не одно из предложений односторонне определяет другое, а оба предложения взаимно определяют друг друга [2, с. 176]. В свое время В.А. Богородицкий отмечал, что "во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него" [3, с. 229]. В последние годы специально проблемам исследования сложносочиненного предложения в русском языке посвящена докторская диссертация Н.Н. Холодова [4]. Но несмотря на довольно длительную традицию выделения сложносочиненного предложения и довольно активную его разработку, это понятие остается неясным.

Существующие дефиниции сложносочиненного предложения, как правило, не согласуются с "логическими правилами определения объекта", часто они прямо противоположны им. В качестве примера могут служить рассуждения о "специфике" сочинительных союзов, являющейся по сути основополагающей при противопоставлении подчинительным союзам. Ср.: "Специфика сочинительных союзов определяется прежде всего фиксированностью их позиций в составе сложного предложения", и рядом: "Сам по себе позиционный критерий не является, однако, достаточно надежным основанием для противопоставления сочинительных и подчинительных союзов. Некоторые подчинительные союзы в позиционном отношении могут вести себя так же, как сочинительные" [5, с. 615]. Но согласно логическим правилам определения понятия объекта, видовым отличием должны быть существенные признаки, принадлежащие только данному понятию.

В наиболее распространенной дефиниции сложносочиненного предложения говорится, что это "... такие сложные предложения, части которых соединяются сочинительными союзами и грамматически не зависят друг от друга, т.е. находятся в отношениях равноправия, равнозначности" [5, с. 615]. Первая часть дефиниции не выдержана в том плане, что определение не должно содержать круга, т.е. содержание определяющего не должно раскры-

ваться через определяемое понятие: вторая часть, гласящая о равноправии и равнозначности частей сложносочиненного предложения, вступает в противоречие с высказываемым, приведенным выше аргументами ниже. Ср.: "В отличие от предложений собственно сочинительных, сложносочиненные предложения, осложненные значением очередности или обусловленности, . . . при выключении в состав незлементарной сложной конструкции части таких предложений оказываются неравноценными" [5, с. 619], что противоречит требованию о том, что в определении понятия не должно быть признаков, исключающих друг друга.

Авторы академического издания грамматики немецкого языка характеризуют сложносочиненное предложение отрицательно, т.е. с помощью отсутствующих у него признаков. Ср.: "Сочинение определяется в сложных предложениях в немецком языке в значительной мере тем, что ни одно предложение не имеет синтаксической функции в другом предложении и не присоединяется непосредственно к другому предложению в качестве распространительного прилагательного" [6, с. 777].

Отсутствие существенных признаков, по которым могли бы быть противопоставлены два вида, в данном случае сложносочиненное и сложноподчиненное предложения, уже само по себе должно бы являться достаточным основанием для признания неправомерности выделения таких понятий. Иногда говорят, что понятие "сочинение" возникло не на языковой основе, а привнесено из логики Логики, со своей стороны, отрицают наличие таких понятий в своей науке.

Некоторые языковеды видя неопределенность понятия "паратаксис", призывают хотя бы только зафиксировать границы применения этого термина, указав те синтаксические конструкции, которые им обозначаются [7, с. 141]. Но ведь не определив природу паратаксиса, нельзя объективно выделить эти конструкции. Иначе это будет не что иное, как простое перечисление конструкций, традиционно относимых к сложносочиненным.

Поскольку, как было показано, ни один из указываемых в грамматиках признаков сложносочиненного предложения нельзя признать существенным, нам представляется целесообразным подойти к решению этого вопроса с точки зрения выполняемой ими коммуникативной установки. Такой подход позволит определить, насколько однородны конструкции, объединяемые под термином "сложносочиненные предложения", их существенный признак и, соответственно, формы их языкового выражения.

Почти во всех языках более или менее единодушно к сложносочиненным предложениям относятся в основном аналогичные структуры. Мнения исследователей расходятся лишь относительно предложений с так называемыми однородными предикатами. Здесь наблюдается три точки зрения: 1) предложения с однородными предикатами относятся к сложносочиненным на том основании, что "...формально в таких предложениях неоднократно выражаются значения времени и наклонения. Соответственно и в семантическом плане они могут быть интерпретированы как сообщения о нескольких ситуациях — одновременных или следующих друг за другом, — характеризующихся единством (общностью) субъекта" [5, с. 46?]; 2) предложения с однородными предикатами относятся к простым предложениям [7, с. 283; 8, с. 314 и др.]; 3) однородные сказуемые — это не несколько сказуемых, а единое слитное сказуемое [9, с. 48].

Переколя к анализу структур, относимых к сложносочиненным предложениям следует указать на то обстоятельство, что в современных грамматиках каждой личной форме глагола принято обычно считать признаком предложения. На этом основании выделяются главные и придаточные предложения в сложноподчиненном и грамматически самостоятельные предложения в сложносочиненном предложении. Однако, например, Г. Пауль в немецком языкоznании и А.А. Шахматов в русском языкоznании не считали каждую личную форму глагола признаком предложения. Аналогичного мнения придерживается и Н.Ю. Шведова, которая приходит к выводу, что целый ряд предложений, лишь по привычке сохраняю-

в сфере изучения синтаксиса сложного предложения, на деле же он относится к области распространения простого предложения. По ее мнению, из области сложного предложения должны быть выведены структуры, строящиеся по принципу открытого ряда, так как правила их организации те же, что и правила организации открытых рядов словоформ. В качестве примера предлагаются предложения типа: *Мелькали то синие, то красные, то черные пятна; То шел дождь, то валил снег, то сыпалась какая-то мокрая крупа*. Н.Ю. Шведова пишет, что в обоих случаях действуют общие правила организации, сводящиеся к однородности союзно соединяемых частей; в первом случае — к одновременности предложения типа [10, с. 330]. В свое время А.А. Шахматов называл такие предложения "однородными", подчеркивая, что они выражают мысли, находящиеся в одной плоскости.

Как отмечается в "Русской грамматике-80", термин "сложное предложение" неприменим к бессоюзным предложениям, между которыми имеется только содержательная или интонационная связь или связь, прелопределенная единством описания (повествования) [5, с. 635]. В то же время предложения с многоместным союзом и...и и его аналогом с отрицательным значением ни...ни, в которых соединяются структурно и семантически однотипные части, рассматриваются как сложные предложения [5, с. 618]. Анализ бессоюзных предложений показал, что это не самостоятельный вид предложений наряду со "сложносочиненными" и "сложноподчиненными", а лишь их разновидность. Бессоюзность является одной из форм выражения определенного содержания внутри той же коммуникативной установки. Поэтому отнесение одних предложений к сложным, а других — к простым представляется неправомерным. Это лишь еще одно свидетельство неопределенности терминов "сложное" предложение вообще и "сложносочиненное" предложение — в частности.

Мы глубоко убеждены в том, что проникнуть в сущность анализируемых структур возможно лишь путем установления внеязыкового содержания, выражаемого ими. Язык всегда функционирует фактически совместно с неязыковыми факторами в рамках комплексного процесса коммуникации. Как отмечает И.В. Поляков, методологическая ориентация структурной лингвистики языка как системы, обладающей внутренними соотношениями и зависимостями, может реализоваться только тогда, когда приняты определенные гипотезы о формах соотношения языка с внеязыковой действительностью. Именно поэтому чисто "имманентный" подход к языку просто невозможен [11, с. 85].

Язык как знаковая система является формой выражения логических категорий "восприятия", "представления", "понятия", "высказывания". Высказывания выражают виды бытия, которые и лежат в основе философских категорий. Аристотель, основатель учения о философских категориях, воспринимает их как отражение объективной реальности [12, с. 269]. Все основные законы диалектики по существу есть не что иное, как выражение соотношения таких исходных категорий, как "количество", "качество", "мера", "скакок", "развитие", "противоречие", "противоположность" и пр.

Для всех анализируемых структур общим является то обстоятельство, что в каждой из них присутствует более одного "сказуемого", сочетающегося либо с одним и тем же, либо с разными подлежащими. Как показал анализ коммуникативной установки этой группы структур, они выражают такие внеязыковые явления, в которых вид бытия объекта сообщения характеризуется как "процесс". В связи с разными толкованиями термина "процесс" остановимся на нем несколько подробнее.

Термин "процесс" функционирует в нескольких областях человеческой деятельности, где в него вкладываются разные понятия. Так, например, одни и те же предложения [типа нем. *Er ist (war) wach* — *Er wurde wach*] Х. Бринкман рассматривает как модель предложений, выражающих "процесс" [13, с. 562], а

В. Шмидт считает, что они выражают не процесс, а "состояние", правда, указывая при этом на отсутствие четких критерий разграничения "процесса" и "состояния" [14, с. 292]. Мнение о том, что "состояние" — это результат процесса, встречается у Н.Д. Арутюновой [15, с. 192]. Одни исследователи рассматривают "процесс" как синоним действия [15, с. 193], другие — противопоставляют "процесс" "действию" [16, с. 141].

В грамматиках принято выделять группы глаголов по их значению (*Bedeutungsgruppen des Verbs*). Среди этих групп представлены и глаголы "состояния" (*Zustandsverben*) и глаголы процесса (*Vorgangsverben*). Однако примечательно то, что состав этих групп у разных авторов, как правило, ничего общего не имеет. Так, К. Дуден относит к глаголам состояния *sein*, *bleiben*, *wohnen*, М.Г. Арсеньева выделяет их в отдельную группу глаголов с ослабленным семантическим содержанием, а к глаголам "состояния" относит *sich freuen*, *liegen*, *schlafen*, *stecken* и др. Не похожи и глаголы, относимые этими авторами к "процессу", сп.: *fallen*, *wachsen*, *erfrieren*, *verblühen*, *einschlafen* у К.Дудена [17, с. 81—82] и *arbeiten*, *lesen*, *schreiben*, *springen* у М.Г. Арсеньевой [18, с. 119—120].

Как показал наш анализ, выделение глаголов "состояния", "процесса" и др. на основе так называемой семантической классификации является непоследовательным, противоречивым и научно несостоятельным. Критерии разграничения глаголов "процесса" и "состояния" в языкоznании нет, их существенные признаки, а следовательно, и само понятие о них не определены, что свидетельствует о неправомерности выделения указанных терминов в языкоznании на морфологическом уровне.

Э. Бенвенист писал даже, что "... такие понятия, как процесс или объект, не воспроизводят объективных свойств действительности, но уже являются результатом языкового выражения действительности, а это выражение не может не быть своеобразным в каждом языке. Это не свойства, внутренне присущие природе, которые остаются лишь регистрировать, это категории, возникающие в некоторых языках и спроектированные на природу" [19, с. 168]. С Э.Бенвенистом нельзя согласиться лишь в том плане, что понятие "процесс" возникает в языке, а не в природе, а затем проецируется на природу. Понятие "процесс" существует в природе и имеет свою диалектическую дефиницию, раскрывающую его существенный признак, присущий только ему. Ср.: "Процесс — это динамическая последовательность различных явлений объективной реальности или различные состояния одного и того же явления" [23, с. 447]. Благодаря раскрытию понятия "процесс" мы проникаем и в понятие "состояние".

Одной из стоящих перед нами задач является определение параметров, по которым возможно противопоставление структур внутри группы сложносочиненных предложений. В результате анализа таким основным параметром противопоставления оказались одновременность и неодновременность их частей. В свою очередь каждая из этих групп делится на "односубъектные"¹ и разносубъектные". Ср.: а) одновременные и односубъектные: 1) нем. *Holt schwieg und rauchte* (D. Noll, Die Abenteuer...) "Хольт молчал и курил"; 2) *Pietro versuchte die Schläge zu zählen, aber er kam nicht zurecht* (G. Harkenthal, Galgenfrist) "Пиетро пытался считать удары, но не успевал"; 3) *Er weinte nicht, er schluchzte nicht, er saß mit offenem Mund und sah Maud an* (B. Kellermann, Der Tunnel) "Он не плакал, он не рыдал, он сидел с открытым ртом и смотрел на Мэд"; б) одновременные и разносубъектные: 1) *Tag und Nacht klirren die eisernen Türen des Schachtes, und der triefende Förderkorb spie Tag und Nacht ohne Pause vier eiserne Hunde voll Kohle aus fünfzig Zentner auf einmal* (B. Kellermann, Der

¹ Следует отметить, что понятие "односубъектность" с точки зрения коммуникативного подхода в корне отличается от аналогичного понятия в грамматике, исходящей из формы. Мы опираемся на естественное положение вещей, поэтому предложения, в которых один и тот же субъект назван разными словами, мы считаем односубъектными.

Tunnel) "День и ночь дребезжали железные двери шахты, и насквозь мокрая подъемная клеть выбрасывала беспрерывно день и ночь четыре железных тележки, полные угля, по пятьдесят центнеров за раз"; 2) *In der Küchenbaracke sangen die Köche, im Park schmetterten die Hörner, über mir hämmerten die Spechte* (H. Jobst, Der Vagabund) "В кухонном бараке пели повара, в парке оглушительно гремели трубы, надо мной стучали дятлы"; 3) *Es schrie in der Luft wie Tausend gemarterte kleine Kinder; die Erde zitterte* (B. Kellermann, Der Tunnel) "Казалось, в воздухе раздавались крики тысячи истязаемых маленьких детей; земля дрожала".

Не одновременные структуры подразделяются также на односубъектные и разносубъектные: а) односубъектные: 1) *Er geht zur Tür, legt das Ohr ans Holz und lauscht* (W. Meinek, Tödliche Stille) "Он идет к двери, прикладывает ухо к дереву и прислушивается"; 2) *Kurz entschlossen machte er ihr einen Antrag, und einige Wochen darauf heirateten sie* (B. Kellermann, Der Tunnel) "Не раздумывая, он сделал ей предложение, и через несколько недель они поженились"; 3) *Der Hund ließ mein Bein fahren, sprang mich an und packte mich bei der Schulter* (H. Jobst, Vagabund) "Собака отпустила мою ногу, прыгнула на меня и схватила меня за плечо"; б) разносубъектные: 1) *Holt hält die Zigarette zwischen den Lippen, und der Rauch stieg ihm in die Augen* (D. Noll, Die Abenteuer) "Хольт держал сигарету в губах, и дым попал ему в глаза"; 2) *Jetzt richtete sich Bendorf doch aus seiner bequemen Lage auf, und Joans Blick verriet Betroffenheit* (G. Hakenthal, Galgenfrist) "Тут Бенфорд оставил свое удобное положение, и взгляд Джона выразил смущение"; 3) *Die Tür zur Lampensiation wurde aufgetossen, im offenen Geviert stand der Obersieger* (H. Jobst, Glückssucher) "Дверь в ламповую резко открылась, в открытом квадрате стоял старший штейгер".

Коммуникативный анализ большого объема текстов показал, что предложения обеих групп встречаются обычно лишь в описательных типовых композиционно-речевых формах и почти никогда в объяснительных. Своеобразие этих предложений состоит в том, что объект высказывания характеризуется в них с двух или более сторон, создавая при этом единый объемный образ. Поэтому нельзя выделить несколько сказуемых (однородных или неоднородных), т.е. расчленить "единое слитное сказуемое" (термин А.А. Шахматова), не исказив при этом представления о настоящем положении вещей. Особенно ярко проявляется слитность сказуемого, невозможность рассматривать его как несколько сказуемых в том случае, когда так называемые однородные сказуемые соединяются противительным союзом или выражены "словесными парами", составляющие которых уточняют друг друга и создают новое представление [20, с. 220]. Ср.: 1) *Gewölk stand hoch am Himmel, wurde aber immer wieder durchbrochen von der kräftigen Sonne* (W. Bredel, Die Enkel) "Тучи стояли высоко в небе, но беспрерывно пробивались яркими лучами солнца"; 2) *Sie witterten etwas, aber sie wissen nichts Bestimmtes* (B. Apitz, Nackt unter Wölfen) "Они чувствуют что-то, но не знают ничего определенного"; 3) *Die frostige Kälte bohrte und sägte* (W. Bredel, Die Enkel) "Леденящий холод пронизывал насквозь" (букв.: "сверлил и пил").

Слитность сказуемого подтверждается также 1) единством его пространственной и временной характеристик при одновременности действий (состояний) и 2) обусловленностью наступления определенного действия, нормами объективной реальности² (неодновременность).

Итак, "процесс" как один из видов бытия предполагает наличие нескольких "событий", движений, происходящих либо одновременно, либо в динамической последовательности, что находит свое отражение в языке, а именно, в наличии нескольких личных форм глагола, представляющих собой семантическое и синтаксическое единство.

Все анализируемые предложения представляют собой функциональное един-

² Это убедительно подтверждает неправомерность понятий "процесс", "состояние" применительно к отдельно взятому глаголу.

ство по признаку обслуживания коммуникативной установки "процесса" как одного из видов бытия. По каком же признаку все "сложносочиненные" предложения противополагаются внутри неразрывного функционального единства? Еще Аристотель писал, что всякий процесс движется к некоторой цели. Поэтому можно предположить, что признаком, по которому анализируемые структуры могут быть противопоставлены, — это наличие/отсутствие цели.

Как показал анализ, все "сложносочиненные" предложения действительно четко делятся по этому признаку на три группы: 1) наличие цели; 2) отсутствие цели; 3) наличие цели в первой части предложения и отсутствие ее во второй части. Каждое из этих значений имеет свою форму выражения: 1) неодновременными односубъектными структурами; 2) одновременными структурами (односубъектными и разносубъектными); и 3) неодновременными разносубъектными структурами. Рассмотрим каждую из указанных групп.

Неодновременные односубъектные структуры. В неодновременных односубъектных предложениях четко выражена целенаправленность процесса. Здесь каждая составляющая процесса последовательно направлена на достижение поставленной цели. Все этапы процесса как бы подготавливают возможность наступления следующего, заключительного этапа, который и является целью. Ср., например: *Er geht zur Tür, legt das Ohr ans Holz und lauscht* (W. Meinek, *Tödliche Stille*) "Он идет к двери, прикладывает ухо к дереву и прислушивается". Так же четко прослеживается цель в структурах, где субъект практически один и тот же, но выражен другими словами. Ср.: *Kurz entschlossen machte er ihr einen Antrag, und einige Wochen darauf heiracchten sie* (B. Kellermann, *Der Tunnel*) "Не раздумывая, он сделал ей предложение, и они поженились".

Итак, данная группа предложений представляет собой в тройственном ряду системы языковых средств, обслуживающих коммуникативную установку "процесс", исходное положение "тезис", которое характеризуется подчиненностью всех предшествующих действий последнему действию, являющемуся целью субъекта.

Одновременные односубъектные и разносубъектные структуры. В одновременных, как односубъектных, так и разносубъектных, структурах цель полностью отсутствует. Особенность разносубъектных одновременных структур состоит в том, что каждая их часть представляет собой отдельный "этюд" общей картины, единого образа. Причем общий образ — это не простая сумма отдельных "этюдов", а что-то другое, обычно не названное в предложении. Это может быть явление природы, время года, акустический образ и т.д. Описание состоит из нескольких однотемных частей, объединенных общим временем и пространством. Так, например, для выражения единого акустического образа могут описываться несколько акустических впечатлений, каждое из которых существует и самостоятельно, но в данном случае является частью целого, нового образа. Ср.: *Die Meisen zirpen, und die Krähen krächzen schon frühlingstoll* (E. Strittmatter, Ole Bienkopp) "Синицы чирикают, и вороны каркают уже по-весеннему весело"; *Der Wolfsspitze heult, die Pferde schnarren und der Stier schnaubt* (E. Strittmatter, Ole Bienkopp) "Шпиль поет, кони топают, а бык сопит". Для создания образа весны обычно используется не один, а несколько признаков. Ср. также: *Der Garten steht in grünen Flammen, das Frühjahr rauscht im jungen Laub der Pappel wie eine Harfe und der erste Flieder blüht* (B. Apitz, *Nackt unter Wölfen*) "С полей несется голос стада. В кустах малиновки звенят. И с побелевших яблонь сада струится сладкий аромат" (Фет) [7, с. 617].

И.Ф. Анненский, анализируя строки стиха А.С. Пушкина "Швед, русский, колет, рубит, режет, Бой барабанный, крики, скрежет", приходит к выводу, что подлежащее здесь отсутствует. Предложение состоит, с его точки зрения, "...из одних лишь предикатов или, точнее, из одного расчленяемого предиката" [22, с. 463]. Таким образом, в разносубъектных одновременных структурах нет даже речи о цели.

Односубъектные структуры по сравнению с разносубъектными, где представлен не сам объект описания, а его составляющие, описывают ситуации, где субъект предложения совпадает с объектом. Однако и они не выражают цели. Цель — это "предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия" [21, с. 534]. А процесс, выражаемый этими структурами, замыкается на самом субъекте и не имеет выхода за его пределы. Более того, субъекты сами подвергаются влиянию извне. Ср.: *Gabriele versteht nicht, was in ihm vorgeht, aber sie empfindet, wie niedergeschlagen er ist; er tut ihr leid* (H. Sakowski, Daniel Druskat) "Габриела не понимает, что в нем происходит, но она чувствует, как он угнетен; он вызывает у нее сочувствие". Ср. также описание образа человека, потрясенного увиденным: *Er weinte nicht, er schluchzte nicht, er saß mit offenem Mund und sah Maud an* (B. Kellermann, Der Tunnel) "Он не плакал, он не рыдал, он сидел с открытым ртом и смотрел на Майд".

Таким образом, одновременные структуры, и одно-, и разносубъектные, не выражают цели. Именно по признаку отсутствия цели они представляют собой антитезис в отношении группы односубъектных неодновременных предложений. Кроме одновременности, для них характерны также единство пространства и отсутствие активного действия. Одновременные структуры выражают состояние, являющееся разновидностью процесса в рамках единой с ним коммуникативной установки. Процесс и состояние находятся в диалектическом противоречии.

Синтез наличия и отсутствия цели представляет собой неодновременные разносубъектные структуры.

Неодновременные разносубъектные структуры. По сравнению с группой одновременных структур, где нет даже намека на цель, где каждая часть предложения независима друг от друга, как бы существует с другой его частью во времени и пространстве, части неодновременных разносубъектных структур оказываются взаимосвязанными. Ситуация, выражаемая во второй части предложения, возникает под влиянием ситуации, о которой сообщается в первой его части. Однако в отличие от односубъектных неодновременных структур, где все подчинено последнему действию, являющемуся целью, эта ситуация не предвосхищается в сознании как результат целенаправленной деятельности, а возникает непроизвольно, как одна из возможных форм продолжения движения соприкасающихся отрезков материального мира в соответствии с объективными законами развития природы и общества. Ср.: *In diesem Augenblick flammte das Licht der Fotographen auf, die ihr Feuer eröffneten, und Allan machte eine kurze Pause* (B. Kellermann, Der Tunnel) "В этот момент вспыхнул свет фотографов, открывших частый огонь, и Аллан сделал короткую паузу". Вторая часть предложения не является здесь результатом целенаправленной деятельности. Цель репортёров была сфотографировать Аллана и, что очень возможно, именно говорящим.

Как известно, человек не всегда в состоянии прелусмотреть последствия своей деятельности. Часто он даже не задумывается над этим, руководствуясь лишь близлежащей целью. Однако жизнь продолжается помимо цели и воли субъекта. Ср.: *Druskat wendete sich nach der Tochter um, und das Mädchen sah, wie ihm der Schweiß über die Stirn rann, wie ihm das Hemd am Körper klebte* (H. Sakowski, Daniel Druskat) "Друскат повернулся к дочери, и девочка увидела, как по его лицу катился пот, как рубашка прилипла к телу". Дело в том, что Друскат был очень рад дочери, но ему ни в коем случае не хотелось бы, чтобы его малолетняя, горячо любимая дочь увидела его в таком состоянии. Еще один пример: *Holt hielte die Zigarette zwischen den Lippen, und der Rauch stieg ihm in die Augen* (D. Noll, Die Abenteuer...) "Хольт держал сигарету в губах, и дым попал ему в глаза". (Дым поднимается вверх по определенным законам природы, не подвластным желанию и воле субъекта.) Как видим, и здесь имеет место единый процесс, но состоящий из двух противоположностей: целенаправленности одного и непроизвольности другого действия, где последнее не только не является целенаправ-

ленным, но и не подвластным воле субъекта. Именно эти структуры используются для выражения высказываний, отражающих ситуации объективного мира, в которых на передний план выступает неподвластность второго действия воле субъекта первого действия (хотя и связанного с ним).

В современных грамматиках принято рассматривать отношения между частями анализируемых структур как причинно-следственные, с чем трудно согласиться. Ярким примером неправильного толкования отношений между двумя действиями являются случаи перевода анализируемых структур на другой язык "сложноподчиненным предложением с придаточным следствия". Ср.: *Били его в комендатуре жестоко, и, видно, рассказал он про агитацию Романа Сидоренко, деповского товарища Артема* (Н. Островский, Как закалялась сталь). Н. Островский не случайно использует этот вид "сложносочиненного предложения": второе действие происходит здесь независимо от воли субъекта. А именно это обстоятельство и хочет выделить автор. В немецком переводе же используется сложноподчиненное предложение с придаточным следствия, в котором лишь раскрывается степень интенсивности признака действия. Ср.: *In der Kommandatur war er so erbarmungslos verprügelt worden, daß er offenbar etwas über die Agitationsarbeit Roman Sidorenkos, eines Kollegen von Artjom aus dem Depot, erzählt hatte* (N. Ostrowski, Wie der Stahl gehärtet wurde). Если снова перевести это предложение на русский язык, то оно будет выглядеть следующим образом: *В комендатуре его так зверски избили, что он, видно, рассказал про агитацию Романа Сидоренко, деповского товарища Артема.*

Представляется, что тройственный ряд [исходный тезис "наличие цели", антитезис "отсутствие цели" и синтез, совмещающий в себе "наличие цели" (в первой части) и "отсутствие цели" (во второй части)] свидетельствует о том, что группа структур, обслуживающих высказывания, выражающих "процесс" как одну из форм бытия, ограничена правильно. Подобно тому как каждая форма бытия представляет собой ограниченную, саморазвивающуюся систему с присущим только ей существенным признаком, так и языковые структуры, обслуживающие высказывания о них, являются собой ограниченную систему с присущим только им существенным признаком.

В настоящее время принято оценивать отношения между частями неодновременных разносубъектных предложений с союзом и как причинно-следственные, условно-следственные и т.д., с чем нельзя согласиться.

В отношении характеристики связи между частями сложносочиненного предложения существуют в основном два мнения: 1) простые предложения, входящие в состав сложносочиненного предложения, равноправны и никак не маркированы [14, с. 53] и 2) сложносочиненные предложения могут выражать условно-следственные, результивно-следственные, причинно-следственные отношения [23, с. 781; 7, с. 618]. Поводом для такого вывода служит, видимо, временная последовательность явлений, объединенных в одном высказывании. Действительно, важным признаком причинности является временное следование причины и следствия, однако оно не может рассматриваться как критерий причинности. Ср.: *На улице он снял шапку, расстянул шубу, и на лицо ему падал нежный щекотный снег* (А. Толстой); *Я задремала, и было так сладко, точно я полетела от земли* (А. Толстой). Вторая часть этих высказываний по необходимости связана с первой частью. Однако причинность не идентична необходимости. Не каждая необходимая связь является причинной. Среди типовых композиционно-речевых форм, по мнению многих авторов, принято выделять типы, группируемые в две разновидности: описательные и объяснительные. В первые включаются описание, повествование, во вторые — рассуждение и доказательство.

Как показал анализ, необходимость в объяснении причины того или иного действия даже в марконтексте сложносочиненных предложений полностью отсут-

ствует. Они используются только при описании. Их коммуникативной установкой является выражение формы бытия субъекта как процесса. Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Анализируемые предложения представляют собой единую, четко ограниченную систему языковых средств, обслуживающих высказывания о такой форме бытия, как процесс.

2. Природа процесса такова, что он предполагает наличие более одной характеристики, которые могут быть одновременными или последовательными. Поэтому вид предиката подается расчлененно — каждое действие мыслится не как самостоятельное, а как необходимый компонент единого процесса, тесно связанный с другими компонентами, занимающий определенное место в общей организованной, обусловленной последовательностью элементов цепи. Именно этим объясняется наличие в каждом из них более одной личной формы глагола, сочетающихся либо с одним, либо с разными "субъектами". Однако, как справедливо отмечал А.А. Шахматов, лишь взятые все вместе, они характеризуют объект высказывания и явления.

3. Одновременные разносубъектные структуры Н.Ю. Шведова по праву рассматривает как простые предложения. Считаем, что по своей сути к все другие структуры, относящиеся к сложносочиненным (одновременные односубъектные, неодновременные односубъектные и неодновременные разносубъектные) также должны рассматриваться как простые.

4. Как и каждый цельный объект, система, группа сложносочиненных предложений заключает в себе диалектические противоположности. В данном случае они проявляются в признаке наличие — отсутствие цели. По этому параметру "сложносочиненные" предложения четко делятся на три группы: 1) наличие цели (тезис), 2) отсутствие цели (антитезис) и 3) наличие цели в первой части предложения и отсутствие цели — во второй его части (синтез). Каждое из этих значений имеет свою форму выражения: тезис — выражается разновременными односубъектными структурами (в том числе и формально по-иному выраженными субъектами); антитезис — одновременными структурами (одно- и разносубъектными) и синтез — неодновременными разносубъектными структурами, что свидетельствует о наличии тройственного ритма, обусловленного всеобщим диалектическим законом отрицания отрицания.

5. Неодновременные разносубъектные "сложносочиненные предложения" с союзом и не выражают ни условно-следственных, ни результативно-следственных, ни причинно-следственных отношений. Они выражают сплошной непрерывный процесс, в котором первая часть представляет собой обычно действие как результат целенаправленной деятельности человека, в то время как второе действие, хотя и обусловлено первым, однако не является запланированным, а возникает стихийно в соответствии с объективными законами природы, общества независимо от цели и воли субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
2. Пауль Г. Принципы истории языка / Под ред. Холодовича А.А. М., 1960
3. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд., переработ. М., Л., 1935
4. Холодов Н.Н. Проблемы исследования сложносочиненных предложений в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук М., 1977
5. Русская грамматика / Под ред. Шведовой Н.Ю.: В 2-х т Т 2. М., 1980.
6. Grundzüge einer deutschen Grammatik / Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von Heidolph K.F., Flämig W. und Motsch W. B. 1981.
7. Московская О.И. Грамматика современного немецкого языка. Теоретический курс. М., 1971.
8. Шендерьев Е.И. Практическая грамматика немецкого языка. 2-е изд. М., 1982.
9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / Под ред. Истриной Е.С. 2-е изд. Л., 1941
10. Шведова Н.Ю. О структурной схеме сложного предложения // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 320—322.

11. Поляков И.В. Лингвистика и структурная семантика / Отв. ред. Целищев В.В. Новосибирск, 1987.
12. Philosophisches Wörterbuch / Hrsg. von Klaus G., Bühr M. Leipzig, 1965.
13. Brinkmann H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962.
14. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. B., 1967.
15. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
16. Семантические типы предикатов / Отв. ред. Селиверстова О.Н. М., 1982.
17. Дуден Грамматика современного немецкого языка. Л., 1962.
18. Арсеньева М.Г., Гасилевич Е.В., Замбрежицкая А.А. и др. Грамматика немецкого языка: Практический курс. М., 1963.
19. Бенгемист Э. Обшая лингвистика. М., 1974.
20. Философский словарь / Под ред. Фролова И.Т. М., 1986
21. Мартынов В.В. Категории языка: Семиологический аспект / Под ред. С.панова Ю.С. М., 1982.
22. Петерсон М.Н. очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923.
23. Метс Н.А., Митрофанова О.Д., Однаждова Т.Б. Структура научного текста и обучение монологической речи. М., 1981.

© 1993 г. КИТАЙГОРДСКАЯ М.В., РОЗАНОВА И.Н.

ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКГО В ЗЕРКАЛЕ УСТНОЙ РЕЧИ

"Мы многое из книжек узнаем,
А истины передают изустно:
-- Пророков нет в отечестве своем.
Да и в других отечествах не густо..."

В. Высоцкий ("Я из дела ушел...")

"Слова имеют огромную власть над нашей жизнью,
власть магическую, мы заколдованы словами и в зна-
чительной степени живем в их царстве".

Н. Бердяев ("Судьба России")

Специфика современной городской коммуникации и определенная социально-политическая ситуация 60—80-х годов обусловили появление и распространение нового типа художественного творчества, ориентированного на реализацию преимущественно в устной форме. Художественные произведения данного типа вошли в культурный обиход и продолжают существование в виде магнитофонных записей. Таковы монологи писателя-сатирика Мих. Жванецкого, песни Булата Окуджавы и Александра Галича.

Особое место в ряду представителей "магнитофонной культуры" занимает Владимир Высоцкий. В последнее время появилось немало статей и даже фильмов, пытающихся объяснить феномен Высоцкого. При этом высказывается надежда, что широкая публикация произведений В. Высоцкого позволит дать всестороннюю и объективную оценку его творчества. Однако, по нашему мнению, традиционные методы анализа поэтического текста, ориентированные прежде всего на письменную форму, в данном случае могут оказаться недостаточно эффективными.

Творчество В. Высоцкого впитало в себя все многообразие современной устной речи — прежде всего некодифицированной разговорной и городского просторечия¹. По словам В. Высоцкого, в работе над первыми песнями, которые называли "бллатными", "дворовыми" и в которых сам поэт видел продолжение традиций городского романса, для него важным был поиск формы. Первые песни были написаны с использованием разговорно-просторечных элементов. И в дальнейшем, по его словам, от первых песен он оставил именно форму.

В предлагаемой работе будут рассмотрены поэтические произведения В. Высоцкого сквозь гризму особенностей современной устной коммуникации. В связи с этим на первый план выдвигается задача соотнесения черт "устности" в стихах и песнях Высоцкого с реальной устной речью. На наш взгляд, изучение тех речевых красок, которые поэт отбирает для характеристики своих персонажей, определение художественно-эстетической функции данных речевых средств позволит глуб-

¹ Устная городская речь неоднородна. Она включает в себя несколько разновидностей: устная речь в пределах литературного языка (кодифицированный литературный язык и разговорная речь), городское просторечие коренных жителей, речь некоренного населения с реликтами родных диалектов. Мы опираемся на понимание разговорной речи и городского просторечия, которое нашло отражение в серии коллективных монографий: [1—6].

же понять специфику его творческой индивидуальности и полнее осознать причину столь сильного эмоционального воздействия его песен на слушателей.

Многоголосие текстов В. Высоцкого, цели и средства выражения социально-речевой полифонии — следующая задача данной работы.

Вопросы социально-речевой полифонии тесно смыкаются с проблемой отражения национального самосознания в творчестве поэта. В данной работе будет рассмотрен один из аспектов этой проблематики — "воспроизведение" В. Высоцким стереотипов массового сознания, а также приемы их художественного воплощения.

ОСОБЕННОСТИ УСТНОЙ РЕЧИ, ПОЛУЧИВШИЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕСНЯХ В. ВЫСОЦКОГО

Персонажи многих песен В. Высоцкого — представители разных социальных и профессиональных групп. Ср.: Я ж потомственный кузнец ("Инструкция перед поездкой за рубеж"); На нашей пятой швейной фабрике... ("Диалог у телевизора"); Ну а так как я бичую... ("Про речку Вачу и попутчицу Валю"); Ну чем же мы, солдаты, виноваты... ("Солдатская"); На дистанции — четверка первачей ("На дистанции — четверка первачей") и т.д. Обращенность своих песен к широким массам понимал сам поэт. Об этом свидетельствуют строки его стихотворения "Я к вам пишу":

Спасибо вам, мои корреспонденты,
Все те, кому ответить я не смог, —
Рабочие, узбеки и студенты —
Все, кто писал мне письма — дай вам бог!

Сержанты, моряки, интеллигенты —
Простите, что не каждому в ответ.
Я вам пишу, мои корреспонденты,
Ночами песни вот уж десять лет.

Песни Высоцкого, написанные от лица персонажа, всегда социально или профессионально "паспортизованы"². Если в тексте нет прямого указания на социальный статус героя, мы его легко определяем по разного рода речевым метам, рассыпанным в тексте. Персонажи многих его песен — рабочие, служащие, для именования которых обычно использовалось публицистическое клише "простой советский человек". Часто это люди, не владеющие в полном объеме нормами литературного языка, носители просторечия. Для создания их речевых портретов В. Высоцкий использует языковые средства разных уровней. Лексика: Мы говорим не штормы, а шторма: ("Мы говорим не штормы, а шторма..."); На нашей пятой швейной фабрике / Такое вряд ли кто пошлет ("Диалог у телевизора"); Не сумлевайтесь, милые ("Товарищи ученые"). Морфология: Развязите полотенцы, / Иноверы, изуверы! ("Письмо в редакцию телевизионной передачи "Очевидное — невероятное" с Канатчиковой дачи"); Сержант поднимет — как человеков ("Милицейский протокол"); Товарищи из

² Наиболее ярко социальная маркированность героев проявляется в текстах песен так называемых "шутливых", "юмористических", написанных от лица разных персонажей. В этих песнях действуют и говорят представители почти всех слоев городского населения, являя богатую речевую палитру современного города.

Следует отметить, что до недавнего времени официальное представление о социальной структуре нашего общества отражало не объективное положение вещей, а определенные идеологические установки в соответствии с формулой "два класса и один слой" (ср. идеологизированные клише типа: *весь советский народ, все как один, народ и партия едины*). В социологических исследованиях последних лет ставится задача создания теории социальной структуры общества, которая характеризовала бы все социальные слои: "Описав всю совокупность социальных слоев, можно получить картину социальной стратификации советского общества, позволяющую, наконец, узнать, из кого оно состоит, какие "социальные портреты" входящих в его состав социальных групп" [7].

Госа-фильмо-фонда ("Агент 07"). Фонетика: Снились Дусины kleenki цвета беж / И нахальные штиёнки в Бангладеш ("Инструкция перед поездкой за рубеж"); Даёт доллár носильщику на лапу ("Агент 07"). Фразеология: Я ж по-ихнему ни слова, / Ни в дугу и ни в тую ("Инструкция перед поездкой за рубеж"). Синтаксис: Вместо, чтоб поесть, помыться, / уколоться и забыться... ("Письмо в редакцию телевизионной передачи "Очевидное — невероятное" с Канатчиковой дачи"); В дом заходишь, как все равно в кабак ("Что за дом притих..."); Настя желает в кино, как суббота ("Жертва телевидения"). Использование стилистически сниженной, жаргонной, даже арготической лексики — одна из ярких особенностей словоупотребления в поэзии В. Высоцкого. Ср.: А впереди шмонали уругвайца, / Который контрабанду провозил ("На таможне"); Бабье с ума скочило / И даже мужики ("Агент 07"). В целом ряде песен стилистически окрашения лексика составляет приблизительно треть от числа всех словоупотреблений (см., например, стихотворение "Лекция о международном положении"). Есть также стихи, "инструментованные" на формы субъективной оценки. Это представлено в так называемых блатных песнях. Например: Ax! Время — как махорочка. / Все тянешь, тянешь, Жорочка. / А помнишь — кепка-челочка / и кабаки до трех ("Из детства"). Социальная принадлежность героев обнаруживается и в своеобразии освоения ими иноязычной лексики⁴: ... клеенку с Бангладешту привезешь ("Инструкция перед поездкой за рубеж"); ...что, мол, не тот аффект ("Товарищи ученые") и т.п.

Важно также отметить, что Высоцкий при создании речевого портрета нередко очень тонко фиксирует социально заданные особенности речевого поведения персонажа. Ср., например, фрагмент стихотворения "На таможне":

Но тут вступился за меня
Ответственный по группе.
Сказал он тихо, делово
(Такого не обшаришь) —
Мол, вы не трогайте его,
Мол, кроме водки — ничего,
Проверенный товарищ.

В ряде песен представлены традиционные национально-культурные (приближающиеся к ритуальным) модели поведения:

Как уехал ты — я в крик — бабы прибежали:
— Ох, разлуку, — говорят, — ей не перенесть.
Так скучала за тобой, что меня держали,
Хоть причина не скучать очень даже есть.

("Письмо на сельхозвыставку")

Многие песни Высоцкого "ситуативны" по своей природе. Можно вывести типологию ситуаций и соответствующие им жанры, нашедшие отражение в его творчестве. Ср.: "Диалог у телевизора", «Письмо в редакцию телевизионной передачи "Очевидное-невероятное" с Канатчиковой дачи», "Лекция о международном положении, прочитанная осужденным на 15 суток за мелкое хулиганство своим товарищам по камере", "На таможне", "Инструкция перед поездкой за рубеж" и др. Отраженная коммуникативная ситуация "задает" правила поведения персонажам. Не случайно поэтому, что тексты так насыщены метакоммуникативными единицами, работающими на создание социально-психологического

⁴ Об особенностях употребления носителями просторечия иноязычных слов см. [8].

портрета:

Говорил, ломая руки,
Краснобай и баламут
Про бессилюе науки
Перед тайною Бермуд.

(“Письмо в редакцию...”)

В ряде текстов содержится как бы сценарная проработка ситуации:

Потом у них была уха
И заливные потроха,
Потом поймали жениха
И долго били.
Погом пошли плясать в избе,
Потом дрались не по злобе
И все хорошее в себе
Доистребили.

(“Смотрины”)

Излюбленные речевые жанры, к которым В. Высоцкий неоднократно обращался в своем творчестве, — монолог и диалог. Естественно поэтому широкое включение поэтом в ткань своих произведений различных устно-речевых форм. Диалогичность, например, подчеркивается частым употреблением форм 2л., обращений: Считай по-нашему, мы выпили немного. / Не яру, ей-богу! Скажи, Серега! (“Милицейский протокол”). Многие синтаксические явления, встречающиеся в его стихах, типичны для устной речи. Ср.: Он *на* своей, *на* загородной вилле / Скрывался, чтоб его не подловили (“Агент 07”) (повтор предлогов); Земле — *ей* все едино: апатиты и навоз (“Товарищи ученые”) (местоименное узвоение); В заповеднике, *вот* в каком — забыл, / Жил да был козел — роги длинные (“В заповеднике, вот в каком — забыл...”) (вставные структуры); И я пошел — попил, поел — / Не полегчало (“Смотрины”) (бессоюзные конструкции).

Для текстов Высоцкого характерна тенденция к актуализации слоговой и морфемной членности слова, функционирование в качестве самостоятельных единиц приставок. Так, одна из известных песен “Утренняя гимнастика” целиком построена на этом приеме. Ср. также: Он начал робко — с ноты “до”. / Но не допел ее, *не до...*, Он знать хотел все от и до, / Но не добрался он, *не до...* (“Не до”).

В текстах Высоцкого находит отражение одна из основных характеристик устной речи — тесная спаянность ее с ситуацией. Это проявляется в обилии дейктических единиц, свойственных устной речи: Ой, Вань, гляди, какие клоуны! (“Диалог у телевизора”); Вон он, змей, в окне маячит (“Письмо в редакцию...”), использовании типичных для разговорной речи номинаций: Ему же в Химки, а мне в Медведки (“Милицейский протокол”); Он там был купцом *по шмуркам* (“Письмо в редакцию...”) и высокой степени имплицитности текста как синтаксической [А дальше — весело, еще кошмарней! Врубил четвертую — и на балкон! (“Жертва телевидения”)], так и семантической, опирающейся на общий социальный опыт говорящих [И на поездки далеко, навек, бесповоротно... (“На таможне”); Ну а так как я бичую, / беспартийный, не еврей, / Я на лестницах ночую, / где тепло от батарей” (“Про речку Вачу...”)].

Обращение В. Высоцкого к стихии устной народной речи создает совершенно особый эстетический строй его песен⁵. Главная их черта — принципи-

⁵ “Всякое расширение литературного языка за счет нелитературных слов народного языка неизбежно связано с проникновением во все жанры литературного языка (литературные, научные, публицистические, разговорные и др.) в большей или меньшей степени и новых жанровых приемов построения речевого целого, его завершения, учета слушателя или партнера и т.п., что приводит к более или менее существенной перестройке и обновлению речевых жанров.”

альная ориентированность на устную реализацию. Многие произведения В. Высоцкого не приспособлены к фиксации в письменной форме⁶, они не рассчитаны на нее вообще. В данном случае мы имеем дело с особым видом художественного творчества. (Конечно, нельзя утверждать, что В. Высоцкий впервые попытался сблизить язык с устно-разговорной речью. Стремление отразить стихию народного языка, обыденное массовое сознание, сделать их фактом литературы было свойственно многим русским писателям, начиная от Грибоедова и Пушкина, и они отражали эту стихию, создавая новые художественные формы, ориентированные, однако, на письменную форму речи.) В. Высоцкий писал свои песни прежде всего с расчетом на их исполнение (авторское), т.е. в первую очередь на звучание. Сейчас, когда стихи поэта опубликованы в печати, мы особенно остро ощущаем ограниченность возможностей письменной речи. Текст дает читателю лишь слабое, приблизительное представление о гигантском эмоциональном воздействии исполняемых им песен. Точно также бессмысленно пыгаться в полном объеме воссоздать спектакли В. Мейерхольда или А. Таирова по их режиссерским экспликациям. Большинство точных характерологических речевых средств, создающих "многоголосый" строй его стихов, не передается на письме. И совершенно невозможно письменно отразить в полной мере палитру голосовых красок, которыми пользуется В. Высоцкий-исполнитель. "Рутинность" нашей письменной традиции не позволяет слишком перегружать текст разного рода отклонениями от письменной литературной нормы. Интересно отметить, что даже, например, в книге Л. Георгиева о В. Высоцком название одного из стихотворений записано как "Мои похороны". В издании же стихов поэта под ред. Н. Крымовой это же название представлено орфограммой "Мои похорона", отражающей реальное произношение этого слова в городском просторечии. Речевые характерологические краски не всегда фиксировались и самим автором при записи текстов песен на бумаге. Об этом свидетельствуют сохранившиеся автографы В. Высоцкого, на которые и ориентировались в первую очередь текстологи поэта Н. Крымова, В. Абдулов, 1. Антимоний. Обычно в письменный текст попадают лишь отдельные факты городского просторечия, главным образом это лексика и фразеология, реже — некоторые случаи просторечной морфологии, фонетики, синтаксиса. Например: Он там был купцом по шмуткам ("Письмо в редакцию..."); Есть вариант, что ихний вождь ... ("Почему аборигены съели Кука"); Мне хоть чё! хоть черта в ступе привези! ("Инструкция перед поездкой за рубеж").

Сопоставив тексты некоторых песен В. Высоцкого с их звучащими вариантами, мы получили следующие числовые результаты, отразившиеся в таблице (см. с. 102).

Таким образом, большинство фонетико-морфологических отклонений от литературной кодифицированной нормы, используемых В. Высоцким, можно обнаружить, лишь прослушивая магнитофонную запись. В письменный текст эти

Обращаясь к соответствующим нелитературным слоям народного языка, неизбежно обращаются и к тем речевым жанрам, в которых эти слои реализуются. Это в большинстве случаев различные типы разговорно-диалогических жанров; отсюда более или менее резкая диалогизация вторичных жанров, ослабление их монологической композиции, новое ощущение слушателя как партнера-собеседника, новые формы завершения целого и др. Где стиль, гам и жанр? [6]

⁶ О том, с какими сложностями пришлось столкнуться публикаторам стихов В. Высоцкого, см. в [10]. К началу работы над темой данная книга являлась наиболее полным и добросовестным отечественным изданием песенного наследия Высоцкого.

⁷ Это обстоятельство еще раз подтверждает тесную связь его произведений с устной речью. Возрастание роли неverbальных средств (intonационных, жесто-мимических) при передаче информации — одна из наиболее ярких особенностей некодифицированных сфер устной речи, оказывающая существенное влияние на их формальную, грамматическую организацию (см. [1, 4]).

**Соотношение просторечных морфолого-фонетических особенностей,
реально присутствующих в речи Высоцкого-исполнителя
и отраженных в письменных текстах песен**

Название песни	Просторечные черты, отраженные в письменном тексте	Просторечные черты, отмечаемые при исполнении
1. "Жертва телевидения"	—	30
2. "На дистанции — четверка первачей"	—	16
3. "Инструкция перед поездкой за рубеж"	4	64
4. "Товарищи ученые"	4	49
5. "Поездка в город"	2	29
6. "В заповеднике, вот я каком — забыл"	2	30
7. "Милицейский протокол"	3	75
8. "Агент 07"	4	40
9. "Почему аборигены съели Кука"	2	14
10. "На таможне"	—	46
11. "Письмо в редакцию телевизионной передачи..."	2	86
12. "Про речку Вачу..."	6	30
13. "Лекция о международном положении"	—	28

Проявляем наши наблюдения некоторыми примерами:

Текст песни (по кни. [10])	Реальное произнесение при исполнении песни
Там шпионки с крепким телом, Ты их в дверь — они в окно! Говоря, что с этим делом Мы покончили давно (С. 292)	Там шпи[ю]онки с крепким телом Ты их в дверь — они в окно! [У]говоря, что с [јэн]тим делом Мы [о]кончили давно
Приятно все-таки, что нас тут уважают.	Приятно все-тки . что нас тута уважаю[т].
Гляди, подвозят! Гляди, сажают! Разбудит утром не петух, прокукарекав, —	[У]гляди, подвозю[т], [У]гляди, сажаю[т]. Разбудит утром не петух, — прокук[у]река[о], —
Сержант поднимет — как человеков (С. 172)	Сержант подыметь — как человеко[о]. —
Вот дантист-надомник Рудик У него приемник "Грюндиг", — Он его ночами крутит, Ловит, контра, ФРГ (С. 389).	Вон дантист-надомник Рудик. У яво приемник [У]рудидиг, — Он его ночами крути[т], Лови[т], контра, фээрге.

черты устной городской речи попадают далеко не всегда, что значительно обедняет его художественное впечатление, а нередко приводит и к искажению смысла. Например, при исполнении песни "На таможне" В. Высоцкий не редуцирует конечное безударное *о* в слове *стало*: Как хорошо, что бдительнее стал[о]. / Таможня ищет ценный капитал. В письменном варианте песни эксплицируется иная форма — *стала*, так как позиция нейтрализации в соответствии с литературной нормой дает возможность двоякой интерпретации данного сегмента. В результате эти две строчки получают синтаксически более правильное, нормативное оформление, однако иронический подтекст, заложенный в устном варианте, утрачивается: Как хорошо, что бдительнее стала / Таможня — ищет ценный капитал [10, с. 383].

Широкое употребление Высоцким просторечно-диалектных произносительных черт соотносимо с одним из наиболее распространенных приемов языковой игры

в разговорной речи — приемом речевой маски. Однако если в данной речевой сфере этот прием рассматривается как балагурство (см. [4, с. 172]), т.е. использование иностилевых или иносистемных образований говорящим с целью рассмешить собеседников, создать непринужденную обстановку общения ("смеяли смеха"), то для Высоцкого рассматриваемый прием — способ решения целого комплекса художественно-эстетических и содержательных задач.

Использование Высоцким устно-речевых форм функционально нагружено. Представляется возможным выделить следующие основные функции отклонений от кодифицированной литературной нормы.

Характерологическая функция. Для создания социально-речевого портрета персонажа поэт использует различные речевые краски. Существенно отметить, что многие из них неперсонифицированы, т.е. одни и те же диалектично-просторечные черты кочуют из песни в песню, характеризуя разных героев. В то же время в речи одного персонажа могут присутствовать совершенно разные черты, несовместимые в речи реального человека¹. Например, жена героя песни "Инструкция перед поездкой за рубеж" одновременно "якает": Я с тобою разведусь и "окаёт": На кого ж ты нас [р]окинул, Ник[олай]. Для создания более яркого комического эффекта Высоцкий нередко придумывает сам, "конструирует" некодифицированные звуковые варианты слов: И наша семья боль[ш]иством голосов... ("Поездка в город"); Будь он хоть [парал'ип'йт]... ("Письмо в редакцию..."); Метеоусловия не те ("На таможне") и др.

Существование в рамках одной песни несовместимых или невозможных для реального человека речевых черт нельзя, на наш взгляд, рассматривать как недостаток Высоцкого-исполнителя, так как данный прием вполне соответствует той художественно-эстетической концепции, которой придерживался поэт. В одном из выступлений, отвечая на вопрос о роли жизненного опыта в творчестве художника, В. Высоцкий сказал: "Какова роль жизненного опыта в художественном творчестве? Это только база. Чтобы творить, человек должен быть наделен фантазией. Он, конечно, творец и в том случае, если рифмует или пинчет, основываясь только на фактах. Реализм такого рода был и есть. Но я больше за Свифта, понимаете? Я больше за Булгакова, за Гоголя" [12, с. 76]. Задача В. Высоцкого — создать не индивидуализированный, а обобщенный портрет своего соотечественника. Такое смещение разнородных речевых фактов возможно еще и потому, что характерной особенностью большинства произведений поэта является многоголосие (см. об этом ниже). Он стремится как можно плотнее "заселить" пространство песни голосами разных людей.

Нет сомнения в том, что Высоцкий черпал свои сюжеты, героев и их язык из жизни, в основном из сферы обиходно-бытовой. Однако эти реальные речевые факты художественно перерабатывались им, освящались его видением мира. Созданные поэтом речевые образы, метафоры затем снова возвращались в нашу обыденную речь в виде афоризмов, "крылатых слов" и функционируют теперь в языке как одно из средств речевой экспрессии, образности, как прием речевой игры. Ср., например, такие крылатые выражения, широко распространенные в разговорной речи: "Жираф большой, ему видней" ("В желтой жаркой Африке..."); "Лечь бы на дно, как подводная лодка, чтоб не могли запеленговать" ("Лечь на дно"); Нет, ребята, все не так, все не так, ребята" ("Моя цыганская"); "Не бось, говорю, не доллáры" ("Поездка в город") и т.п.

Экспрессивная функция. Устно-речевые факты, включенные в поэтический контекст, нередко служат у В. Высоцкого средством создания комического эф-

¹ Вопрос о "диалектической истине" на сцене поднимается в статье [11].

В одном из интервью кинорежиссер Алексей Герман говорил о той роли, которую играло поэтическое слово Высоцкого в самые трудные минуты его жизни: «Чем больше листили в глаза по телевизору, чем больше фарсировало искусство, тем громче звучал голос Высоцкого. Помните? "Нет, ребята, все не так, все не так, ребята"... Он был как противоядие от всякой фальши, и слушать его было — как нальваться кислородом» [12, с. 131].

фекта. Такова, например, роль [γ] и некоторых других фонетико-морфологических явлений в песнях "Утренняя гимнастика", "Почему аборигены съели Кука", "Про мангустов и змей" и др. Эти просторечные особенности не отражаются в письменных текстах, а появляются лишь в авторском исполнении, усиливая иронический подтекст песни. Ср. например:

— Змеи, змеи кру[γ]ом, будь им пусто!
Человек в исступленьи кричал.
И позвал на подмо[γ]у ман[γ]уста,
Чтобы, значит, ман[γ]уст выручал.

("Про мангустов и змей")

А дикари теперь заламывают руки,
Ломают копья, ломают луки.
Сож[γ]ли и бросили дубинки из бамбука —
Переживаю[τ'], что съели Кука.

("Почему аборигены съели Кука")

Очень вырос [ω] целом мир'и
[γ]риппа вирус — три, четыре!
Ширится, расте[τ'] заболевание.
Если хилый — сразу [ω-γ]роб!
Сохранить здоровье чтоб,
Применяйте, люди, об-
тирания.

("Утренняя гимнастика")

Особо следует выделить появление морфолого-фонетических некодифицированных вариантов в песнях В. Высоцкого, исполняемых им как бы от своего лица ("Мои похорона", "Баллада о гипсе", "Письмо Ване Бортнику из Парижа" и др.). В этих случаях отступления от литературной нормы не выполняют характерологической функции, они являются средством самоиронии. Эта черта проявляется даже в одном из самых трагических его стихотворений: Лучше я загуляю, запью, заторчу, / Все, что ночью кроплю, — в чаду растопчу ("Мне судьба — до последней черты, до креста..."). Такое ироническое самопринижение типично для разговорных текстов, ориентированных на языковую игру, шутку (см. об этом [4, с. 199]). Авторская самоирония песен Высоцкого усиливается, когда в шутливый по содержанию рассказ добавляются и сниженные производительные краски:

Ох, надежна ты, гипса броня,
От того, кто намерен кусаться!
Лишь одно у[γ]нета[и]т меня —
Что никак не мо[γ]у почесаться.
Что вот лежу я на спине,
загипсовани[ай].
Каж[и]й член у мене —
расфасовани[ай].
По отдельности до исправности
Все будет в цельности
и в сохранности.
("Баллада о гипсе")

Поэтическая функция¹⁰. В. Высоцкий как артист и исполнитель своих песен

¹⁰ Поэтическая функция средств устной речи реализуется в тех случаях, когда они используются Высоцким как средство создания поэтической формы.

много гастролировал. Сохранились сотни магнитофонных записей его выступлений, на них зафиксированы различные исполнения одних и тех же песен. Прослушивание этих пленок дает возможность проследить, как менялось произношение артиста под влиянием разных обстоятельств (места выступления, состава аудитории, собственного настроения, самочувствия и т.д.). Многие найденные им речевые краски варьировали от исполнения к исполнению. Ср., например: Кто уплетет/ уплете [т'] его/яво без/бяз соли и без/бяз лука. ("Почему аборигены съели Кука"); Я на лестницах ночую, где/{у}де тепло от батарей ("Про речку Вачу...").

Представляется возможным в устном творчестве В. Высоцкого выделить "зоны свободного варьирования" некодифицированных форм и "зоны их жесткой заданности", т.е. условия, при которых реализуется единственно возможный в данном случае произносительный вариант. Это прежде всего варианты, заданные формой стиха. Часто употребление ненормативных дублетов обусловлено необходимостью сохранить точную рифму. Например: Развяжите полотенцы, /Иноверы, изуверцы! / Нам бермуторно на сер[цы] / И бермутно на душе ("Письмо в редакцию..."); Проводник в преддверье пьянки / Извергся на путь. / Тоже и официа[нк'и], / А на первом полустанк[и] Села женщина в ку[п'э] ("Про речку Вачу..."); — Расскажите, как идут, бога ради, а? / Телевидение тут вместе с радиа[в] ("На дистанции — четверка первачей..."); Не вру, сий боя[у]я! / Скажи, Сереб[у]я! ("Милицейский протокол"); Я пока здесь *ещё*, / Здесь мое дети[ш'о] ("На таможне").

В качестве доказательства пристального внимания В. Высоцкого к устной форме стиха можно привести следующий пример. При исполнении песни "На таможне" артист сам конструирует некодифицированный вариант произношения слова *метеоусловия* с интервокальным вставным [в], маловероятный в реальной речи. Однако именно такое произношение необходимо было поэту для каламбурного обыгрывания внутренней рифмы:

На Шере-ме[т'вь]
В ноябре, тре[т'вь],
Ме[т'вь]условия не те.

Некодифицированное произношение может быть оправдано аллитерацией. В приводимом ниже примере некодифицированное произнесение слова *лучше* и произношение [ч'] вместо [ш] в слове *что* обусловлено шутливой "инструментовой" стиха на ч':

Там у них пока [ч']то лу[ч']и бытово.
Так чтоб я не о[ч']и]бучил ничего.

("Инструкция перед поездкой за рубеж")

СОЦИАЛЬНО-РЕЧЕВАЯ ПОЛИФОНИЯ

Большинство песен В. Высоцкого "многоголосы", т.е. в них реально присутствуют разные собеседники, каждый со своими взглядами, представлениями о жизни, со своими речевыми навыками, со своим голосом. Иногда это многоголосие выражено впрямую, когда текст стихотворения строится как диалог ("Диалог у телевизора"), либо когда в повествование, ведущееся от одного лица, включаются реплики других персонажей: инструктора райкома, таможенника, жены, собутыльника, и т.д.: "Инструкция перед поездкой за рубеж". "На таможне". Но есть тексты, в письменном варианте представленные как монолог-рассказ ("Про речку Вачу...", "Почему аборигены съели Кука"). Лишь при прослушивании магнитофонной записи песни обнаруживается ее двухголосость. В песне реально присутствуют не один, а два рассказчика — персонаж и автор. Эту особенность многих своих произведений чувствовал сам Высоцкий, созн-

тельно добиваясь двуплановости восприятия при исполнении песен. Сошлемся на свидетельство болгарского исследователя Л. Георгиева, биографа и друга В. Высоцкого: «Комментируя шуточную песню "Переселение душ", он признался, что в каждой песне всегда хочется сказать о чем-то очень важном для него. Даже если сама форма требует веселого настроя, в глубине песни, вторым ее планом непременно должна быть серьезная мысль» [12, с. 106]. Критик Вл. Новикова, анализируя особенности поэтики В. Высоцкого, также обращает внимание на "двуgłosое слово Высоцкого". Он пишет: "Мир у него, так сказать, двуобъясним. Смысл плюс смысл — такова формула его поэтики, формула всех и каждой его песни" [13].

В плане выражения смысловая двунаправленность представлена прежде всего с помощью звуковых средств. Так, в песне "про речку Вачу..." рассказ ведется от лица бича (основное изложение сюжета) и от лица автора. В партии бича обнаруживаются следующие звуковые характеристики: включение черт диалектно-просторечной фонетики [ү] вместо [г], сильноутонированное икающее произношение в окончаниях существительных (А на первом полустан[к'и]), мягкий согласный перед [э] в словах иноязычного происхождения (ку[п'з], ка[ф'э]), мягкий конечный [т] в глаголах 3 л.мн.ч. (и гуляю[т] от рубля)]; изменение качества голоса (усиление хриплоты, увеличение фонационной напряженности), более высокий регистр, нарушение заданного ритма строки за счет быстрого проговаривания без ударения слов в середине строки, что усиливает впечатление "разговорности"; С нёю (выйшла незадача, Нёту (злота бо)гáче, Мóжет (вám онай как), кляча. Для партии автора исполнитель "снимает" найденные речевые краски: отказ от диалектно-просторечных черт произношения, возврат к собственному голосовому тембру (за счет снижения регистра, уменьшения хриплоты, ослабления фонационной напряженности).

Аналогичный прием использован в песне "На таможне", отдельные строфы которой представляют собой авторские отступления, комментарий-обобщение по поводу происходящего. В тексте этот переход (помимо чисто голосовых признаков) ощущается изменением всего образного строя строф-вкраплений, изменением лексики, появлением метафор-обобщений, что рождает эффект несовпадения "ментального пространства" рассказчика и автора: И на поездки далеко, / Навек, бесповоротно, / Угодники идут легко, / Пророки неохотно; Лики, как товарищи, / Смотрят понимающе / С почерневших досок на меня.

Персонажное многоголосье нередко сочетается с многоголосием цитатным, т.е. поэт сознательно вводит в речь героя элементы чужого стиля, разрушая своего рода "цитатную перспективу". С одной стороны, это цитаты, составляющие общий национально-культурный фон, используемые нередко для создания комического эффекта: Вача — это речка с мелью/ В глубине сибирских руд ("Про речку Вачу..."); Вот две строчки, — я гений, прочь сомненья! / Даешь восторги, лавры и цветы: / Я помню это чудное мгновенье, / Когда передо мной явилась ты" ("Посещение Музы").

Другая группа цитат представляет собой воспроизведение разного рода идеологизированных клише, журналистских штампов и пр. В подобных случаях не всегда легко обнаружить границы своего и чужого слова в тексте. Это особый случай латентной цитации. В речи персонажей включение цитат подобного типа служит характерологическим задачам, представляя социокультурное ментальное пространство героя:

Себя от надевшей славы спрятав
В одном из их соединенных штатов
В глухи и дебрях чуждых нам систем,
Жил-был — известный больше, чем Иуда,
Живое порожденье Голливуда —
Артист, шпион, Джеймс Бонд, агент 07.

("Агент 07")

Мы все-таки мудреем год от года,
Распятья нам самим теперь нужны.
Они богатство нашего народа.
Хотя и пережиток старины.

(“На таможне”).

Многоголосие песен-монологов создает особое художественное впечатление, служит средством наиболее адекватного и образного выражения авторских интенций. В этих песнях автор и персонаж не противопоставляются, а вторят друг другу. Автор не выступает как гневный обличитель своих героев, он им сопереживает. Об этом свидетельствует, например, употребление в речи от автора местоимений *мы, у нас, нам* и т.п. (ср. “На таможне”). Спаянность образа автора песни с образом персонажа придает даже самым смешным песням особый пафос драматичности. Как справедливо отмечал М. Швыдкой, в поэзии Высоцкий смело сочетал быт с бытием.

СТЕРЕОТИПЫ МАССОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ, ИХ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ВЫСОЦКОГО

Произведения В. Высоцкого дают богатый материал для реконструкции стереотипов массового обыденного сознания, они несут в себе колоссальную социальную перспективу. Высоцкий одним из первых в художественной форме, используя приемы комического, сумел вскрыть во многом ложный, идеологизированный характер массового сознания. Ср., например, стихотворение “Про глупцов”, где “пальму первенства” в глупости оспаривают три великих глупца, стоящие у власти:

К синяку прижимая пятак,
Встрял второй: — Полно вам, загадели!
Я способен все видеть не так,
Как оно существует на деле.
— Эх! Нашел чем хвалиться, простак! —
Недостатком всего поколенья...

Тема одурманенности сознания, определенной болезненной искаженности его — одна из самых горьких в поэзии В. Высоцкого: Я лег на сгибе бытия, / На полдороге к бездне, / *И вся история моя — / История болезни;* Вы огорчаться не должны, — / Врач стал еще любезней, — / *Ведь вся история страны — / История болезни* (“История болезни”). Поэт точно ставит диагноз последнему периоду нашей отечественной истории: Грязью чайная, жирной да ржавою, / Вязнут лошади по стремена, / Но влекут меня сонной державою, / Что раскисла, опухла от сна (“Песня о России”); И нас хотя расстрелы не косили, / Но жили мы, поднять не смея глаз. / Мы тоже дети страшных лет России — / Безвременье вливало водку в нас¹¹. (“Я никогда не верил в миражи”).

Идеология получает свое вербальное выражение в обобщенных формулах, лозунгах, разного рода пропагандистских штампах, публицистических трюизмах типа: Государство — это мы; Чтобы лучше жить, надо лучше работать и т.п. Укажем некоторые особенности семантической и формальной организации предложений подобного типа¹². Для пропозиций, лежащих в основе этих предло-

¹¹ В последние годы, стремясь осмыслить, что же с нами произошло, писатели и публицисты высказывают сходные мысли почти в тех же выражениях, что и В. Высоцкий 10–15 лет назад; ср., например, слова Ф. Искандера: “При всей непенящей глупости правления Брежнева, в точнее, сами грандиозные размеры этой глупости создавали своеобразный психологический эффект нашего отвлечения от себя и даже тайного самодовольства. Народ смотрел на Брежнева и чувствовал себя умнее своего правителя. Это создавало некоторое единство народа и интеллигенции. Интеллигенция научила народ утешаться политическим внеклодом, а народ научил интеллигенцию пить не закусывая” [14, с. 11].

¹² Специально вопросам семантико-синтаксической организации советского политического дискурса посвящена книга французского исследователя Н. Серьо [15].

жений, типичны именные предикаты характеризующей семантики. Предикатам данного типа свойственна относительная независимость от времени. Их "...потенциальная атемпоральность проявляется в способности к употреблению в общих суждениях" [16]. Типичным образом предикативного оформления рассматриваемого класса пропозиций является структурная схема N_1 соор N_1 при нулевой связке: *Партия — наш рулевой. Человек человеку друг, товарищ и брат.* Параметры подобных идеологизированных клише, построенных по модели "вечных истин", принципиально однозначны, что должно рождать эффект всевременности, незыбломости суждений¹³.

Для выражения личного типа пропозиций могут быть использованы не только именные, но и глагольные структурные схемы, в частности, $N_1—V_1$. Например: *Мы придем к победе коммунистического труда!* Данный контекст реализует значение "неотвратимого будущего". Назовем еще одну конкретную реализацию данной структурной схемы, где глагольный компонент — это спрягаемая форма глагола настоящего времени несовершенного вида: *Дело Ленина живет и побеждает!* Глагол в данном случае реализует значение настоящего неактуального. Действие предстает как естественным образом длящееся, нелокализованное во времени. Предикаты, предполагающие некоторую временную локализацию, могут употребляться с лексическими показателями предельного раздвижения временных границ: *в веках, вечно, на все времена и т.д.*

Важной характеристикой идеологизированных клише является то, что в позиции субъекта выступают имена, предполагающие или допускающие *внереферентное* прочтение (типа: *народ, молодежь, все прогрессивное человечество и др.*)¹⁴. Своебразный разрыв вербального и предметного мира (т.е. когда идеологизированному клише соответствует мнимый денотат) способствует мифологизации сознания¹⁵. На уровне обыденного, повседневного сознания происходит "подверстывание" реального мира под идеологические словесные формулы, мир мифический начинает восприниматься как мир реальный. С этим связан один из приемов комического у В. Высоцкого — обыгрывание абсурдного идеологизированного смещения причинно-следственных связей: Кстати, вашего соседа забирают, негодяя, / Потому что он на Берлио похож ("Слухи"); Это их худые черти / Бермутят воду во пруду, / Это все придумал Черчиль / В восемнадцатом году! ("Письмо в редакцию..."). Интересно отметить, что такие "суждения" не являются лишь выдумкой поэта. В записях устной речи носителей просторечия мы также встречались с подобными легендами. Так, старые ткачики "Трехгорки", рассказывая о войне, вспомнили об американских консервах, которые присыпали нам-союзники в качестве "гуманитарной помощи". По мнению этих женщин, "те, кто консервы кутили — все рак получили".

Один из художественных приемов Высоцкого — деидеологизация общественно-политической фразеологии. Герои его песен буквально напичканы "общест-

¹³ Ср. ироничную интерпретацию идее "вечности" провозглашаемых истин в шутливом лозунге "застоянных" времен: *Да здравствует советский народ — вечный строитель коммунизма* (пример подсказан авторам З.С. Паперным).

Можно заметить, что для описываемых речевых жанров характерна произвольность, нередко даже абсурдность устанавливаемых истин. Ср. один из лозунгов: *План — закон, выполнить его — долг, перевыполнить — честь.*

¹⁴ Ср., например, иронические замечания, содержащиеся в одном из популярных, иолжнократно звучавших с экрана телевизора и в концептах монологов Мих. Задорнова по поводу неопределенности, размытости смыслового содержания пропагандистских штампов вроде: *все прогрессивное человечество, закрома Родины и пр.*

¹⁵ "Новяз сссрской поры в работе французского ученого А. Безансона получил название "*langue de bois*" (деревянный язык). Этот искусственно созданный язык противопоставляется языку естественного общения ("*langue naturelle*"). "*Langue de bois*", по Безансону, — это галлюцинация, мираж. Слова этого языка создают некий искусственный, сюрреальный мир (*surrealité*), который имеет лишь неречальное существование [17].

вениными идиотизмами": Я у экрана, мне дом — не квартира, / Я всею скорбью скорблю мировою. / Грудью дышу я всем воздухом мира ("Жертва телевидения"); До свиданья, план мой встречный, перевыполненный мной! ("Инструкция перед поездкой за рубеж") и др. Заставляя задуматься над реальным содержанием идеологических формул. Высоцкий через смех освобождает слушателей (читателей) от гипноза и определенной "комфортности" идеологии¹⁶.

Для многих песен Высоцкого характерно соединение "идеологизированного стиля" с резко сниженными, жаргонными единицами по приему стилистического контраста. Это один из приемов создания комического. Ср.:

Взвился бывший алкоголик,
Матершинник и крамольник:
"Надо выпить треугольник:
На троих его даешь!"
Разошелся — так и сыпет.
"Треугольник будет выпит!
Будь он параллелепипед,
Будь он круг, едрёна вошь!"
(Письмо в редакцию...)

Включая общественно-политические стереотипы, расхожие идеологизированные истины в несвойственные им бытовые, подчас сниженные ситуации, Высоцкий иронизирует над политизированностью нашего обыденного сознания. Ср. шутливое перефразирование и цитацию одной из основных соалистических заповедей: *Кто не работает, тот не ест*:

Сосед орет, что он — народ,
Что основной закон блюдет,
Мол, кто не ест, тот и не пьет. —
И выпил, кстати.
Все сразу повскакали с мест...
Но тут малец с поправкой влез:
"Кто не работает — не ест, —
Ты спутал, батя!"
("Смотринны")

Идеологизированные жизненные заповеди захватывают сферу стереотипов бытового поведения. Комизм нередко рождается на лукавом использовании героями некоторых газетно-публицистических штампов в качестве мотивации своих поступков:

Теперь дозвольте пару слов без протокола.
Чему нас учат семья и школа?
Что жизнь сама таких накажет строго!
Тут мы согласны — скажи, Серега!

Вот он проснетя утром — он, конечно, скажет:
— Пусть жизнь осудит, пусть жизнь накажет!
Так отпустите — вам же легче будет!
Чесо возиться, коль жизнь осудит?
("Милинейский протокол")

Во многих так называемых "шуточных" песнях комизм строится на несовпадении тезауруса, pragmatikona персонажа и системы мотиваций, характерных

¹⁶ Ср. замечание Ф. Искандера: "Идеология держалась не только на страхе и ожидании грядущего чуда. Она создала для человека немало тлетворных, но приятных удобств. Она освободила человека от нелегкого труда думать самому и самому оценивать окружающую жизнь" [14, с. 10].

для общественно-политической сферы. Один из ярких примеров подобного рода — "Лекция о международном положении...". Отмеченные явления типичны и для нашей современной политизированной жизни. Они часто встречаются в городской устной речи. Приведем несколько примеров, когда события современной общественно-политической жизни, экономические проблемы общества рассматриваются говорящими сквозь призму собственных психологических установок¹⁷. (Разговор в продовольственном магазине. Участники разговора: С. — пожилая женщина, П. — продавщица, Б., А. — женщины-покупательницы) Б. (к П.) — Что-то молока-то нет? П. (пожимает плечами: "не знаю") Коровы еще не отелились // Б. Что-то все у нас перестало телиться / нестись / все куда-то делось // С. (вступая в разговор) Так люди митингуют / и коровы тоже митингуют // А. (шутливо) Ты что это бабка тут агитировашь? С. Я не агитировала/ я грю молока нет / потому что у коров забастовка // П. Вот говорить в застое плохо было / в застое всё было //. (Две пожилые женщины А. и Б. и мужчина М. стоят в очереди в магазине "Кулинария") А. Вот все Сталина ругают / а при нем всё было / и икра / и балыки / лежали / крабов полно было // М. Да / всё было // А. Ветчина разве такая как щас? Она сочная была / вкусная // А щас сухая / прям как эта... Б. (с раздражением) Слюни-то подберите! Шо толку-то вспоминать? Воспоминаниями что ль съты будете? А. Хоть вспомнить / и то хорошо //.

Какие стереотипы массового сознания нашли отражение в песнях В. Высоцкого? Назовем некоторые, наиболее типичные из них. Они интересны не только в аспекте анализа творчества Высоцкого. Особого внимания заслуживает рассмотрение стереотипов массового обыденного сознания, вскрытых и художественно осмысливших поэтом, через призму современной устной речи¹⁸.

Резкое разграничение и противопоставление сферы "своего" и "чужого", чуждого, враждебного в оппозиции "свое"/"чужое". Показательна в этом плане песня "Инструкция перед поездкой за рубеж". Герой песни, прочно усвоивший истину "Кто не с нами — тот против нас", получив "накачку" от "доки"-инструктора райкома, испытывает страх перед необходимостью столкнуться с чужим, враждебным ему миром: Я ж по-ихнему ни слова / Ни в дугу и ни в туло! / Молот мне — так я любого / В своего перекую; Там у них другие мерки, / Не поймешь — съедят живьем... / И всё снились мне венгерки / С бородами и с ружьем. В. Высоцкий грутескно подчеркивает невадекватность "личностных и познавательных конструктов" своего персонажа, выражавшуюся в нерасчлененности восприятия чужого мира: Популярно объясняют для невежд: / Я к болгарам уезжаю в Будапешт; Ох, я в Венгрии на рынок похожу, / На немецких на румынок погляжу!

Сфера "своего" и "чужого" обычно маркируется оценочно, соответственно: плюс—минус, выше—ниже. В качестве примеров конкретного проявления этой оппозиции можно назвать стереотипы "имперского мышления" или стереотипы, выражающие милитаризованный характер сознания. Ср. у Высоцкого: Я уснул, обняв супругу, / Дусю нежную мою. / Снилось мне, что я кольчугу, / Щит и меч себе кую ("Инструкция перед поездкой за рубеж"). Многочисленные примеры проявления этих стереотипов хорошо знакомы каждому и широко отражаются в устной речи. Приведем лишь один фрагмент разговора на стоянке маршрутного такси. Рассуждает пожилая женщина: Оборонные заводы вон позакрывали / а как война будет / так и воевать нечем // А война обязательно будет!... Да и воевать некому бунт // Вон в

¹⁷ Здесь и далее приводятся записи городских микродиалогов, отражающие события 1990 — первой половины 1991 года — времена написания статьи.

¹⁸ Ограничительный объем статьи не дает возможности подробнее проанализировать ментальные стереотипы, наиболее типичные для нашего общества, и характерное для них языковое воплощение.

марте -апреле есть нечего буит / они нас голыми руками / всех в мешок засунут // Вот немцы-то и нападут //.

Можно искать исторические, национальные, социальные причины милитаризованности нашего обыденного сознания. Для нас же важно, какие речевые средства "обслуживают" данный стереотип. Показательно, что до сих пор широко употребительна в бытовой речи лексика эпохи революции, гражданской и Отечественной войн, времен сталинских репрессий: *вредительство, красные, белые, конtra, контрик, враг народа* и т.п. В стихах и песнях В. Высоцкого нашла свое отражение эта особенность речевого мышления советского человека: Но на происки и бредни / Сети есть у нас и бредни, / Не испортят нам обедни / Злые происки врагов! ("Письмо в редакцию..."); Он его ночами крутит, / Ловит, конtra, ФРГ ("Письмо в редакцию..."); Я тыкался в спины, блуждал по ногам, / Шел грудью к плащам и рубахам. / Чтоб список вещей не достался врагам, / Его проглотил я без страха ("Поездка в город"). Язык повседневной устной городской коммуникации чрезвычайно насыщен единицами подобного типа. Ср.: (Из разговоров в очереди за сигаретами во время "табачного кризиса" в Москве) Что за цель такая? Я не пойму что за цель? *Вредительство полное!*; (Из рассуждений пожилой женщины, стоящей в очереди) Вот сейчас кричат / зачем делали революцию / зачем раскулачивали! Кто кричит? Вот сыновки / внуки / правнуки восстали / и кричат // Раньше красные победили / а теперь белые // Вот вам пожалуйста //.

Другой, не менее распространенный стереотип массового обыденного сознания — ложное понимание идеи социального равенства. Он получил отражение в таких произведениях В. Высоцкого, как "Он мне не друг и не родственник", "Смотрины", "Мой сосед". В качестве примеров современной устной речи можно привести дебаты в парламентах по поводу частной собственности, кооперативов. Ср., например, такие фрагменты уличных разговоров. А. (увидев очередь за чебуреками) Травитесь / травитесь товарищи / чебуреками кооперативными!; (Из разговора двух женщин на остановке маршрутного такси) А. Горбачев кого разорил / а кому дал заработать // Вон у нас сосед / за три года и машину / и дачу купил / и всю квартиру обставил // Б. Да / торгари теперь наживаются // А тут после института / сто двадцать / сто тридцать рублей получают // Вот как мой племянник //; А. (увидев в витрине бутылку виски за 100 рублей) Кто же это покупает? Б. Кто деньги лопатой гребут / те и покупают//.

Мифологизированное представление о бесполезности интеллигенции и противопоставленности ее интересов интересам других социальных групп представлено в песне "Товарищи ученые": Товарищи ученые! Доценты с кандидатами! / Замучились вы с иксами, запутались в нулях! / Сидите, разлагаете молекулы на атомы, / Забыв, что разлагается картофель на полях.

Отношение к интеллигенции как к "социально чуждым" ярко проявилось в ряде выступлений на съездах народных депутатов. Достаточно вспомнить реплику одного из выступавших, рабочего—шахтера, которого возмутил тот факт, что некоторые депутаты (экономисты, историки, юристы) приняли слишком активное участие в прениях. Считая, что они "превратили съезд в говорильню", этот депутат сказал: А вы попробуйте покидать лопатой уголек, товарищи академики!

Представление о несоизмеримости своих личных дел и проблем и интересов государственных, которые обсуждаются и решаются где-то "наверху", типично для массового обыденного сознания. Ср., например, характерный для устной речи микродиалог: А. Ну как дела? Б. Да какие у нас дела? Это у правительства дела. Ср. также у Высоцкого: Свой интерес мы побоку, ребята. / На кой нам свой, и что нам делать с ним? ("Мы бдительны").

Ощущение своей мизерности, ничтожности в масштабе огромного тоталитарного государства тесно связано с другой особенностью советского мента-

литета — презумпцией виновности. (Ср. "Был бы человек — дело найдется"). Чувство вины перед любыми официальными инстанциями, страх быть уличенным в чем-либо свойственны многим персонажам песен В. Высоцкого:

Сейчас, как в вытрезвительс ханыгу,
Разденут — стыд и срам — при всех сиятых,
Найдут в мозгу туман, в кармане — фигу,
Крест на ноге — и кликнут понятых!
("На таможне")

Фатальное ожидание неприятности в любой официальной ситуации — одна из основных психологических установок, определяющая ряд особенностей речевого поведения говорящего в условиях устной городской коммуникации. Так, наиболее распространенную тему разговоров в очереди условно можно было бы выразить формулой: "товар обязательно должен закончиться на мне". Ср.: (В очереди в магазине "Кулинария") А. Боюсь шнице́лей нам не хватит // Б. Ну что же лелать / постоим / да и пойдем //; (В булочной) А. Это за чём очередь? Б. За тортами вафельными // В. Что-то помногу берут / нам наверно не хватит // Б. Да там много еще / я смотрела // В. Вот на нас и закончится //; (Очередь за кофемолками в магазине электроговаров) А. (беспокоится, что может слишком долго простоять в очереди) Мне токо надо к двум быть дома! Б. Ну до двух вы дома будете // Через час / тут никаких кофемолок не будет / даже раньше //. Характерно, что данная коммуникативная ситуация также получила отражение в творчестве В. Высоцкого (см. песню "Мы в очереди первые стояли").

Как уже отмечалось выше, Высоцкий не просто вскрывал ментальные стереотипы, показывая нам, какие мы есть, но и "взрывал" эти стереотипы, разрушал их. В отношении Высоцкого к своим героям ясно прослеживаются традиции смеховой народной культуры, амбивалентная природа смеха [18], т.е. его смех не только и не столько обличающий, но и возрождающий. Связь художественных приемов Высоцкого с национальными смеховыми традициями особенно ярко обнаружилась в последнее время. Та же фольклорная речевая стихия, столь ярко проявившаяся в творчестве поэта, прорывается в получивших широкую популярность народных митингах-гуляньях¹⁹. Здесь политика правительства получает отражение и оценку в традиционных формах народно-площадных жанров (частушки, прибаутки, острословицы и др.). Одна из особенностей подобных речевых проявлений — их ярко выраженный личностный характер (в отличие от безадресных официальных лозунгов).

В заключение следует отметить, что произведения В. Высоцкого, являясь, безусловно, прежде всего фактом нашей литературы, нашей культуры в целом, представляют большой интерес для специальных научных разысканий (лингвистических, социологических, психологических и т.д.). Владимир Высоцкий создавал не индивидуализированные, а общенные социальные портреты, впервые обнаружив реальную, а не идеологизированную структурированность нашего общества. В его произведениях, взрывавших штампы официальной идеологии, щедро выплеснулось наше национальное сознание и самосознание.

¹⁹ Попытка анализа в этно-культурологическом аспекте новых лозунгов последнего времени была предпринята в статье "Гуляния на Манежной", опубликованной в "Независимой газете" (11 апр. 1991 г.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская разговорная речь. М., 1973.
2. Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.
3. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширлев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
4. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
5. Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984.
6. Разновидности городской устной речи. М., 1988.
7. Заславская Т.И., Рыжкина Р.В. Социология экономической жизни. Новосибирск, 1991. С. 9.
8. Журавлев А.Ф. Иноязычные заимствования в русском просторечии: Фонетика, морфология, лексическая семантика // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984.
9. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 243—244.
10. Высоцкий В. Избранное. М., 1988. С. 501.
11. Борунова С.Н. Фрагмент орфоэпического портрета Ивана Михайловича Москвина // Русское специическое произношение. М., 1986.
12. Георгиев Л. Владимир Высоцкий знакомый и незнакомый. М., 1989. С. 76.
13. Новиков Вл. Живой // Октябрь. 1988. № 1. С. 195.
14. Искандер Ф. Идеологизированный человек // Огонек. 1990. № 15.
15. Seriot P. Analyse du discours politique soviétique. — dans Cultures et Sociétés de l'Est, 2. Р., 1985.
16. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы преликатов. М., 1982. С. 14.
17. Besançon A. Présent soviétique et passé russe. Yiwre de poche, 1980.
18. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

© 1993 г. ТАТАРИНЦЕВ Б.И.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЛИ ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА? (К проблеме древних слов иноязычного происхождения в тюркских языках)

1. В последние десятилетия заметное внимание исследователей привлекают вопросы, связанные с происхождением лексики тюркских языков. Вышли в свет или готовятся к изданию этимологические словари языков этой группы, ряд монографических исследований, связанных с историей тюркской лексики. Все более возрастает количество публикаций, в которых дается истолкование происхождения тех или иных тематических групп или отдельных слов.

Однако несмотря на значительный интерес, проявляемый к указанной проблематике, тюркская этимология к настоящему времени еще не получила должного развития. Остается в значительной мере неясным происхождение основного лексического фонда тюркских языков; слабо изучен характер их контактов с языками других семей, особенно в древности, и результаты этих контактов, лексические заимствования в частности.

Вместе с тем в появляющихся научных публикациях постоянно увеличивается число сопоставлений, сближений друг с другом слов тюркских и нетюркских языков, имеющих определенную общность в своей форме и значениях. Зачастую в подобных случаях исследователи предпочитают интерпретировать подобные слова как заимствования из языков других семей в тюркские, что, однако, далеко не всегда выглядит убедительно.

В принципе более логичным и правомерным выглядит подход к заимствованиям, сформулированный следующим образом: "Этимологизируя славянские слова, исследователь, конечно, должен исходить прежде всего из генуинности и объяснять их как заимствования лишь в случае неудовлетворительности их генуинной (исконной, самобытной) этимологии" [1].

Сказанное должно быть по справедливости отнесено и к тюркским словам, особенно к тем, что принадлежат к базисной лексике и не являются очевидными (как правило, поздними) заимствованиями. Применительно к подобным словам, даже если у них обнаруживаются сходства, параллели и т.п. в лексике языков других групп, должны быть использованы прежде всего возможности их генуинной этимологизации, и, пока они не исчерпаны, трактовка этих слов как заимствованных не может выйти из разряда гипотез различной степени вероятности.

По отношению к основному лексическому фонду тюркских языков (как правило, принадлежащие к нему слова носят общетюркский характер) резервы и возможности истолкования входящих в данную часть лексики слов в плане их происхождения как исконо тюркских используются пока далеко не полностью или даже практически не используются вообще.

Это в свою очередь связано с существованием традиции, относящей такие слова к заимствованиям. Характерный пример — тюрк. *ökiž* "бык", которое с начала XX в. считается одним из старейших заимствований из и.-е. языков [2, с. 522-523]. К настоящему времени существует два и.-е. сопоставления этого слова: одно исходит из его "алтайской" праграммы *rökür, а другое — из собственно тюркских форм, но оба они сталкиваются с трудностями фоне-

тического или структурно-фонетического плана, особенно заметными в первом случае [3, с. 29—30].

В то же время некоторые исследователи, например, Г. Дёрфер [4, I, с. 539], высказывают мнение о том, что *öküz* — исконно тюркское слово, и это представляется вполне вероятным¹.

В русле указанной традиции выполнен и ряд недавних публикаций, посвященных вкладу в тюркскую (в том числе общетюркскую) лексику индоевропейских, а также китайского и других языков [8–13], хотя их авторы следуют традиции в разной степени.

С одной стороны, Вяч. Вс. Иванов, рассматривающий предполагаемые алтайско- (в основном — тюркско-!) тохарские лексические связи, опираясь на публикацию А. Рона-Таша, учитывает сложность проблемы контактов соответствующих языков. Он, в частности, считает возможным говорить о заимствовании не только из тохарского языка в тюркские, но и в обратном направлении [8, с. 100—101]².

С другой стороны, в статье Д.Е. Еремеева, где приводится ряд слов, относимых к индоевропеизмам традиционно, говорится также как о вполне установленных фактах, в частности, о том, что *бука*³ "бык" < слав. *бык*, что в словах *бир* "один", *биринджи* "первый" основа связана с и.-е. корнем (русс. *первый*, блр. *перши*, англ. *first*)⁴ и что тюрк. *cüryg* "стадо" относится к "иранской скотоводческой лексике, усвоенной и тюрокизированной тюрками" (?) [11, с. 129, 130, 133], причем в последнем случае неясно даже, с каким иранским словом реально сопоставляется тюркское⁵.

Подобные, довольно сомнительные примеры, по-видимому, должны подтвердить то, что Д.Е. Еремеев именует "культурным натиском" индоевропейцев, который на Востоке Евразии испытали не только тюрки, но и другие народы [11, с. 130].

2. Среди указанных публикаций особое внимание привлекают две статьи И.Н. Шервацидзе [9, 10], обширные по объему (особенно первая из них [9, с. 54—92]) и охватывающие значительный материал, хотя их автор и предупреждает читателя, что он ограничивается "предельно кратким рассмотрением наиболее древних пластов заимствований" и не претендует "на ... охват всего существующего материала [9, с. 54].

И.Н. Шервацидзе не только фактически всецело присоединяется к мнениям своих предшественников, традиционно относящих к числу заимствований целый

¹ Это слово привлекает внимание многих исследователей, продолжающих трактовать его как заимствование. Однако пока, как нам представляется, наиболее сильную сторону соответствующих публикаций составляют не сами версии иноязычного (индоевропейского) происхождения слова, а критические оценки существующих ча сей счет мнений Так, Е.А. Хелымский обоснованно критикует точку зрения А. Рона-Таша, выводящего **öküz* из пратохарского *Bokso*, и считает более удачным сравнение тюркского слова с и.-е. **reku* "скот" [5]. Но подобные воззрения, в свою очередь, служат предметом критики со стороны А. Рона-Таша в его последующей публикации [3, с. 29—30]; ср также оценку А.М. Щербаком версии Г. Дёрфера, возводящего *öküz* к и.-е. прототипу с начальным *r* и конечным *t* в основе [6].

Можно говорить, по-видимому, о кризисе существующих версий иноязычного происхождения тюрк. *öküz*, которое, возможно, вообще не является заимствованием. В последнее время предпринимаются попытки его этимологизации на тюркской почве [7], но, возможно, существует и другая, альтернативная предложенная и исходящей из звукоподражания, генуинная этимология данного слова.

² Следует заметить, что и сам А. Рона-Таш, на тюркско-тохарских сопоставлениях которого основывается публикация Вяч. Вс. Иванова, впоследствии отказался от некоторых из этих сопоставлений [3, с. 34].

³ Здесь и ниже сохранено написание слов, принятые в статье Д.Е. Еремеева.

⁴ Более распространено противоположное мнение, но и оно вызывало возражения [14, с. 232].

⁵ Характер связи между тюркскими и и.-е. словами неясен; их гомогенность сомнительна.

⁶ Тюрк. *cüryg*, как и другие его соответствия, бесспорно, производно от тюрк. *cür-* "гнать (в частности стадо, скот)" [15, IV, стлб. 815, 816].

рял общетюркских слов, но и расширяет этот "ряд", вводя в него новые составляющие.

Его публикации, хотя и в меньшей мере, нежели статья Д.Е. Еремеева, отражают излишне категоричный взгляд на языковые явления, когда та или иная общность, сходство слов тюркских и нетюркских языков истолковываются главным образом как результат заимствования этих слов из вторых языков в первые и когда не учитываются в должной мере другие возможности разъяснения подобного сходства.

И.Н. Шервашидзе с заметной долей скепсиса относится к возможности исключительно тюркского происхождения некоторых из рассматриваемых им слов даже тогда, когда оно вполне ясно. Так, **duman* > *tuman* "туман, мгла" интерпретируется как "вероятный старый иранизм". Затем приводятся три собственно тюркские этимологии, которые, однако, не проанализированы и против которых не выдвинуто никаких возражений, но вывод, тем не менее, таков: "Поэтому в пользу иранского происхождения тюрк. **duman* требуются дополнительные аргументации" [9, с. 73].

Между тем приводимые собственно тюркские версии вполне удовлетворительны. Особо следует отметить последнюю из них, принадлежащую Г. Дёрферу и возводящую слово к глагольной основе **tum(a)-* "обволакиваться, окутываться". Ср. также сопоставление тюркского слова *tuman* с такими, как, например, тат. диал. *tūm-iš-* "нахмуриться", *tūm-as* "пасмурный, облачный" [16, с. 296]. Искомая производящая глагольная основа отмечается и в саларском языке: *tum-~tumi-* "темнеть (о небе), окутываться мглой", к которой непосредственно возводится слово *tuman* [17, с. 522–523].

В другом случае И.Н. Шервашидзе явно исходит из иноязычной версии происхождения слова как более предпочтительной. Он, например, пишет: «Ввиду надежной иранской этимологии вряд ли целесообразно производить тюрк. **kālīr* "мул" от основы глагола *qāl-* "смешивать", как то предпочитают, вслед за А. Вамбери..., Дж. Клосон... и др.» [9, с. 75].

Естественно, что при таком подходе надежность тюркской этимологии по существу никак не оценивается. "Надежная" же иранская этимология выглядит следующим образом: «Слово, по-видимому, заимствовано из согд. **xrlr-* [*xarlar*] "мул", по Г. Бэйли, *xarataraka-*..., ср. согд. *yr'k*, хотано-сак. *kxaðara* < **xaratarā...*, и.-перс. *astar* тж. ... от иран. **aspa-tara-* (при др.-инд. *afva-tarā-*)» [9, с. 75]. Остается, однако, неясным, чем эта этимология превосходит ту, которую предпочли Дж. Клосон и другие исследователи, правомерно исходящие из примата исконной этимологии (кстати, вполне удовлетворительной) над заимствованием.

Соответственно тюркское происхождение слова достаточно ясно и в случае **ötag* "шатер, жилище" [9, с. 77], где также приведена обоснованная этимология, исходящая, в частности, из тюрк. **öt* "огонь", **öta-* "зажигать", **öti-a-g* "место, где поддерживается огонь". Однако, по мнению исследователя, и здесь нельзя исключить заимствование из согд. *wi'k* "область, местность". Вместе с тем ниже, в примеч. 28. сказано: "... конечно, не исключено, что сама согдийская форма ... может действительно оказаться тюркизмом". Какое же из этих двух "исключений" сам автор считает истиной?

3. В рассмотренном выше случае допускается все-таки (как исключение) возможность обратного заимствования (из тюркского в нетюркский язык). Обычно в статье подобные возможности не рассматриваются. Если же кто-то другой их допускает, то такая альтернатива отвергается "с порога".

Приводя, например, распространенное мнение, согласно которому тюрк. **tūg* " знамя" восходит к ср.-кит. *dok* (др.-кит. **dūk*) "штандарт, стяг, знамя; бунчук (из перьев или бычьих хвостов)", автор сообщает, что последнее "засвидетельствовано в китайском уже по крайней мере с серединой первого тыс. до н.э. .., поэтому предположение Г. Дёрфера.. о возможности, напротив, заимствования в китайском из тюркского представляется крайне неправдоподобным" [9, с. 69].

Упомянутое предположение связано с тем, что Г. Дёрферу непонятна передача кит. -*k* через тюрк. -*g*. И.Н. Шервашидзе считает, что это "обычное явление в китаизмах в тюркском", и ссылается на другие, сходные случаи, рассматриваемые им в той же статье (**bäg*, **kög*, **ug*), но эти примеры не представляются убедительными, и переход -*g*>-*k* нам видится более логичным (на части подобных случаев мы остановимся ниже).

Есть основания предположить в случае со словом **tūg* тюркское заимствование в китайском, но их следует связывать не только с сомнениями относительно реальности определенных звуковых изменений. Возражение И.Н. Шервашидзе, что слово зафиксировано в китайском с середины первого тыс. до н.э., не является достаточно сильным, поскольку тюркский язык на одной из своих ранних стадий развития существовал и тогда (см., в частности [18, с. 9]). Кроме того, уже в то время могли иметь место и китайско-тюркские языковые контакты⁷, имевшие одним из своих вероятных результатов также тюркские заимствования в китайском. Эти древние контакты изучены, думается, очень слабо, и здесь вполне допустимы подобные "неожиданности".

Во всяком случае, реально говорить о генуниной, собственно тюркской этимологии слова **tūg*, которое означает не только " знамя, флаг" (в современном смысле), но и, что более существенно, — в прошлом имело значение "кисть из волос конского хвоста на знамени или на шлеме как степень, жалуемая пашам, бунчук" [15, III, стлб. 1422], а бунчук означает "короткое древко с привязанным конским хвостом как символ власти" ... [19]. Можно полагать, что ранее **tūg* и обозначало хвост (в виде пучка волос, кисти, сultана и т.д.) или нечто подобное: ср. в этом плане ст.-узб. *tug* "кончик верхлюзьего хвоста" [20], тур. *tug* "хохолок (у птиц)".

По-видимому, слово **tuy*(**tūy*) могло служить названием различных объектов, связанных с поднятием и, вместе с тем, — вращением или другим сильным, резким движением (виением, трепетанием и под.)⁸. В этом плане интересен уйгурский архаизм *tuy* "веревка, протянутая от потолка, держась за которую бахши⁹ кружится при завораживании" [22, с. 335]. С этим же словом, по-видимому, гомолог на основе глаголов типа шир. *tuyula-* [*tuy-(u)la-*] "вставать на дыбы; скакать", корчиться; вздыхаться", хак. (диал.) *tuyula-*, (диал.) *tuyla-* (< **tuy-la-*) "брываться, вздыхаться; понести (о лошади); биться (о рыбе)", кхалп. *tuyla-* "биться, беспокоиться; резвиться; капризничать; играть (о жеребенке); развеселиться", каз. *tuw-la-* "брываться, вставать на дыбы (о норовистом коне); бушевать, волноваться (о пучине)" (в последнем выделен компонент **tuw* с предполагаемой семантикой "нечто подымющееся") [23, с. 288].

Общетюркское **tōn~*dōn* "одежда; халат" обычно считается хотано-сакским заимствованием (<*thaipa* "ткань; шелк")¹⁰, что, однако, вызывает сомнение у ряда исследователей (Дж. Клосон, Г. Дёрфер, Э.В. Севорянин)¹¹. Не разделяет эту точку зрения и И.Н. Шервашидзе, которому «представляется более целесообразным выведение слова из ср.-кит. *twän* (др.-кит. **tōn*)... "длинное платье, халат" ...» [9, с. 63], причем это слово ближе по форме к реконструированному древнекитайскому.

Однако и здесь, как и в случае с **tūg*, вполне возможно говорить о заимствовании из тюркских языков в китайский, а не наоборот, что подтвержда-

⁷ Ср. также датировку древнетюрокско-пратюркских контактов серединой первого тысячелетия до н.э. [18, с. 8]

⁸ Ср. указание на принадлежность русск. хвост «к большой семье экспрессивной лексики со значениями "хватать", "мотать" и близкими» к ним [21]

⁹ Слово бахши (*baxši*) в уйгурском языке имеет, в частности, значение "юродивый, изгоняющий злых духов из больных" [22, с. 185]

¹⁰ В других источниках у этого слова приводится семантика "одежда, платье". Кроме того, в этимологическом словаре Э.В. Севорянина указано (по-видимому, ошибочно), что оно — санскритского происхождения [16, с. 264]

¹¹ Дж. Клосон также выражал сомнение в том, что тюрки не имели собственного слова для одежды и, следовательно, в том, что **dōn~*tōn* вообще является заимствованием [24, с. 512]

ется широким спектром значений тюркского слова, связанных, с одной стороны, с одеждой, искусственной оболочкой (наименования закрытых видов одежды, вроде халата, шубы, кафтаны, плаща, тулуна, штанов, нательного белья, а также изрелка — значения "обувь, сапоги"). С другой стороны, у соответствий слова *döñ* отмечена и более древняя, пережиточная (по логике вещей) семантика, которая связана с естественно-природными объектами: "оболочка зародыша, плода", "материнское лено", "масть (лошади и пр.)" [16, с. 263] и которую в аспекте семантической производности можно связать с *to-* (*tö-*) "закрывать".

Таким образом, тюркское слово морфологически членимо, и в этом случае допустима его генуинная этимология¹².

Вероятность обратных (турецких) заимствований не исключается и в других ситуациях. Так, относительно **kög* (//*küg*) "мелодия, песня" сказано, что оно "несомненно, представляет собой заимствование из ср.-кит. *khöök*/совр. *qǐ* "песня, песенка; ария, музыка (к песне)...» [9, с. 67]. Однако говорить об этом с такой категоричностью едва ли правомерно.

Г. Дёрфер и в данном случае допускает возможность тюркского заимствования в китайском языке, видя здесь проявление, в частности, значительного влияния центральноазиатской музыки на китайскую. Он задает также уместный вопрос: "Должно ли каждое слово, похоже звучавшее в тюркских и китайском языках, обязательно быть китайским?" [4, IV, с. 304].

Тюрк. *kög*, а также его варианты (скорее, морфологические) с конечным *-k*, вроде чаг., тур. *kök* "согласие звуков; гармония, строй; настроение; тон, пение в музыке", азерб. *kök* "настроенный (о музыкальном инструменте)", возможно, гомогенные с односложной глагольной и соответствующей ей основой общетюркского имени типа *köđül-göđül*, *gövün-göjül* "настроение; чувство; согласие" и т.д. (см. [16, с. 76—77]). Вероятна также связь *kök* и *kög* с глаголом *köly* (**köön-*) "делаться прямым; исправляться; соглашаться; становиться на правильный путь; становиться покладистым, смиренным" [16, с. 74—75]. Не исключено, таким образом, существование глагольной основы **kö-* "делать ровным; направлять, налаживать", от которой производными, образованными при помощи аффиксов *-g* и *-k*, могли быть *kög* и *kök*, а с последними допустимо связать и ср.-кит. *khöök*.

4. И.Н. Шервапидзе не рассматривает и такую возможность объяснения близости слов разных языков, как случайное сходство (совпадение) гетерогенных языковых явлений, что весьма вероятно при сближении языков, далеких друг от друга в пространственно-временном отношении.

По мнению исследователей, занимавшихся изучением подобных совпадений, "критерии различения случайных и неслучайных сходств неизвестны" и "нередко приходится довольствоваться альтернативными решениями: случайное совпадение или совпадение на почве генетического родства; случайное совпадение или заимствование; случайное совпадение или совпадение изобразительных слов" ... [26].

В подобных ситуациях автор однозначно решает в пользу заимствования в тюркских языках. Так, стремясь утвердить и.-е. версию происхождения тюрк. **kijūñ* "наказание; кара", он следующим образом реагирует на собственно тюркскую этимологическую версию: «Возражения Г. Дёрфера..., указывающего на несоответствие гласных в первых слогах индоевропейской и тюркской форм и на возможность произведения тюрк. **kijūñ* от **kij-* "гибать" (?), вряд ли можно признать существенными» [19, с. 82].

А между тем еще В.В. Радлов обоснованно связывал тюрк. *kijūñ* с указанным глаголом, означающим, правда, не столько "гибать", сколько "делать вкось, скашивать", "срезать, срубать (наискось или сбоку)", а кроме того, — "губить, уничтожать, убивать; быть безжалостным, беспощадным" [15, II, стлб. 718; 27, с. 336]. Подобная семантика вполне приемлема как мотивирующая для *kijūñ* "наказание; кара" (а также "муки, мучения; пытка" и т.п.).

¹² Более детальное ее рассмотрение содержится в [25, с. 145—150].

Структурно слово вполне ясно: это отглагольное образование на *-a/p*. Что касается интерпретации сопоставления Г. Рамстедтом, а затем И.Н. Шервашидзе указанного тюркского слова с и.-е. *k^heι-*na-* // *k^hoř-*na-* "наказание", здесь, по-видимому, более реально говорить о случайном сходстве, нежели, допустим, о заимствовании или о проявлении генетического родства.

Нечто подобное можно сказать и относительно сопоставления тюрк. *jūgān//*jūgūn) "уздечка" и его предполагаемого "индоевропейского прототипа" *jeug-*eno-* (ср., например, скр. *ubjana* "запряжение, упряжь")...» [9, с. 82].

В принципе исходная форма тюркского слова представлена верно. Вместе с тем прав и Э.В. Севорянин, считающий, что здесь налицо производное на *-a* от глагольной основы, хотя едва ли можно согласиться с тем, что конечным ее согласным был *-g* (*jūg-), а не *-g* (*jūg-) [2, с. 577]. Мы полагаем, что название узды гомогенно с др.-турк. *jūgür-* "натягивать основу ткани" [28, с. 284], представляющим, вероятно, каузатив от *jūg- или *jūg(a)- "подниматься, натягиваясь", что логично, когда речь идет об узде. Ср. также чулым.-турк. *čūgūrvd* "веревка" [29] (< *jūgūr-mā), сарыг-югур. *jūgde-* «колебать и вытаскивать с корнем траву "чий" из земли» [30]¹³.

Семантико-типологически к *jūgān близко др.-уйг *kötürängü* "узда, узелка" [31, с. 339], определенно связанное с прилагательным *götərinki*-*kötəriŋki* "приподнятый" в некоторых тюркских языках. Последнее, в свою очередь, — производное от *götər*-~*kötər*- (~*kötür*-) "поднимать; отнимать, отрывать" ... [16, с. 86—87, 88].

5. Можно отметить, что в обоих случаях (с *kījīn и *jūgān) не комментируется отсутствие в тюркских словах конечных гласных, имеющихся в их предполагаемых и.-е. прототипах, в связи с чем возникает вопрос, являются ли подобные различия в звуковом облике слов несущественными для предлагаемых выше этимологий.

Такой вопрос возникает, в частности, потому что иногда фонетическим различиям в статьях И.Н. Шервашидзе, напротив, придается роль решающего аргумента, в частности, если надо обосновать версию о заимствовании слова в противовес версии его исконного происхождения. К примеру, тюрк. *čātīr "шатер" относится к иранизмам, при этом отмечается, что такая этимология "связана с некоторыми трудностями (наличие перс. *-d*- при тюрк. *-t*- и не вполне определенное происхождение самой персидской формы...)". Далее И.Н. Шервашидзе приводит тезис (А. Вамбери, Ю. Немет) о производности тюрк. čatīr от čat- "складывать, прикладывать", но в заключение соглашается с мнением Г. Дёрфера, согласно которому "čatīr не может быть производным от čat- (ввиду различия гласных по количеству)" [9, с. 73].

Но если даже долгота в *čatīr — реальность, то это еще не причина, чтобы отвергать связь указанной тюркской глагольной основы и соответствующего имени, поскольку подобные различия гласных иногда встречаются и в других случаях: ср., например, туркм. *gīsga* "короткий" и *gīš-* "сжимать, сжинить". *daž* "наружность, внешний вид; двор, улица" и *daš-* "литаться наружу, через край; разливаться".

К тому же восстановливаемая и в случае *čatīr в немалой степени на основе туркменских данных (čadır "палатка, шатер") долгота не бесспорна. Ср. в этом плане данные тувинского языка, где в подобных ситуациях налицо фарингализованный гласный, который должен соответствовать первичным кратким, а не долгим гласным [32, с. 43—46; 33]: *ki'ska* "короткий; краткий", *da'zi-* "разливаться (о реке)", ča'dır (< *čatīr) "шалаш, чум".

Исходя из сказанного, *čatīr (не обязательно *čatīrl) — скорее всего, тюркское по происхождению слово, производное от čat- с указанной семантикой [у него зафиксированы также значения "складывать концом к концу, соединять (кон-

¹³ Возможно, структурно глагол *jūgde-* представляет собой производное слово, образованное при помощи афф. *-e-* от имени *jūgūn (< *jūg- в указанном значении).

чами)", "сооружать" и под.] и определенно родственное с такими словами, как чаг. *čaítu* "круг, поддерживающий юрту" [15, III, стб. 1895], тур. *çali* "сруб, каркас; кровля, крыша (покатая)", *çanik* "соединенный". Не исключено, впрочем, что в каких-то тюркских языках соответствия *čaítū могут быть и вторичными заимствованиями из персидского (как, возможно, туркм. *čädir*).

6. В целом фонетические признаки ранних заимствований, рассматриваемых И.Н. Шервашидзе, а также закономерности звуковых изменений, происходящих с соответствующими словами при их заимствовании, практически не изучены, а те типы изменений, что устанавливаются "по ходу дела"¹⁴, не всегда доказательны, что, кстати, иногда отмечается и самим автором. Так, в уже упомянутом случае со словом **katír* его иранский прототип (согд. **xarīt* [*xartar*]) содержит срединный -r-, в тюркском слове отсутствующий. По мнению И.Н. Шервашидзе, этот согласный мог подвергнуться диссимиллятивной элизии, в связи с чем читатель отсыпается к аналогичному случаю с **dämtir* "железо". Но в соответствующем месте сказано: "Проблему, однако, представляет утрата в тюркском срединного -r-: ожидалась бы форма типа **därmür* (**därmir*)", а в конечном счете "китайская этимология тюркского названия железа вполне вероятна, но еще не может считаться окончательно доказанной" [9, с. 62, 63]. Думается, что в этом автор как раз прав, и тогда убедительно объяснить элизию -r- в том и другом случае едва ли возможно.

Нельзя считать доказанной и возможность передачи кит. -n через тюрк. -r-. Так, автор сопоставляет тюрк. *bakır* "медь" со ср.-кит. *bōkì-pín* "серебро; серебряные деньги" (букв. "белое серебро"), но если переход -n>-r здесь считается возможным, то, как признает автор, объяснить отсутствие срединного -r- в тюркской форме непросто, а потому "данное объяснение слова может оказаться не единственным возможным" [9, с. 57]. Кстати сказать, и семантический переход "серебро"—"медь" также не вполне понятен.

Сходная ситуация наблюдается и со словом **gür(>kür)* "смелый, отважный", которое, с учетом той же возможности передачи -n- через -r-, сопоставляется со ср.-кит. *kǐn*/совр. *jǐn* "государь, владетельный князь, сюзерен, глава, правитель, владыка" [9, с. 64]. Однако изменения в семантике китайского слова (титула) на тюркской почве не выглядят сколько-нибудь убедительно. К тому же они не показательны для заимствований, определенно восходящих к китайским титулам [9, с. 68—70] или, по крайней мере, возводимых к ним в рассматриваемых публикациях [9, с. 57—58; 10, с. 83—86], где титулу соответствует обычно именно титул, но не слово с иной семантикой.

В случае *čär-ig "войско" фактически имеется удовлетворительная тюркская этимология, связанная с именами А. фон Габэн и М. Рясиенса и упоминаемая И.Н. Шервашидзе. М. Рясиенс приводил, в частности, телеут. čär-, čär-id- "сражаться", а также чаг. čär-đn- "усиливаться" (по материалам В.В. Радлова), и ясно, что čär-ig является производным от глагольной основы типа čär-.

И.Н. Шервашидзе, опираясь на случаи **bakır* и **gür*, считает возможным сопоставить тюрк. čär- со ср.-кит. čeíl "война; бой, сражение, битва, схватка; вести войну (бой, сражение)..." [9, с. 61]. Но на указанных случаях основываться несправедливо, поскольку в них передача -n- через -r- не доказана. Кроме того, автор, ссылаясь на работу Э. Пуллиблэнка, упоминает о передаче иноязычного -r- через -l- в ранних китайских транскрипциях [9, с. 57, примеч. 6], и может возникнуть вопрос, не имеем ли мы дело в ситуации, описанной выше, как раз с переходом r>n, т.е. с заимствованием из тюркского в китайский.

Более вероятной представляется передача в тюркских словах кит. -n- через -l-, но и она, думается, есть скорее исключение, чем общее правило. Переход -r->-l отмечен в одном из китайских титулов, фигурирующих в древнетюркских текстах и отсутствующих в современных тюркских языках,

¹⁴ Главным образом для слов, относящихся к китайским заимствованиям

а именно в титуле *qipçij* [9, с. 69], при том, однако, что в других подобных титулах, приводимых тут же, кит. -*η* передается тюркским же -*η* (тигулы *ođ, səđη* // *säđüm, tutη*) [9, с. 69–70].

В остальных случаях переход -*η*>-*n* вызывает сомнения, как, например, в связи с этимологией тюрк. **altun*/**altin* "золото". И.Н. Шервашидзе придерживается точки зрения, согласно которой это слово является результатом сложения основ, в первой из которых видят тюрк. **al* "красный, рыжий, розовый", а в другой — слово, обозначающее металл (в частности, медь) и являющееся китайцем. По его мнению, прототипом второго компонента тюркского слова является ср.-кит. *dui* "мель, бронза латунь", а в целом **altun* — калька (точнее — полукалька) со ср.-кит. *čhek-dui* "красная мель".

Г. Дёрфер по поводу подобной этимологии **altun* высказал довольно существенное возражение относительно возможности сочетания тюркского *al* с не употребляемым в тюркских языках названием металла, но это возражение некоторым его оппонентам не представляется убедительным [34]. Нам же неубедительным представляется здесь само калькирование, при этом характеризующее обычно результат письменного, чем устного заимствования, тем более что, по мнению автора, речь идет об одном из древнейших заимствований (III—IV в.н.э.) [9, с. 71].

Фонетическое изменение *al-dui*>*altun*~*altin* выглядит также сомнительно, во-первых, в плане преобразования -*η*>-*n*. Сонант *η* в тюркских языках достаточно древен и относительно устойчив, особенно в конце слов, а также слогов [35, с. 303, 343—344], и в рассматриваемом случае он, скорее всего, должен был сохраниться. Во-вторых, неясно соответствие кит. -*d*— тюрк. -*t*: следовало бы ожидать, вероятнее всего, нечто вроде **aldun*, но не **altun*¹⁵.

Переход -*η*>-*n* предполагается еще в конце слова в тюрк. **ilsij* "наследство, приданое" <ср.-кит. *ji-p-ččā* "сопровождающий невесту (в качестве части ее приданого, например, о служанке)" [9, с. 64], но и это сопоставление, довольно любопытное, также недостаточно убедительно, тем более что в этом случае имеется собственно тюркская этимология Э.В. Севортияна [2, с. 361—362], не рассматриваемая И.Н. Шервашидзе. А между тем несмотря на то, что в этой версии можно отметить некоторые уязвимые моменты и что здесь возможны уточнения, в целом она позволяет объяснить форму тюркского слова более логично, не прибегая к определенным натяжкам, каковым представляется не только переход -*η*>-*n*, но и появление узкого конечного гласного на месте кит. -*á*.

Поскольку в целом изменение -*η*>-*n*, а в особенности передача кит. -*n*- через -*t*- не доказаны, нет оснований и для датировки (более ранней) тех китайцев, которым приписываются соответствующие переходы согласных (см. [9, с. 71]).

7. Далеко не всегда можно согласиться с утверждением автора, что с иноязычными словами сопоставляются тюркские слова в исходной, первоначальной форме, а не их вторичные фонетические варианты. Так, у названия серебра праформа восстанавливается с традиционным "ламбдаизмом" (**gütǖl*), в то время как вариант *kütǖl* истолковывается как вторичный, производный от **gütǖl* [9, с. 63], что в настоящее время нельзя считать бесспорным (см., в частности [34, с. 357—360]). "Трудности... фонетического порядка" при сопоставлении тюркского слова с кит. *kim-liew* усматриваются только в том, что "не совсем ясна причина метатезы во втором слоге" [9, с. 63], хотя эти трудности не сводятся к указанной метатезе.

¹⁵ Нельзя ли предположить, что **altum*~**altin* является в конечном итоге результатом собственно тюркского аффиксального словообразования от *al* "красный" и что оно гомогенно таким словам, как чаг. *altaj* "род лисицы, из которой делают щубы", "красноватый, золотистый" ([15, I, стлб. 403]; ср. также это слово в форме *altash* [36]), каз. диал. *altal* "красивый, красный цвет" [37]? Возможно, существовал глагол **al-i-t-*, где -*i*- — афф. глаголообразованич, а -*t*- — афф. хаузатива или формант с учащательно-интенсивным значением. В таком случае *altum*<*alut*-+*-səjñ* См. также ниже наши замечания относительно происхождения слова *alma* "яблоко".

Тюркское название утки, праформа которого представлена в виде **ördök* (**ördök*), сопоставляется, вслед за некоторыми другими исследователями, с и.-е. **arōd-* // **erōd-* "водяная птица" [9, с. 82], причем остаются неясными как фонетические различия сравниваемых слов, так и различия в их структуре. Относительно последних сказали только, что "в тюркском основа оформлена обычным именным суффиксом", что далеко не проясняет дело.

Вместе с тем исходная форма тюркского слова пока, в свою очередь, не совсем ясна и вполне может быть представлена иначе, чем в [9]. Например, Г. Дёрфер, а вслед за ним — Э.В. Севорян более вероятным считают *ördök* из *öderek* / *ödrek*. Сходным образом рассматривается исходная форма и К. Менгесом [2, с. 548].

Едва ли следует так уверенно, как это делает И.Н. Шервашидзе, относить варианты типа **ödirök* к вторичным. Для этого не имеется достаточных оснований¹⁶.

Случай, когда с иноязычным словом сопоставляется не первичный фонетический вариант слова, возможно, представляет собой и название слона в форме *jaya(n)*. Исходную пратюркскую форму И.Н. Шервашидзе реконструирует в виде **jāpa*, которую он считает оправданным сравнить со ср.-кит. *zjāp* "слон" и у которой начальный *ž*- восстанавливается, исходя из монг. *žaعال* "слон", что не совсем логично, поскольку выше сказано, что монгольское слово является тюркским заимствованием [9, с. 65]. В связи с этим небезынтересно замечание о том, что "для монгольского *žaعال* из-за начального *ž*- при заимствовании не исключено посредство тюркского ж-диалекта" [38, с. 60]. Таким образом, *ž*-, скорее всего, вторично по отношению к *-j*. Структурно неопределенной в этой версии выглядит и конечная часть тюркского слова *[-a(n)]*.

Можно согласиться с Дж. Клоссоном, что слон для древних тюрков был животным экзотическим, и это обстоятельство в определенной мере объясняет довольно разнородные сопоставления тюркского названия слона, которые присутствуют в современных публикациях. Помимо вышеупомянутого случая, это слово сближается с ток. А *onkalat*, *onkolmo* "слон", причем указывается, что здесь "вероятно происхождение из субстратного австроазиатского слова, ср. др.-кит. *ya<*ng(r)a* "бивень слона", протомонг. **ngo'la* "бивень слона", вьетн. *ngà* "слоновая кость" [8, с. 102]. Надо, однако, сказать, что это сопоставление сталкивается с проблемами структурно-фонетического плана.

Любопытно также сравнение варианта *jaya*, характерного для древнеуйгурских памятников, с скр. *läga* "змея; слон". По мнению исследователя, при адаптации слова могли произойти замещение анлаутного *-i* через *-j* и, одновременно, — назализация срединного гуттурального: *-y->-y-* [38, с. 60].

Изменения в анлауте вызывают сомнения, но переход интервокального *y>y* представляется достаточно вероятным, особенно если предположить, что исходной формой слова была **jaya* и что этот переход отражает ассимилирующее влияние конечного *-i*.

Таким образом, вышеупомянутые сопоставления уязвимы с фонетической, а отчасти и с других точек зрения. Неприемлемо, как правильно отмечает И.Н. Шервашидзе, и сопоставление со словами греческого языка, проводимое М. Рясиенном [9, с. 65].

В то же время исследователями далеко не в полной мере использованы возможности выяснения происхождения слова, исходя из материалов тюркских языков, хотя такие возможности существуют. Так, в цитированной выше статье "Этимологического словаря тюркских языков" допускается, что тюркское на-

¹⁶ Тюркское слово имеет ряд фонетических и, возможно, словообразовательных вариантов (см. [2, с. 547–548]). Вероятно, оно, как и ряд других названий птиц, связано с звукоподражательной основой или с глаголом, обозначающим соответствующие звукоизвлечения. Не исключено, что последний родственен общетюркскому **el-~*et-* "петь" (о птицах); "куковать"; "стремкотать"; "квакать" и т.п., а также соотносительному с последним имени типа др.-турк. *el* "голос".

звание слова может быть эвфемизмом. Кроме того, есть рациональное зерно и в идентификации М. Рясиенном *jagan* "слон" с алт. *d'ān* "большой, громадный" (< **jaγan*);ср. также сочетание *jāñ aŋ* "слон" [38, с. 60] (букв. "большой, громадный или великий зверь"). Вполне вероятно, что это и было первоначальное, эвфемистическое название слона, которое, таким образом, восходит к сочетанию качественного прилагательного и определяемого им существительного и является результатом субстантивации. Такие случаи весьма характерны для тюркских языков [39]¹⁷.

С учетом этих обстоятельств, а также принимая во внимание вероятность в пратюркской форме названия слова интервокального -*u*- (**jaγan*), представляется допустимым сближение этого слова с общетюрк. *jayirin* (варианты *jaγir* ~ *jayri* и т.д.) "верхняя часть спины", "плечо", "лопатка", "хребет", "холка, загривок"... которое, правда, не имеет ясной этимологии [38, с. 65—67], но в нем, как и в **jaγan*, возможно вычленение глагольной основы **jaγ(a)*- "подниматься (выдаватьсь, выпирать и под.)" < **jay* (?ср. туркм. *jāy-la-w* "выступ на ноже между лезвиями и рукояткой")¹⁸.

8. В ряде случаев со словами других языков сопоставляется единственный структурно-морфологический (словообразовательный) вариант тюркского слова, в то время как существуют и другие варианты, образованные при помощи иных формантов, но такие варианты не принимаются во внимание вообще или не учитываются должным образом.

В этом плане характерен случай с тюрк. **kalıq* (**kalım*) "калым, выкуп за невесту", возводимым к ср.-кит. *kà-let* "приданое" (букв. "ящик с приданым"). Однако далее отмечается: "При этом причина появления в древнетюркском варианта с конечным -*u* остается не вполне ясной и требует специального обоснования" [9, с. 67].

Надо сказать, что вариант с конечным -*u* (*kalıq*) является не только древнетюркским: он отмечен и в современных языках (см., например [15, II, стлб. 242]). Кроме того, в специальном обосновании (разъяснении) нуждается не только он. Того же требует и *xalıx* "калым", употребляющееся в хакасском языке наряду с *xalım* и *xalıq*.

Конечные согласные -*n*, -*m*, -*x* (<-*k*) (вероятно, с примыкающим узким гласным -*i*) едва ли имеют чисто фонетическую природу; скорее всего это различные словообразовательные форманты тюркских языков, с помощью которых образуются, в частности, отглагольные имена. В данном случае производящей могла быть основа **kal-* "увеличиваться, прибавляться" (ср. туркм. *gal-* "подниматься; увеличиваться, прибавляться; повышаться; подорожать, стать дороже" и *galıq* уст. "выкуп").

В свою очередь **kal-* могло быть залоговой формой от *ka-* (др.-тюрк.) "класть, складывать", а с названием калыма, вероятно, гомогенны др.-уйг. *kar* (?<*ka-*) "налог, подать" [40], др.-тюрк. *kalan* "калан, основной налог с земледельческого населения" (и его современные соответствия), *kalay(y)ig-* "увеличиваться, умножаться", *kalıqurt-* "увеличивать" [28, с. 410—412].

Рассмотрим в этом же плане предполагаемый китайизм тюрк. **ug* "дугобразно согнутые палки, подпирающие крышу юрты", который, как считает И.Н. Шервашидзе, восходит к ср.-кит. *'uk* "комната, помещение; дом, здание, жилище; крыша (дома); верх (экипажа); покров, балдахин; покрышка".

¹⁷ Такое же семантическое развитие имело место, скорее всего, в случае **hāj* "богатый" (а также "богач", "богатство" и др.), которое И.Н. Шервашидзе считает вероятным заимствованием из ср.-перс. *bāy* "бог; господин", указывая при этом что «семантическое развитие "бог" → "богатый"/"богатство" — довольно обычное явление ...» [9, с. 72]. Но, думается, что более прав Э.В. Севорянин, полагающий, что «древнейшим значением (тюркского. — Т.Б.) слова *baj* является адъективнос 'богатый'» [14, с. 28].

¹⁸ Ср. также туркм. *jāyrgı* "лопатка" [32, с. 61].

Про тюркское слово сказано, что оно слабо представлено в современных языках [9, с. 69]. Это не вполне соответствует реальности: судя, к примеру, по данным словаря Э.В. Севорянна, в этом случае не ученым автором, соответствия слова *ig* распространены достаточно широко (см. [2, с. 583]). Отмечены, в частности, в основном варианты с конечным *-k*, а конечный *-g (-y)*, кроме др.-турк., отмечен еще у чаг. *ig* "шесты, образующие крышу юрты" и у узб. диал. *ig* "жердь, скрепляющая нижнюю часть юрты с ее верхним ободом", где обращает на себя внимание долгота гласного [ср. также туркм. *ik* "длинные деревянные вогнутые жерди, на которых держится верх кибитки", кирг. *ik* "унйна (жердь купола юрты)"].

В названном источнике отмечены также двусложные соответствия типа каз., ккалп. *iwîk* "унйна, унини" возведимые Э.В. Севорянном к **iyuk* (**iyîk*), а с последними, как он предполагал, при определенных условиях можно связать форму (вернее, формы?) с долгими гласными [2, с. 583].

Приводимые выше материалы представляют основу для определенных выводов. В частности, едва ли можно отрицать гомогенность этих слов (в том числе двусложных и односложных). Далее, двусложные формы невозможно сопоставлять с кит. *'uk*, как, впрочем, и односложные формы с долготой гласного, которая при таком сопоставлении не поддается объяснению.

Различия в вокализме дву- и односложных форм могут иметь как фонетическую, так и структурную природу. С одной стороны, вполне вероятно, что, как предполагал Э.В. Севорян, долгота может быть вторична, а с другой — допустима и ее "первичность" (например, в случае туркм. *ik*).

Конечные согласные скорее всего восходят к известным тюркским словообразовательным формантам *-g* и *-k*, модели с которыми характеризуются частичным параллелизмом [27, с. 214].

Можно предположить, что двусложные варианты рассматриваемого названия есть имена, образованные от глагольной основы, типа тув. *iy-* "поднимать, быть в состоянии поднять", тоф. *iy-* "поднимать очень тяжелый груз"¹⁹. Она сопоставляется с др.-турк. глаголом *i-* "мочь, быть в состоянии что-либо сделать" [41], у которого отмечено также значение "выносить, выдерживать" [28, с. 603] и, кроме того, первичная долгота [32, с. 198]. Возможно, к подобному глаголу могут восходить некоторые односложные варианты названия части юрты (например, чаг. *ig*, возможно, туркм. *ik*).

Иногда словообразовательные варианты могут встречаться очень редко, эпизодично, на периферии тюркских языков, но и в подобных случаях наличие таких вариантов позволяет скорректировать представление о происхождении слова. Ср. в этом плане тюрк. **jamat* "дурной, плохой", которое И.Н. Шервашидзе, внося уточнение в этимологию Г. Рамстедта, считает возможным заимствованием из ср.-кит. *ja-tqñ* "дикий, варварский; некультурный" [9, с. 64].

Вместе с тем у тюрк. *jamat* есть не вызывающий сомнений вариант: башк. диал. *jamat* "плохой, дурной" (см. [38, с. 110], где, согласно одному из предложений, производящая основа слова *jamat* представлена в **jay* "чужой, находящийся во вражде").

Эта версия небесспорна по фонетическим соображениям. Вместе с тем наличие словообразовательного варианта *jamat* делает сомнительной и трактовку *jamat* как кигаизма. Возможно, *jamat* гомогенно с др.-турк. *jam* "сор, соринка", тув. *čam* "сор, соринки (плавающие на поверхности воды)"²⁰.

В структурном плане вызывает претензии и сопоставление тюрк. **alači* "шатер"

¹⁹ Иначе предполагаемая производящая основа слова реконструируется в работе А.Т. Каидарова [23, с. 293].

²⁰ Допустима, на наш взгляд, также связь с глагольной основой *jam-* в составе имен типа *jamič* "пах" и *jamdu* "нижняя часть живота". Предполагается, что эта же основа представлена в таких производных, как *jamat* "склон горы", *jamil-* "сгибаться; скривляться", *jamik~jatik* "перекошенный, искаженный" [38, с. 110—111]. Последнее уже достаточно близко к вышеприводимому *jamat*.

со ср.-кит. *lō-sá* "хижина; шалаш в поле..." (заимствование датируется предположительно IV в. н.э.). Про тюркское слово сказано, что оно не имеет "надежной этимологии" [9, с. 55], но это следует в определенной мере считать преувеличением, поскольку, в частности, Э.В. Севорян достаточно убедительно показал структурность данного слова и его морфологическую многовариантность [2, с. 130—131], в которую не укладывается приведенная этимология.

Правда, следует признать, что предлагаемая Севоряном этимология не доведена до логического завершения и в некоторых деталях спорна, но она тем не менее вполне может служить основой объяснения происхождения тюрк. **alacı*, исходя из данных тюркских языков.

Из сказанного ясно, что случаи, которые не согласуются со структурно-морфологическим варьированием слов в тюркских языках, в статье И.Н. Шервашидзе немало. Вместе с тем автор не всегда четко разграничивает варьирование словообразовательное, структурное, с одной стороны, и собственно фонетическое, — с другой, что можно продемонстрировать на примере с тюркским словом, обозначающим кобылу. Исходная форма его реконструируется как **bij(a)/*bāj(a)* (ср. у А.М. Шербака — **pā*) и возводится к ср.-кит. *bī*/совр. *pīn* "самка (животного)" [9, с. 58—59].

Исходная форма слова исследователям неясна, и не случайно, что, например, Э.В. Севорян вообще не дает своего варианта его праформы.

И.Н. Шервашидзе опирается на кыпчакские формы типа тат. *bijä*, ног. *bije* и фактически подходит к односложным вариантам (*bi*, *bā* и под.) как к вторичным. Между тем не доказано, что последние представляют собой результат развития двусложных или, по крайней мере, "готовых" односложных форм. В возможности такой интерпретации форм типа *bi* выражал свое сомнение Э.В. Севорян, обращавший внимание на историческое соотношение *bije* — *bī(~be)* и констатировавший, что первая из этих форм отмечается не раньше староузбекских текстов, в то время как *bi* зафиксировано в столь раннем памятнике, как "Гадательная книжка", и повторяется в старых текстах вплоть до Ибн Муханны. Далее, Э.В. Севорян допускал что *bije* является производной основой от *bi* или *be* [14, с. 133]. С этим в принципе следует согласиться, тем более, что трактовка односложных форм с конечным гласным как результата фонетической эволюции форм двусложных (элизия интервокального *-j-*) для древнетюркских памятников не убедительна.

Надо сказать также, что и возведение тюркского слова к ср.-кит. *bī* мало что объясняет в структурно-фонетических характеристиках этого слова как в односложных, так и двусложных его вариантах. Характер внешнего сходства китайского и тюркских наименований таков, что пока трудно судить, какова природа этого сходства. Этимология тюркского слова (точнее — слов) пока остается непоясненной.

9. И.Н. Шервашидзе в достаточной мере не анализирует морфологическую структуру рассматриваемых им тюркских слов, а те их компоненты, которые явно могут быть деривационными формантами, предстают у него нередко как некие добавления неясного характера, вообще не принимаемые во внимание. Это было отмечено, например, при рассмотрении тюркского названия слона, но подобный случай — не единственный.

Так, одно из названий молотка представлено в формах **čākīč* (**čākīk*), но почему-то фактически они обе возводятся к исходной форме **čākīč*, а последняя без каких-либо сомнений объявляется заимствованием из ср.-перс. *čākič* "молоток, молот", которое, в свою очередь, сопоставляется с авест. *čākič-* "молот для метания; (боевой) топор для метания", и.-перс. *čākič* "молот(ок)" [9, с. 73—74].

Но как быть со второй из восстанавливаемых автором праформ тюркского слова — **čākīk?* О ней ничего не говорится: она как бы просто отброшена. А ведь эта форма не сводима к **čākīč*. Здесь скорее всего самостоятельное производное от той же основы, что была производящей и для **čākīč*.

Едва ли можно уверенно говорить о том, что тюркское слово заимствовано из перс. *čākič*. М. Рясиен предполагал здесь обратное заимствование [42, с. 103].

Вполне допустимо, что тюрк. *čākīč одноструктурно с такими явно тюркскими по происхождению словами (названиями орудий), как тур. *tokaç*, азерб. *toxāç* "колотунка, валек для белья" (<*tok-* "быть"), тур. *dövüç* "валек; пестик" (<*döv-/dög-* "быть, колотить") [27, с. 270, 271]. Слово *čākīč, как и *čākūk, может быть производным от тюркской глагольной основы čāk-~ček- "тянуть, тащить", а также "быть, ударять, колотить";ср. также кирг. *tegirmen* ček- "ковать мельничный жернов".

Сходным с рассмотренным можно считать и случай *kōrūr (// *kōr(i)rūr) "мост". Это слово относится, неизиная на критику Г. Дёрфера, к числу греческих заимствований и сопоставляется с др.-греч. γέφυρα "мост", н.-греч. γέφυρα тж. "Греческая этимология слова... представлена довольно убедительной", хотя "некоторые фонетические детали и здесь остаются неясными (причины оглушения начального согласного, отпадения конечного гласного)" [9, с. 79]²¹.

Добавим, что нам неясно и появление во втором варианте праформы конечного -(i)g, как неясен (исходя из предлагаемой этимологии) и статус этого компонента (фонетический или морфологический).

Можно, однако, предположить, что *kōrūr и *kōr(i)rūr имеют не фонетические, а структурные различия: например, первый вариант, вероятно, — производное на -(i)r от глагола в основной форме (*kōr(i)-), а второй — производное на -(i)g от глагольной основы в форме каузатива (*kōrūr-).

По мнению Г. Дёрфера, исходной могла быть глагольная основа kōr- "пинуться". Мотивируется это тем, что название моста первоначально могло относиться к какому-то виду понтона [4, III, с. 587].

Однако такая версия не имеет убедительного семантического подтверждения. Другие значения слов, являющихся соответствиями тюркского названия моста, не поддерживают предлагаемой Г. Дёрфером первоначальной его семантики: ср. такие значения, как "плотина, дамба", "скоба, зажим" и (в сочетаниях) "ремень (пряжки)", а также тел. *kötür* (<*kōrūr*) "узкое, обрывистое место на вершине горы" [15, II, стлб. 1313, 1321; 42, с. 292].

В этих значениях явно прослеживается общий компонент "нечто узкое, длинное и служащее для связи, соединения". Возможно, первоначально и мосты представляли нечто подобное, например, переброшенное через реку дерево, жердь, веревку и т. п. (ср. хак. диал. *kōbiriki* "мостки, перекладина через ручей или топкое место").

Направливается сопоставление с туркм. *kōri* (*kōr-i*) "нитка для шитья верблюжьего седла", *kōre-* "прошивать, стегать", башк. диал. *kibē-* тж., тур. *kōrile-* "стегать (матрац и т.п.)", где можно вычленить и глагольную основу *kōr- "связывать; соединять", и соотносительную с последней именную *kōr "связывающее, связка". Название моста в принципе может восходить к любой из них (с определенными структурными, но не фонетическими различиями). Ср. также якут. *kōrbə* "сплетенная из тальника вязка (крепление)" и *kōbdöök* диал. "ремень для скрепления лямки с поясом в оленей упряжи" [44, с. 115].

Иногда в тех ситуациях, когда в составе тюркских слов оказываются такие компоненты, которые выглядят как бы "лишними", избыточными по сравнению с их предполагаемыми иноязычными прототипами, И.Н. Шервашидзе констатирует наличие "словообразовательных сложностей", хотя и не указывает, как эти сложности преодолевать. Таков случай с названием кувшина, исходные

²¹ С фонетическими трудностями сопряжена и предшествующая этимология, где, вслед за К. Менгером, предполагается связь тюрк. *idiš* "сосуд" с греч. δίκος "блюдо" [9, с. 79], но, где, думается, можно видеть производное от глагола типа др.-турк. *idi-* "собирать" [28, с. 203]. В плане семантики ср. русск. сосуд, судно с первичным значением "вместилище, составленное из частей" [43].

формы которого выглядят как *kūdāč (*ködāč) // *küzdāč [9, с. 76], причем, судя по информации, даваемой там же, *küzdāč оказывается наиболее древней формой (представлена в др.-турк. предположительно с VIII в., а определено — с XI в., но уже наряду с диал. kūdāč), тогда как "современные формы (в основном северо-восточные) восходят к *kōdāč" [9, с. 76] (точнее, к *ködāč [42, с. 286]).

"Для этого слова предполагается иранский источник...", и оно сравнивается, в частности, с «н.-перс. kūza "глиняный сосуд, кувшин..." ... согд. ks' "чаша, кубок» [9, с. 76].

Отметим, что среди чередующихся в ряде тюркских слов интервокальных согласных *d~z~j* наиболее древним признается *d(b)*, а в рассматриваемом случае таковым фактически оказывается *z*, что аномально. Здесь памятниками оказались зафиксированными вторичные, по-видимому, иранизованные варианты тюркского слова (в особенности — *küzdāč*), каковые следует исключить из числа исходных форм. Иранское влияние отразилось не только на форме, но и на семантике древнетюркских слов, означающих "кувшин".

Вероятно, ближе к исходной форме современные корреляты слова типа *kōdāč, сохраняющие, судя по всему, и первоначальное значение — "горшок" (см. [42, с. 286]), а соответствующая реалия могла быть названа по своей форме.

Можно предположить, что это название — отлагольное имя, гомогенное с производными от глагола *gōl- ~ *kōl-, вычленяемого в таких словах, как *gödeк* ... "неуклюжий; низкий, низкорослый", *göde* "низкорослый, полный, пузатый". Эта глагольная основа имеет и двусложный вариант *gō-de-, одним из производных от которого считается тур. диал. *gödele* (<*göde-le*)²² "низкий и широкий в боках глиняный кувшин" [16, с. 59].

С *kōdāč сопоставимы тюрк. *göveč* ~ *gүveč* и под., представляющие собой также названия горшков и других видов глиняной посуды. Их этимология не дается [16, с. 53—54], но по аналогии с предшествующим случаем можно допустить, что они гомогенны с такими анатомическими названиями, как *gövde* ~ *gövre* ... "туловище; туша; грудь (бюст); живот" [16, с. 52—53].

²² Вероятно, структура этого слова может быть представлена в виде *gode-l-e* (ср. тур. диал. *gödel-* "выпичивать, опухать" [16, с. 59]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добродомов И.Г. Булгарские заимствования в древнерусском и других славянских языках как источник для проблемы этногенеза чувашей // Вопросы истории чувашского языка. Чебоксары, 1985. С. 31.
2. Севорян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
3. Рона-Таш А. Алтайский и индоевропейский // ВЯ. 1990. № 1.
4. Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neopersischen. Bd I—IV. Wiesbaden, 1963—1975.
5. Хелимский Е.А. Решение дилеммы пратюркской реконструкции и иостратика // ВЯ. 1986. № 5. С. 72—73.
6. Щербак А.М. // ВЯ. 1989. № 6. С. 135. Реп. на кн.: Doerfer G. Mongolo-Tungusika. Wiesbaden, 1985.
7. Базарова Д.Х., Шарипова К.А. Развитие лексики тюркских языков Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1990. С. 146.
8. Иванов Вяч. Вс. К проблеме тохаро-алтайских лексических связей // ВЯ. 1988. № 4.
9. Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // ВЯ. 1989. № 2.
10. Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулatura // ВЯ. 1990. № 3.
11. Еремеев Д.Е. "Тюрк" — этоним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков) // СЭ. 1990. № 3.
12. Баскаров Н.А. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // СТ. 1987. № 5.
13. Дибо А.В. Заимствования из уральских языков в анатомической лексике алтайских языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. I, М., 1989.
14. Севорян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б". М., 1978.
15. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I—IV. СПб., 1893—1911.

16. Севорян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г" и "Д". М., 1980.
17. Тенишев Э.В. Стой саларского языка. М., 1976.
18. Рона-Таы А. Проблемы перенодизации и источники истории чувашского языка // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980.
19. Охегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 56.
20. Мухаммед Якуб Чинги. Келур-наме (Староузбекско-таджикско-персидский словарь XVII в.) / Введение, транскрипция и перевод текста, глоссарий, лексико-грамматический очерк, грамматический указатель Ибрагимов Й.А. Ташкент, 1982. С. 72, 115.
21. Этимологический словарь славянских языков. М., 1981. Вып. 8. С. 133.
22. Уйгурско-русский словарь / Сост. Наджип Э.Н. М., 1968.
23. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986.
24. Clauson G. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.
25. Татаринцев Б.И. Об этимологии некоторых предполагаемых заимствований и алтанизмов // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 1990.
26. Щербак А.М. К вопросу об отдаленных связях тюркских языков // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989. С. 160.
27. Севорян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
28. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
29. Бирюкович Р.М. Лексика чулымско-турецкого языка. Саратов, 1984. С. 75.
30. Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957. С. 45.
31. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. М., 1991.
32. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
33. Татаринцев Б.И. К вопросу о соответствиях типа "Фарингализация — первичная долгота" // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
34. Цинцину В.И., Бугаева Г.Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
35. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
36. Боровков А.К. Баðäñ' 'ал-луðt'. Словарь Тэли' Имäñй Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961. С. 75.
37. Айтножлов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. 1. Алма-Ата, 1959. С. 355.
38. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Жу", "Ж", "Й", М., 1989.
39. Татаринцев Б.И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М., 1987. С. 131 и сл.
40. Тенишев Э.Р. Хозяйственные записи на древнеуйгурском языке // Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965. С. 54, 65.
41. Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофигарского языка. Улан-Удэ, 1971. С. 236.
42. Rätzepen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
43. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 431.
44. Диалектологический словарь якутского языка. М., 1976.

(Окончание следует)

© 1993 г. МОИСЕЕВ А.И.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (ПАУЗА — ПАУЗА)

Фонетический термин *пауза* можно считать общепринятым: он широко и свободно используется в научной и учебной лингвистической литературе и отмечен не только в специальных (лингво-терминологических), но и в общих (толковых) словарях русского языка, в специальных и общих энциклопедиях. Но есть еще вопросы, связанные с этим термином, нуждающиеся в уточнениях как в историческом, так и в синхронном плане. Далее предполагается рассмотреть лишь некоторые из них: 1) этимология слова *пауза*, 2) его первое текстовое употребление и первая лексикографическая фиксация, 3) направления (сфера) специализации (терминологизации), 4) семантическое строение термина.

1. ЭТИМОЛОГИЯ: ИСТОЧНИК ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИСХОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Слово *пауза* заимствованное, но источник заимствования, а также исходная форма и ее значение определяются по-разному: 1) лат. (латинский язык): Яновский (при слове *павза* [1] см. далее), Гранат (без указания исходной формы и значения) [2]; 2) греч. (древнегреческий язык) — *pausis*. *Паусис* "прекращение": Даль (без указания формы и значения) [3], Ушаков (рацб "прекращаю, заставляю молчать") [4] и др.; [5—9(2), 10]; 3) лат. из/от греч. — *pausa*, *pausis*. *Паусис* "прекращение, остановка": Нечаев [11] Розенталь и др. [12—15, 9(1, 3), 16, 17]; 4) через нем. *Pause* из лат. *pausis* от греч. *Паусис* — "прекращение, перерыв" [18].

С учетом формальной, фонетико-орфографической стороны сопоставляемых слов наиболее приемлемым представляется объяснение п. 3) лат. из/от греч.: *пауза* < лат. *pausa* < греч. *παύσις*.

2. ПЕРВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ В ТЕКСТАХ И ПЕРВАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ. ПАУЗА И ПАВЗА

Первая лексикографическая фиксация слова *пауза*, согласно Справочному отделу [5], приходится на словарь 1847 г. [19]; первое (выявленное к настоящему времени) употребление в текстах (пока только лингвистических) отмечено у М.П. Переяллесского [20]. Текстовое употребление и лексикографическая фиксация, таким образом, полностью синхронны, поэтому приоритет и "авторство" выявить трудно. Впрочем, приоритет может быть обоюдный или раздельный, так как в тексте и в словаре оказались разные *паузы*, термины разной специализации: у Переяллесского, понятно, *пауза* с языковедческой специализацией (синтаксис и фонетика) [20], в [19] — *пауза* в музыке. Контекст Переяллесского: "Отношение повышения и понижения (в периоде. — *M.A.*) обозначается (т.е. выражается, эксплицируется. — *M.A.*) ударением и паузой" [20, с. 156]. Ударение определено как "повышение и усиление голоса" [20, с. 93]; толкование словаря (детализация значения пока не обсуждается): "Музыкальный письменный знак, означающий молчание, т.е. прекращение ... игры или пения..." [19, с. 164].

У термина *пауза* в сфере функционирования (лингвистические тексты) и в сфере фиксации (словари) был произносительно-орфографический вариант — *павза*, с той же в общем этимологией (см. далее). Первое (и пока единственное) упот-

ребление этого слова (термина) отмечено у Греча [21]. Первая (и тоже пока единственная) лексикографическая фиксация принадлежит Яновскому [1] (1803—1806 гг.). Здесь лексикография заметно опережает грамматистов, но соотношение по сфере употребления (по терминологической специализации) то же самое, что и у паузы у Яновского [1] "реч. муз." (речение музыкальное), "перемежка, остановка, отдых в музыке"; у Греча — грамматика (фонетика, в связи со знаками препинания в письме; синоним — умолчание): "Умолчание, павза при точке равняется четырем темпам или ударам" [21, с. 564]. Приоритет Греча, его "авторство" на лингвистическую паузу, таким образом, не подрывается.

У Яновского при паузе стоит пометка "лат.", но непосредственно греческий этимологический источник у паузы более вероятен, чем у паузы: русск. "в" более соответствует греч. ипсилону, чем лат. *v*, ср. εὐφωνία — эвфония, εὐαὔελον — евангелие и т.п. Впрочем, и лат. *Augustus* — август и под.

3. СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

В лексикографических справочниках пауза представлена по-разному: специализированно, с прикреплением к какой-либо специальной сфере употребления, и без такой специализации, "вообще" [5]. Резко преобладает специализированное, терминологическое (терминированное) представление паузы; это значение вариантино. Значение "вообще" можно считать инвариантным.

В предыдущем пункте отмечены лингвистическая и музиковедческая специализации термина пауза, но есть и другие его специализации. В целом пауза как термин отмечена в языкоznании, литературоведении, музиковедении, в театральном и военном деле, в медицине.

Конкретная специализация паузы отражена, конечно, прежде всего в соответствующих специальных терминологических словарях и энциклопедиях, но в той или иной мере она представлена и в общих толковых словарях, особенно значительных по объему — "больших", по классификации и терминологии С.И. Ожегова. Так, в [5] отражены четыре терминологических специализации паузы: языкоznание, музыка, литературоведение (стиховедение), театр ("сценическая пауза", за знаком Φ). Стоит обратить внимание на то, что только одна из этих специализаций (стиховедение) сопровождается пометой "спец.", — все другие в этом, видимо, не нуждаются: речевые и музыкальные паузы признаются явлениями общеизвестными. Три из четырех (по [5]) специализаций термина пауза (без "сценической паузы") выделены и в [4]. Специальной пометой и характером толкования снабжены две из них: "муз." и "в некоторых теориях стихосложения...". В другом современном словаре указаны лишь две специализации паузы — языкоznание и музыка, а выделяющая помета употреблена только при одной из них — "муз." [6].

В более ранних общих словарях была представлена только музиковедческая терминология паузы: *Пауза* [1, 19, 3]. Общие энциклопедии распределяются в этом отношении так: только "муз." [15, 2], "в музыке" и "в речи" в [9, (3); 17]. Медицинское осмысление паузы было отмечено в [14], но сам термин при этом дан только в латинской literации: *pausis* "временное прекращение боли" [14, с. 524].

Неспециализированное (нетерминированное), инвариантное значение слова пауза можно предположить как исходное: только оно представлено в этимологических справках к паузе: лат. *из/от греч. "прекращение, перерыв, остановка"*; оно преобладает и в переволнных латинско- и древнегреческо-русских словарях: *pausa* "остановка, задержка, прекращение, конец" [22]; *Пауф* — сдерживать, останавливать, прерывать, прекращать и др. [23].

Нетерминологическое значение паузы отмечается и общими толковыми словарями: в [4] и в [6] — как оттенок значения (за знаком //) при первом значении (пауза в речи), в [5] — как отдельное "номерное" значение. Инвари-

антный оттенок в обоих словарях сопровождается пометой "перен.": "// Перен. Вообще промежуток, перерыв. Разг." Пауза в переписке друзей (Ушаков); /// перен. Промежуток, перерыв между чм-л., в чм-л. Кидая письма в камин, я сожалел о них и не сразу бросал, а делал паузу... (Станиславский)" [6]. В [5]: "З. Вообще промежуток, перерыв в чм-л.. Однообразный труд страшно утомляет. Нужно (так. — М.А.) периодические паузы (Герцен)". По существу только инвариантное значение (по крайней мере без разграничения) указано в словаре Ожегова: "Пауза. Краткий перерыв в звучании, в речи, в работе и т.п." [24]. Еще более лаконично это было выражено в [14]: "Пауза, лат. pausa от греч. pausis, прекращение. Остановка".

Терминированное и нетерминированное, вариантное и инвариантное значение слов можно интерпретировать как первичное (исходное) и вторичное (переносное), но направления такого соотношения в хронологическом и функциональном аспектах могут оказаться разными: хронологически инвариантное, общее значение слова *пауза*, можно предполагать, предшествовало его вариантным специализациям (но в лексикографии это, однако, не отражено), функционально же в современном русском языке общее значение *паузы* в словарях [4, 6] представлено как переносное значение. Не исключено, однако, что и хронологически было так же: заимствованное (интернациональное) слово в языке-реципиенте может начать свою историю как раз с терминологического функционирования.

4. СЕМАНТИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ТЕРМИНА ПАУЗА (преимущественно в лингвистическом плане)

Семантическое строение термина *пауза* можно представить в виде нескольких семантических противопоставлений, оппозиций.

1) Перерыв, остановка.. — знак перерыва.

В общих толковых словарях эта оппозиция представлена только применительно к музикоедческому истолкованию *паузы*, и второй ее противочлен в семантическом плане описывается как оттенок первого (за //): "Ритмически упорядоченный перерыв в звучании (муз.)... // Знак для обозначения этого перерыва в нотах" [4]; так же в [5] и в [6]. В [9] и в [10] второе осмысление *паузы* (знак) введено с помощью оборота "а также", в [17] — через точку с запятой; "1) в музыке — перерыв в звучании..., а также знак в нотном письме, обозначающий этот перерыв" [9 (3); 16]; "1) (муз.) перерыв в звучании...; знак в нотном письме..." [17]. Здесь можно видеть переносное, именно — метонимическое значение: имя явления становится именем и условного обозначения, знака этого явления. Но то, что в современных словарях и энциклопедиях дается как оттенок значения, как нечто вторичное, в первых фиксациях *паузы* указывалось как единственное значение этого термина: "Пауза... Музыкальный письменный знак, означающий молчание, т.е. прекращение... игры или пения" [19]. Примерно то же в энциклопедиях [15; 2; 9 (1)]. Но это, по-видимому, лишь неадекватное отражение имевшейся семантической ситуации: вряд ли в действительности было так, что слово, в истоке своем означавшее "перерыв...", терминологически стало означать лишь знак перерыва и только потом — сам перерыв. Показательно, что при первой фиксации предшественника *паузы* — *паэзы* [1] отмечено было само музыкальное явление, а не письменный знак для его обозначения в нотной записи: "Павза — лат., реч. муз. Перемежка, остановка, отдых в музыке". У Даля оба значения *паузы* даны в одном ряду, в перечислении: "Пауза, греч. музык. Молчок, вымолчка, выдержка, знак молчанья и внезапная остановка" [3].

Значение "знак перерыва, остановки", вообще говоря, есть или возможно и в лингвистическом термине *пауза*, так как сами знаки имеются и используются в фонетической транскрипции текстов: (/), (//). Они именуются обычно с помощью составного термина — "знак (и) пауз(ы)", но в разговоре используется и просто "пауза".

2) Перерыв, остановка... — время, промежуток времени, занятый перерывом.

И здесь между противопоставленными семами можно видеть метонимическую связь: нечто, протекающее во времени, и время, занимаемое этим нечт. Но эти два значения (или значение и его метонимический оттенок, в отличие от "перерыв" и "знак перерыва") фиксируются в словарях только порознь и потому находятся, так сказать, за порогом лингвистического сознания; на них еще не обращено внимания, они не осознаны и не сопоставлены между собой. Впрочем, второе, темпоральное осмысление паузы в литературе представлено, кажется, лишь эпизодически. Наиболее отчетливо оно сформулировано вне лингвистической терминологии, при разъяснении составного военного термина "оперативная пауза": "Пауза оперативная, промежуток времени между последовательными наступательными операциями" [25]. Но это значение просматривается и в истолковании составного же лингвистического термина "Внутренняя пауза" в словаре Хемпа: "Внутренняя пауза... Воспринимаемый интервал времени, в течение которого ни один из речевых органов не артикулирует..." [26, с. 47]. "Внешняя пауза" толкуется в этом отношении обычным образом: "Отсутствие речи до или после высказывания" [26, с. 46]: это уже не интервал времени, а нечто, занимающее такой интервал. И это, конечно, разные значения: нечто, протекающее во времени (перерыв), и время, занятое этим процессом, — не одно и то же. Более наглядно это можно видеть на примере не временных, а пространственных сопоставлений: доска (длиной) в 1 м и длина (доски) в 1 м.

Пауза (в речи, в музыке и т.п.) — прежде всего, конечно, сам перерыв в процессе, в протекании речи или музыки. И если термин *пауза* может, метонимически, обозначать и промежуток времени, интервал времени, то это надо понимать и представлять как новое, другое значение (или оттенок значения), а не соскальзывать, незаметно и безотчетно, от одного значения к другому.

3) Остановка, прекращение, конец — перерыв, разрыв...

В этимологических справках значение слова *пауза* обычно раскрывается как "прекращение", часто добавляется еще "остановка" [13; 9(3); 17; 10] и даже как "конец" [18]. Но *прекращение* (по [6]) — это действие по значению глагола *прекратить* — *прекращать* и *прекратиться* — *прекращаться*, а глагол *прекратить*, в свою очередь, значит "положить конец чему-л."; *остановка* тоже означает прежде всего "прекращение". *Пауза* же — не прекращение чего-либо (речи, пения и т.п.), а лишь временный перерыв, приостановка процесса. И весьма показательно, что слово *временный* — почти непременный элемент толкования слова *пауза*, а слово *прекращение* при этом в ученых источниках почти не используется. Хороший подбор идентификаторов *паузы* дан в [4, с. 70]: "Временная приостановка, задержка, перерыв в речи...". Иначе, не через значение идентификаторов, а описательно это было подчеркнуто еще в словаре первой фиксации *паузы* (1847), хотя там *пауза* была подана лишь как "музыкальный знак": "Пауза... Музыкальный письменный знак, означающий молчание, т.е. прекращение на определенное время игры или пения в продолжении самого исполнения музыкальной пьесы" [19, с. 164]. Это относится и к *речевой паузе*: *речевая пауза* — это не прекращение речи, а ее составная часть; речь на паузах не прекращается и даже, большей частью, не приостанавливается, а продолжается, реализуется...

4) Перерыв в высказывании — вне высказывания.

Преобладает понимание (истолкование) *паузы* как фонетического явления в пределах высказывания (речи): "П(ауза) м.б. 1) между синтагмами в предложении и между предложениями, ... 2) между словами в пределах синтагмы..." [13]. Но отмечено и другое представление *паузы* — пауза вне высказывания, до или после него: «Внешняя пауза... "Отсутствие речи до или после высказывания"» [26]. Это, по-видимому, не так: пауза — составная часть высказывания (речи); до и после высказывания (речи) не пауза, а просто "отсутствие речи", а где нет речи, там нет и пауз.

Но в пределах высказывания (речи) есть разные элементы и части — синтаксические (синтаксемы: предложения, синтагмы, члены предложения) и несинтаксические (слова как элементы составных членов предложения, слоги, морфемы, звуки речи). Паузы разделяют (и связывают) прежде всего (а может быть, и только?) синтаксические элементы высказывания Но "в особых случаях" паузы отмечаются и между несинтаксическими единицами, в частности — между словами: "Паузы м.б. ... 3) В особых случаях — между словами в слове" [13]. Эти особые случаи определены, квалифицированы пока чисто эмпирически. "... при скандировании, при чтении по словам" (там же); "Внутри слова паузы (по крайней мере, в русском языке) употребляются для подчеркивания слогового состава... или для реализации полного типа произнесения" [27, с. 277].

Эти "особые случаи" пауз требуют и "особой" их интерпретации. Пока же они, как видимо, лишь присоединены к обычным, нормальным случаям проявления пауз. Нет даже механического объединения их в едином определении, как это сделано, например, в словаре Марузо в отношении дыхательной, синтаксической и метрической пауз: "Пауза ... Молчание определенной длительности, предназначеннное либо для удовлетворения потребности во вдохе (дыхательная пауза...), либо для того, чтобы отметить членение высказывания или суждения (грамматическая, синтаксическая, смысловая пауза...), либо для осуществления определенного ритма, или такта (метрическая пауза, ... или незура)" [28, с. 203].

Обычные и "особые" паузы сходны между собой лишь формально, в артикуляционно-акустическом отношении ("молчание", перерыв в звучании), а функционально они существенно различны: нормальные паузы реализуются между "свободными формами" (по меньшей мере — между словами), а "особые паузы" — оказываются между "нессвободными", связанными формами, между слогами слова. Между слогами "нормальных" [30] пауз нет; "паузы" появляются здесь только вследствие каких-то экстраординарных интенций говорящего.

Функциональный критерий не позволяет причислить к собственно паузам даже так называемые "дыхательные паузы".

5) "Паузы в полном смысле слова" — "дыхательные паузы".
При классификации речевых пауз нередко называют несинтаксически, в частности — дыхательные паузы (см. словари [29, 28, 12]: "Пауза несинтаксическая. Остановка в речи, вызываемая физиологическими причинами (во время пауз говорящий выдыхает воздух, необходимый для продолжения речи), психологическими причинами (волнение говорящего), обрывом в логическом развитии мыслей..." [12, с. 273]. Л.Р. Зиндер дыхательные паузы решительно и аргументированно отводит: «Паузы часто используются для вдоха. Это не дает, однако, основания говорить о "физиологической паузе", о "дыхательной пауде" и т.п. Подобная терминология может ватолкнуть на ложное понимание сущности паузы, при котором определяющей окажется физиологическая сторона речи. Такая трактовка паузы решительно противоречит фактам. Человек, у которого органы дыхания находятся в нормальном состоянии, ... делает вдох во время пауз между теми или иными синтаксическими единицами, определяющимися смыслом речи» [27, с. 277].

6) Перерыв в артикуляции и в звучании — перерыв только в звучании.
Хотя "то, что с фонетической точки зрения воспринимается как пауза, имеет очень сложную природу" [27, с. 277], пауза в речи обычно определяется как перерыв и в звучании (что непосредственно воспринимается), и в артикуляции: "Пауза акустически означает прекращение звука, физиологически — прекращение артикуляции" [27, с. 277]; "Пауза ... перерыв в звучании (акустически) и перерыв в артикуляции (физиологически)" [13, с. 199]. Но встречаются и односторонние определения — только по звучанию или только по артикуляции: "остановка звучания" [12, с. 273], "молчание определенной длительности" [28, с. 203], "перерыв в звучании речи" [7, с. 264] — "интервал времени, в течение которого ни один из речевых органов не артикулирует..." [26, с. 47]. А так как при общей

"зависимости звучания от артикуляции" [27, с. 85] "перерыв в звучании и артикуляции не всегда совпадает" [13, с. 199], односторонние определения паузы, акустическое или артикуляционное, могут дать нежелательные последствия, привести, в частности, к отождествлению с паузами квазипауз.

7) Паузы и квазипаузы.

Несовпадение "перерыва в звучании и в артикуляции" иллюстрируется, в частности, следующими примерами: "... при произнесении глухих смычных согласных или на стыке слов (*пана, оять тихо*) прерывается звучание, но не артикуляция" [13, с. 199]. Из текста не ясно, причисляются ли такие "перерывы в звучании" без перерывов в артикуляции к паузам, или это примеры не-пауз. Здесь полезно проследить за эволюцией оперирования паузой в "Общей фонетике" Л.Р. Зиндера: описывая глухие смычные и имплозивные согласные, автор сначала говорит просто о паузе, потом берет слово *пауза* в кавычки, а в специальном разделе о паузе уже строго ограничивает такую "паузу" от "паузы в полном смысле слова": "... в качестве звуков речи — фонем могут использоваться и паузы, т.е. акустический (но не артикуляторный) нуль. Таковы, бесспорно, имплозивные и глухие смычные согласные" [27, с. 84]; "... в реальном употреблении в речи "пауза" во время смычек имеет такое же значение, как и всякий другой звук" [27, с. 125]; "нулевая линия (в записи звуков на приборе. — А.М.) характеризует не только паузы, но и глухие смычные согласные" [27, с. 278]. На этом фоне излагается специальная методика определения наличия и длительности "паузы в полном смысле слова" [27, с. 277].

Акустические, но не артикуляционные "паузы" в произнесении имплозивных и глухих смычных согласных следует признать лишь квазипаузами.

*
* *

На базе термина *пауза* как доминанты построены многчисленные составные термины. Особенно широко они представлены у О.С. Ахмановой: ПАУЗА виртуальная, дыхательная, несинтаксическая, нормальная, подчинительная, предупредительная, разделительная, синтаксическая, соединительная, союзная, пауза сказуемого [29, с. 314—315]. Но эти термины создают уже новый круг вопросов лингвистического терминоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 3. СПб., 1806.
2. Энциклопедический словарь. А и И. Гранат. Т. 1—55, 57—58. М., (1910) — 1948.
3. Дац В.И. Словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 3. М., 1959.
4. Толковый словарь русского языка / Под. ред. Ушакова Д.Н. Т. 3. М., 1939.
5. Словарь современного русского литературного языка. Т. I—17. Т. 9. М., 1959.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3. М., 1959.
7. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Тимофеев Л.И. и Тугаев С.В. М., 1974.
8. Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968.
9. Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. 1926—1947, М., 2-е изд. 1950—1958, М., 3-е изд. 1970—1978, М.
10. Музыкальная энциклопедия. Т. 4. М., 1978.
11. Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь. Р.-на-Д., 1976.
12. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд., М., 1979.
13. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Филин Ф.П. М., 1979.
14. Словарь иностранных слов / Сост. Михельсон. 9-е изд. СПб., 1883.
15. Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз и Ефрон. Т. I—XLI. СПб., 1890—1907.
16. Словарь иностранных слов. 10-е изд. М., 1983.
17. Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М., 1987.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971.

19. Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847.
20. Перевесский П.М. Начертание русского синтаксиса. 2-е изд. М., 1848.
21. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827.
22. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
23. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. II. М., 1958.
24. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 18-е изд. М., 1987.
25. Советская военная энциклопедия. Т. 6. М., 1976.
26. Хемп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.
27. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. 2-е изд. М., 1979
28. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
29. Аханова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1993 г. ЖИЖОВ Э.Б.

**К ИСТОКАМ УЧЕНИЯ О РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ.
О КНИГЕ М.Л. МАГНИЦКОГО "КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
К ДЕЛОВОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ДЛЯ ЧИНОВНИКОВ, ВСТУПАЮЩИХ В СЛУЖБУ" (М., 1835)**

В опубликованных за последние десятилетия трудах по русской стилистике, посвященных анализу деловой речи советского времени, отмечается разделение ее на ряд частных разновидностей, так называемых подстилей, например, таких, как законодательный, дипломатический, канцелярский [1, 2]. Что же касается делового отечественного языка предшествующей эпохи, то он, как и дореволюционная литература о нем, не изучены пока основательно, поэтому в современной исторической лингвистике отсутствуют какие-либо конкретные сведения о его внутренней дифференциации.

Между тем стилевое расслоение русской деловой речи дооктябрьской поры (первой трети XIX в.) описал в названной выше книге Михаил Леонтьевич Магницкий (1778—1844 гг.) — видный русский государственный деятель, ближайший помощник М.М. Сперанского в разработке проектов административных реформ (см. [3; 4, с. 1—4]). Достоинство этой малоизвестной работы М.Л. Магницкого¹, представляющей собой библиографическую редкость, заключается также и в том, что в ней он характеризует письмоводческую специфику, речевое своеобразие, особенности составления всех основных жанрово-стилевых разновидностей отечественной деловой прозы своего времени (начального периода развития национального русского литературного языка). На эту сторону содержания книги М.Л. Магницкого обращали внимание отдельные исследователи. "Краткое руководство..." М.Л. Магницкого, подчеркивает, в частности, А.П. Романенко, "... первое в России специальное изложение основ искусства деловой речи" [5], "представляет собой, по существу, расширенный до специального сочинения раздел частной риторики о деловых бумагах" [6, с. 102]. Книга М.Л. Магницкого, указывает в свою очередь Б.Г. Литвак, "... первое по времени сочинение, которое обобщало делопроизводственную практику первой трети XIX в. с точки зрения, близкой к дипломатическому анализу" [7].

Неординарность своей работы М.Л. Магницкий хорошо понимал. "Никто, по его словам, не вздумал написать подобного Руководства прежде" (с. 7)².

¹ Показательно, что книга М.Л. Магницкого даже не упоминается в исследовании Л.К. Градиной и Г.И. Миськович "Теория и практика русского красноречия" (М., 1989), посвященном истории отечественной науки о культуре речи, характеристике риторик и стилистических руководств XVII—XX вв.

² Попытки (опыты) описания отдельных стилевых разновидностей русской деловой речи, характеристики языка их жанров были и до выхода в свет книги М.Л. Магницкого, что подтверждается, в частности, работами Амвросия Серебренникова [8] и Якова Толмачева [9]. В своем руководстве М.Л. Магницкий развивает идеи Н.М. Карамзина о стиле деловой прозы, выступает последователем и продолжителем дела М.М. Сперанского в области учения об искусстве деловой речи (см. об этом [6, с. 101—117]).

О причинах, побудивших М.Л. Магницкого к этому, он сообщает следующее: "При чтении, лучший в своем role книга о Русской Словесности статья о деловом слоге³ всегда казалась мне недовольно в них раскрытою, и сие подало случай обдумать вообще материало о деловом и государственном слоге пристальное. Долголетняя опытность в службе представила множество мыслей и воспоминаний, которые, приведены будучи в некоторую связь, составили предлагаемый опыт" (с. 9).

Несмотря на название, данное руководству, оно, указывает его автор, "не может почесться сочинением учебным, ибо издается не для учеников, а для чиновников, свободно уже владеющих языком, в том положении, когда Аристотель желает, чтобы они начинали Риторику забывать" (с. 9).

Под государственным слогом М.Л. Магницкий понимает "язык актов, от лица Державной власти непосредственно исходящих" (с. 24). К ним он относит царские манифесты, указы, реабрикты и грамоты, именуя эти бумаги в их совокупности словесностью государственной (с. 100).

Деловая словесность, в понимании М.Л. Магницкого, — это "все правительственные бумаги, восходящие к Державной власти от разных ведомств" (с. 100). Язык, в этой документации "употребляемый высшими государственными сословиями и лицами и главнейшими под ними местными начальниками", автор руководства называет деловым слогом (с. 24—25).

Данный и государственный слоги М.Л. Магницкий характеризует как язык деловой (служебный) (с. 19, 24), считая их как бы двумя его стилевыми разновидностями — соответственно административно-ведомственной и, так сказать, государственной (с. 27—28).

В стилевую структуру делового языка М.Л. Магницкий не включает слог, называемый им приказной (т.е. архаичный деловой), свойственный, по его мнению, документации канцелярской низовой (присутственных мест), некоторой (узаконенной формы) актовой (типа закладной, верующего письма и т.п.) и обрядовой (в виде указов Правительствующего сената и мест присутственных, манифестов о пополнении и наборе армий и т.д.) (с. 22, 50—52, 104).

"Слог, — пишет М.Л. Магницкий, — всегда несет на себе общую печать своего времени и частные тех отличных умов, кои им владели" (с. 15—16). В истории делового слога (языка) "по времени и вкусу его" автор руководства различает три периода: древний ("от духовной Владимира до правительственный актов царя Алексея Михайловича и царевны Софии"), средний ("со времен государя Петра Великого" и до упразднения коллегий) и новый (с начала учреждения министерств) (с. 14—18). В частности, уточняет М.Л. Магницкий: "При образовании Министерства внутренних дел вместе с изменением коллегиальной формы разных управлений на место приказного слога, почитавшегося дотоле деловым, явился во всех его актах классический деловой и государственный слог" (с. 19).

Возникновение данного слога М.Л. Магницкий связывает с деятельностью кабинета М.М. Сперанского, отводя последнему главную роль в преобразовании делового языка. М.М. Сперанский, отмечает М.Л. Магницкий, "составил эпоху в нашей деловой и государственной словесности" (с. 19), "слог, им введененный, остался в образцах и людях, им образованных в Министерстве внутренних дел, и вошел в другие, особенно же в Министерство финансов, которое вступило на сей путь непосредственно за первым" (с. 20).

По словам М.Л. Магницкого, "главные свойства сего преобразованного служебного слога суть: правильность языка, точность, краткость, благородная

³ Слово "слог" М.Л. Магницкий употребляет в одном из присущих этому термину в XIX в. значений — "речевые особенности (языка) тет или иных жанров письменности". «В этом случае слова "слог" и "стиль" выступали как синонимы» [10].

простота и нужная в разных случаях сила; обогащение его смелым и счастливым переводом многих слов, которые почитались дотоле техническими или чуждыми слогу деловому; порядок систематический в изложении предметов сложных и согласный с правилами общей словесности в самых кратких бумагах; приличный каждому акту тон" (с. 19—20).

В зависимости от тематического содержания документации, обусловленного принадлежностью ее к тем или иным высшим органам государственного управления (Госсовет, Сенат, Комитет министров), слог деловой (административно-ведомственный) как одна из двух разновидностей официального языка дифференцируется М.Л. Магницким соответственно на законодательный, судный и распорядительный (исполнительный) (с. 25).

"Общие свойства законодательного слога, — пишет М.Л. Магницкий, — суть: определительность, краткость, ясность и благородная простота; ему равно не приличны и многословные изъяснения, и неудобопонятная сжатость, и высокопарность" (с. 45). К деловым жанрам функционирования этого слова автор руководства относит, в частности, уложения, уставы и положения (с. 46). "Слог сего рода законов, — указывает он, — должен быть повсюду *равен*, т.е. единообразен во всех частях уложения, устава или положения, дабы малейшая смесь высокого с низким или перемена тона повелительного на истолковательный либо убеждающий не нарушили достоинства, закону свойственного" (47).

В состав законодательной документации М.Л. Магницкий включает также инструкции (наставления). "Слог инструкции, по его словам, должен быть соображен: во-первых, с важностью сословия или лица, кему она дается; во-вторых, с ее предметом или обстоятельством. Смотря по сим условиям, тон наставительный, изъяснения подробные, положительность повеления соразмеряются" (с. 49).

Дополняя и конкретизируя эти свои замечания о слоге инструкций, М.Л. Магницкий к сказанному добавляет: "Оттенки уважения к сословию или доверенности и благоволения к лицу, инструкцию получающему, изъявляются, кроме положительного их изъяснения, тоном ее. Слова: предписывают, приказывают заменяются выражениями поручаю, ожидаю от вас, вы не оставите, мне приятно будет и прочее. Выражения: вы имеете, сие имеет быть и прочее в инструкциях сословиям избегаются как следы языка приказного, а к лицам заменены могут быть повелительными: объявите, наблюдите, вы не оставите, сие должно быть и прочее" (с. 49—50).

Что касается других законодательных жанров, выделяемых М.Л. Магницким, то одни из них (указы Правительствующего сената и мест присутственных) он относит к документации обрядовой, т.е. приказной [устарелой по своему слогу (с. 50—51)], другие (именные указы и манифести) — к словесности государственной (с. 51). "Слог их, — отмечает М.Л. Магницкий, — при краткости и простоте законодательного должен отличаться от него некоторую степенью важности, свойственной такому акту, который как бы освещает самый закон в его достоинство и силу" (с. 51).

Слог судный характеризуется М.Л. Магницким главным образом при описании им языковых особенностей документации, представляющей собой ответы и объяснения судящихся или судимых (с. 52). Искусство изложения этих деловых бумаг, пишет М.Л. Магницкий, "состоит... в приличном выборе для каждой статьи защиты или оправдания того тона, который ей свойствен: скромного и беспристрастного при указании на злонамеренность и ошибки противника; холодного при отстранении его запутанностей и темноты, без малейшего изъявления подозрений в каком-либо дурном, с его стороны, намерении; сильного и разительного, по ясности доводов, при доказательствах нравственных; пылкого и благородного при возбуждении в судящих чувства, к успеху дела нужного" (с. 53—54).

Слог управлений распорядительных (распорядительный, исполнительный слог) в соответствии с его функционированием в деловых бумагах того или иного министерства (ведомства) делится, в свою очередь, М.Л. Магницким на слог военный ("воинского ведомства") и слог гражданский ("министерств гражданских") — полицейский, финансовый, ученый, дипломатический (с. 56).

"Характер военного слога, — подчеркивает М.Л. Магницкий, — есть благородная простота и краткость. Выделанные и длинные периоды, слова языка высокого в нем неуместны" (с. 61—62).

К жанрам военно-деловой речи он относит возвзвания к войскам (перед походом, боем или после них), реляции о сражениях, донесения о действиях армии, военные записки и журналы (с. 57). В возвзваниях, считает М.Л. Магницкий, "военачальник, торжественно говорящий к войску, должен употреблять язык *солдатский*, но не низкий" (с. 58). В то же время, предупреждает автор руководства, "слог надутый и даже расцвеченный здесь был бы неуместен; ибо предмет возвзвания так высок и торжествен сам собою, что набор слов не только не придал бы ему силы и красоты, но ослабил и охладил бы его" (с. 60).

Реляции представляют собой, по мнению М.Л. Магницкого, "сокращенный журнал войны" (с. 64). Поэтому, говоря об их языковых особенностях, он пишет: "Слог реляций столько же разнообразен, как и предметы их. Он некоторым образом ученый или дидактический во всем, что относится к военной топографии, стратегии и тактике; исторический при повествовании движений и действий; сильный и красивый при описании сражений, битв, отличных деяний; но красоты его должны употребляться без расточительности, и быть прости и сильны не риторством, но самым существом искусно рассказываемого проишествия и деяний" (с. 65).

В отличие от реляций в донесениях о действиях армии, указывает М.Л. Магницкий, "требуется язык холодный, описательный, без малейшей прикрасы" (с. 67).

Военные записки и журналы М.Л. Магницкий определяет как "военно-ученые летописи", несколько разные по характеру своего содержания (с. 68—69). "По сему и слог сих сочинений, — считает он, — должен быть различен: журнал требует одного порядка и точности изложения, краткости, чуждой всех мелочных подробностей и избежания малейших украшений. — Записка, напротив,вшемая рассуждения политические, виды высшей стратегии и не связываемая техническими выражениями тактики, кроме общих, допускает не только все красоты благороднейшего слога, но и разнообразием своих предметов представляет все к нему средства. Сухость журнала была бы ей пороком" (с. 69).

Под полицейским слогом М.Л. Магницкий понимает язык деловых бумаг (в первую очередь докладных записок, мнений из них и отчетов), принадлежащих Министерству внутренних дел, его департаментам и высшему губернскому начальству (с. 71). Докладная записка, отмечает он, "составляется сколь можно кратко, представляя одно существо дела, в порядке изложенное" (с. 72). Об особенностях составления мнений департамента на представленные в делах докладные М.Л. Магницкий пишет: "В слоге сего рода бумаг должно старательно избегать всякого притязания на литераторство. Важность делового изложения требует языка чистого, выражающего с точностью и должно определенностью свой предмет, и не терпит ни малейшей затей и прикрас" (с. 75). Что касается отчетов Министерства внутренних дел, то они, по словам автора руководства, "требуют благородной красоты в изложении с простотою и скромностью рассказа" (с. 76).

Финансовый слог М.Л. Магницкий характеризует как язык "смет и отчетов Министерства финансов" (с. 80), как "наш деловой... язык, объемлющий все предметы государственного крепита, чуждый слов чужеземных и до превосходной ловкости достигший во всех самых тонких оттенках финансовых пред-

метов" (с. 80-81). Однако, делает оговорку М.Л. Магницкий, "слог сего управления... по части ученой, как-то горной и монетной, остается в положении иностранной примеси языка технического, которую наследовали мы от употребления при учреждении сего управления, еще в царствование царя Алексея Михайловича, от немецких мастеров и производителей рудокопного и монетного дела" (с. 79-80).

Слог ученый - это, в понимании М.Л. Магницкого, язык документов "ученого ведомства", к которым он относит, в частности, отчеты Министерства народного просвещения, уставы и учреждения учебных заведений, наставления и руководства методического характера (с. 82—83).

М.Л. Магницкий считает служебный язык данного ведомства еще недостаточно сложившимся, формирующимся. "Нигде, -- указывает он, — так не чувствительна недозрелость делового слога, как в ведомстве ученом, где сливаются, так сказать, два языка: гражданский и ученый, не соединяясь между собою и даже часто друг друга портят" (с. 82). Развивая эту свою критическую мысль, М.Л. Магницкий далее пишет: "В бумагах ученого ведомства величайшее неуважение состоит в неловком смешении ученого риторства с некоторым родом ученого подъячества, которым иногда стараются придать себе вид деловых людей те, кои из ученого звания поступают в секретари университетских Советов или в безменные заседатели их правлений. Сей двуличный слог есть верх безвкусия" (с. 85—86).

Критически оценивая язык деловых бумаг ученого ведомства, М.Л. Магницкий дает следующие рекомендации по их составлению: "Уставы и учреждения должны согласовываться с общими правилами о редакции законов и положений..."

Наставления и руководства, собственно ученые, напр. о порядке экзаменов, направлении и духе преподавания некоторых наук и пр., должны быть писаны слогом, свойственным учености: но и тут избегать надлежит тона сколастического... В бумагах сего рода нужно также избегать новизн слога... Сии блудящие огни... не должны портить достоинства деловой словесности..."

В отчетах Министерства, в периодических изданиях, от него исходящих, и в прочих сего рода сочинениях нужно, чтобы предметы, касающиеся самых высоких частей учености, и даже отвлеченные, были излагаемы не только слогом совершенно понятным для каждого, но приятным и заманчивым" (с. 83—85).

В основу материала о дипломатическом слоге, сообщает М.Л. Магницкий в своем руководстве, он положил соответствующую выписку из сочинения "Avis aux jeunes diplomates etc." писателя А.С. Стурдзе, давшего на это свое согласие (с. 86).

"Слог дипломатический, — отмечает М.Л. Магницкий, — есть, так сказать, *Разговорный язык государства*, принимаемых за лица нравственные" (с. 86). Это обстоятельство обуславливает, по его мнению, такие отличительные черты дипломатического слога, как "ясность, точность, достоинство и утонченность оборотов" (с. 87).

Дипломатическую документацию М.Л. Магницкий подразделяет на бумаги, которые "подлежат большей или меньшей гласности" (с одной стороны, трактаты, сделки и договоры, с другой — официальные ноты, кабинетные письма, доверенные записки и т.п.) и которые "остаются тайными" (инструкции, депеши, донесения и т.д.) (с. 87). Данные группы документов, указывает автор руководства, несколько различаются по своему языку: "Независимо от тех свойств слога дипломатического, кои мы называли, есть еще между показанными разрядами разница" (с. 89).

Характеризуя речевое своеобразие дипломатических бумаг первой группы, М.Л. Магницкий пишет: "Трактаты, конвенции и прочие акты сего рода наполняются выражениями, так сказать, *техническими*, коих употребление как бы освещено дипломатическим преданием (...). В них должна постоянно господ-

ствовать совершенная простота, тесно соединенная с тоном достоинства и не-которою спокойную и важною силой, которая не преувеличивает своих выражений. Гипербола не прилична могуществу, коего каждое слово имеет свой положительный вес, гораздо превосходнейший силы оборотов и выражений. Что касается до бумаг менее гласных, как нот, записок и проч., то в них тонкость оборотов должна соединяться с ясностью, с достоинством, всегда присущим, хотя и не так чувствительным; с важностью, хотя менее строгою, нежели в трактатах, декларациях и манифестах. Все яркие цветы должны быть смягчены счастливым выбором оборотов, тонких и убедительных, кои бы соглашали все уважения, даже и в то время, как невозможно уже победить разномыслия. Словом, нота, записка должна убеждать в каком-либо праве, не разбережая выгод *прямым к ним прикосновением*. Она должна с искусною бережливостью выставлять самые безопасные стороны сомнительного дела; жаловаться с кротостию; указывать ошибки или виновность без презрительства" (с. 89—90).

Отдельно говорит М.Л. Магницкий о своеобразии изложения кабинетных писем. "Надобно, — отмечает он, — чтоб в кабинетном письме было сказано что-нибудь о содержащемся в нем деле; ибо без того нарушилось бы приличное ему достоинство; но в то же время надобно, чтоб ничего не было сказано лишнего, дабы не связать себя обязательством" (с. 92).

Особенности языка тайной дипломатической документации М.Л. Магницкого характеризует применительно к изложению инструкций и депеш. "Инструкции, — пишет он, — требуют большой ясности, достоинства и совершенной определительности в смысле и выражениях, указания вероятностей какого-либо переговора без излишнего ограничения, дабы вместо вразумления уполномоченного не связать его. (...) Все дело, сим актом поручаемое, выражается сими тремя словами: *Quid, quomodo, quatenus* (что? как? и до какой степени?)" (с. 93). Депеша, в отличие от инструкций, является, по словам М.Л. Магницкого, "менее подчиненною порядку систематическому" (с. 94). В ней, добавляет он к сказанному, "дозволяются некоторые отступления, но под условием, чтоб то не были ни затей самолюбия, ни хитрости" (с. 94).

В завершение характеристики особенностей делового языка дипломатов М.Л. Магницкий указывает: "Государственный человек должен писать так, как он говорит; ибо предполагается, что он говорит, в порядке и известной мере, с благородною красивостию и счастливым выбором выражений. Он должен быть бережлив на приводы, враг хвастливой затейливости, внимателен к последствию идей и осторожен в представлении резких истин с нужным смягчением, чужд *уволнений* (*néologisme*) и всех подобных притязаний самолюбия; он обязан избегать периодов запутанных и слов, введенных в употребление недостатком вкуса и благородства" (с. 94).

Акты "Державного лица" (манифести, указы, ре скрипты и грамоты царя) М.Л. Магницкий относит "к высшему роду деловой словесности, т.е. к государственной" (с. 28). Главнейшими из них он считает различные царские манифести (мирные, военные, узаконительные и др.). "Слог сик, — пишет М.Л. Магницкий, — первостепенных актов Державной власти, глаголующий о каком-либо непременно великом предмете во всеуслышание обширнейшей империи, должен быть соображен с сею важностию лиц, положения и предмета. Язык без напыщения и принужденного набора слов, без изысканности, разборчиво красивый, сильный и краткий один приличен актам сего рода" (с. 101).

Что касается особенностей изложения отдельных видов этих "всенародных объявлений", то в военных манифестах, предостерегает М.Л. Магницкий, "надобно избегать всякого страстного тона, упреков, неуместных по их оскорбительности, хотя бы, япрочем, и справедливых" (с. 105). Слог же узаконительных манифестов, отмечает автор руководства, "должен быть повелителен, краток и без всяких украшений; ибо само действие так важно, что не имеет нужды

в искусственном возвеличении; а бесстрастие, закону свойственное, требует простоты и равнодушия" (с. 110).

В царских указах, обращает внимание М.Л. Магницкий, "пишется личное местоимение Я во множественном: Мы, Нашему и проч." (с. 112). Но в целом слог их, утверждает он, "есть совершенно деловой и подлежит всем правилам деловой словесности" (с. 112).

Рескрипты, указывает М.Л. Магницкий, "начинаются... именованием того, к кому обращены, по имени и отчеству и оканчиваются сими словами: Пребываю к вам доброжелательный, благосклонный и проч." (с. 114).

Для их языка характерно, по словам автора руководства, "соединение приличного достоинства, соразмерного с значением или полом лица, к которому рескрипт пишется, с простотою письменного слога" (с. 115). Однако, добавляет к этому М.Л. Магницкий, "рескрипты с замечаниями, выговорами и изъявлениям разной степени неудовольствия, кроме содержания своего, отличаются от прочих и самою формою во вступлении, тоне их и особенно в окончании, где, смотря по строгости содержания, важности обстоятельства и значительности лица, более или менее охлаждается выражение благосклонности, при окончании бумаг сего рода обыкновенно употребляемое" (с. 116).

Об особенностях составления царских грамот М.Л. Магницкий пишет, что своеобразие изложения одних из них (жалуемых за воинские заслуги) заключается "в особенной форме вступления, с давних времен принятой", другие (подтверждающие дарованные некоторым областям страны преимущества) "имеют форму манифестов или указов Правительствующему сенату", трети (свидетельствующие о присвоении графского или княжеского титула) "суть не что иное, как высочайшие именные указы" (с. 117--118).

В конце своего руководства М.Л. Магницкий сообщал, что "ежели настоящий *Опыт о деловой и государственной словесности* будет иметь успех, то вслед за сим выйдет практическая часть, его, в которой, по порядку расположения разных статей, прибранны будут те акты, кои могут служить образцовыми, дабы читатель, изучая правило, мог видеть и лучший пример его исполнения" (с. 120). Однако чаяния М.Л. Магницкого не сбылись. Не только книга, но и имя его вскоре оказалось 'почти совсем забыто' [4, с. 1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Логинова К.А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. С. 17--32.
2. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 137--147.
3. БСЭ. З-е изд. Т. 15. М., 1974. С. 200.
4. Феоктистов Е. Материалы для истории просвещения в России. I. Магницкий. СПб., 1865
5. Романенко А.П. Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. С. 17.
6. Романенко А.П Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
7. Литвин Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979. С. 206.
8. Амарский (Серебренников). Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. М., 1778. С. 30--31, 53--60, 153--160.
9. Толмачев Я.В. Военное красноречие, основанное на общих началах словесности, с присовокуплением примеров в разных родах оного. Ч. 2. СПб., 1825. С. 43--101.
10. Михайлова М.М. Стилистика русской речи. Чебоксары, 1968. С. 111.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. 2-го изд. Горбачевич К.С. Ред. I т. Князькова Г.П. Т. I: А—Б. М.: Русский язык, 1991. 864 с.

Словарь русского литературного языка в 17 томах (1950—1965) явился в свое время выдающимся событием в истории русской лексикографии. По своему объему (120 000 слов) он оказался самым крупным из толковых словарей литературного языка. Созданный группой выдающихся русских лингвистов, словарь дал пример современной лексикографической разработки, составив важный этап в развитии теории отечественной лексикографии. Он послужил основой для составления целого ряда более специализированных словарей русского языка, к нему, естественно, обращались и составители больших двуязычных словарей в нашей стране. И тем не менее давно назрело его переиздание. Во-первых, первое издание было выпущено смехотворно малым для нашей страны тиражом (13—26 тыс. экземпляров, в зависимости от тома) и давно уже превратилось в библиографическую редкость, став недоступным даже для специалистов-филологов. Во-вторых, за прошедшие 30—40 лет со времени выхода первого издания (а это — время жизни целого поколения) в русском языке произошли заметные изменения, касающиеся как количества слов, так и сочетаемости, стилистических характеристик многих слов. И, наконец, в-третьих, за последние десятилетия теория и практика лексикографии, как в нашей стране, так и во всем мире, шагнула далеко вперед, и новые подходы должны быть отражены в современных словарях.

Собственно говоря, вопрос об издании нового переработанного варианта словаря встал почти что сразу после завершения первого издания, и уже в 1971 г. вышел Проспект нового академического словаря русского языка, многие из положений ко-

торого реализованы полностью или частично в рецензируемом издании.

Второе издание не является простым воспроизведением, хотя бы и расширенным, первого варианта. Конечно, читателя интересует прежде всего изменение объема словаря. Словарник в целом увеличен на 10—15%. Хотя здесь мы сталкиваемся с некоторыми неясностями. Несомненно, что число новых слов, включенных в первый том, значительно превышает число исключенных лексических единиц, а между тем в первом издании указано, что I том (буквы А—Б) содержит 5989 слов, тогда как во втором издании сказано, что I том с теми же буквами охватывает 5314 слов. Но дело не в этом: изменению подвергся самый тип словаря, его направленность.

Словарь официально называется "Словарь современного русского литературного языка" (ССРЛЯ). В изменении общего типа словаря отражено изменение в понимании значений каждого из прилагательных, входящих в его название.

В течение долгого времени в отечественной лексикографической практике слишком тесно сближались понятия "литературный язык" и "язык художественной литературы". Поэтому в первом издании словаря тщательно фиксировались слова, представленные в сочинениях писателей-классиков, и в меньшей степени — научная лексика и терминология, лексика и обороты разговорной речи. Первое издание было перегружено литературными цитатами, которые подчас давали мало что ценного для уточнения значения и употребления соответствующих слов. Второе издание стремится сгладить эти недостатки, расширяя представление о литературном языке, который, помимо языка художественной литературы, включает обширные пласти общественно-политической, научно-технической, деловой и разговорной лексики. Поэтому также следует расценить положительно решение составителей второго издания отказаться от чрезмерного использования литературных

цитат, шире привлекать цитаты из научно-популярной литературы и, особенно, — умножить в словаре иллюстративные слово-сочетания и краткие составительские примеры, показывающие сочетаемость и употребление слов.

Далее, несколько изменилась во втором издании и трактовка понятия "современный язык". Первое издание замышлялось как "голково-исторический словарь", призванный охватить весь период, который в истории русского языка называется современным, т.е. от XVIII в. до наших дней, показать эволюцию значений слов при помощи цитат из произведений авторов разного времени. Однако здесь в отношении русского языка встает та же проблема, что и для других европейских языков с много вековой письменной традицией: период современного языка (от XVII—XVIII вв. до наших дней) неоднороден и делится на подпериоды. Более ранний из них в истории отдельных языков называется "классическим", поскольку это была эпоха становления и бурного развития литературного языка, формирования его нормы, которая отразилась в произведениях писателей-классиков. Более поздний, включающий и наши дни, характеризуется заметным отходом от классической нормы, более широким обращением к разговорной речи, использованием научно-технической лексики. (В истории некоторых языков последние полстолетия выделяются в отдельный подпериод.) В первом издании словаря слишком большое внимание уделялось раннему этапу, в новом издании русский язык представлен в более современном виде: циты цитаты из Сумарокова и других авторов допушкинской эпохи, исключены многие слова, встречавшиеся у классиков, но утратившие свою актуальность. И, наконец, изменениякоснулись и третьего прилагательного в назывании словаря. В русской лексикографии была заметна традиция включать в словарь поменьше заимствованных слов. Не только составители старого "Словаря Академии Российской" намеренно исключали из словарника многие заимствованные слова, употреблявшиеся на рубеже XVIII—XIX вв. в русском языке, но и Даль стремился найти заимствованным словам собственно разговорные обоснованы, они позволяют читателю лучше охватить семантическую структуру слова. Весьма положительным моментом является выделение внутри ряда статей устойчивых предложных оборотов: по ассоциации, вставать по будильнику и т.п., значительно расширен показ сочленений слов.

Обращают на себя внимание и положи-
мени было то, что большая масса заимствованных слов оставалась в зоне специальной терминологии. За последние десятилетия ситуация заметно изменилась: в связи с расширением экономических и культурных контактов, усложнением повседневной жизни слова легче переходят из одного языка в другой, а специальная терминология все чаще приобретает статус общепотребительных слов. Например, экономические преобразования, происходящие в нашей стране, вызвали приток в русский язык многих экономических, коммерческих, банковских терминов из иностранных языков. С другой стороны, например, во французских толковых словарях уже несколько лет фигурируют *pérestroika* и *glasnost*, а еще раньше были включены *sputnik*, *apparatchik*, *potemkina*, *datcha* и др.

Новые слова, добавленные в словарь, относятся в основном к двум категориям: это терминологические и прочие заимствования из европейских языков (особенно, естественно, это заметно в букве А) и разговорная лексика. Среди первой категории: *акселерант*, *антироман*, *аболиционист*, *авангардизм*, *амбициозный*, обозначения чужеземных реалий: *ажан*, *абвер*, *бундесрат* и др. Значительно расширены серии продуктивных сложений с *анти-*, *авто-* и др. Так, если в первом издании словаря было только 7 сложений с *авиа-*, то в новом их — 33 (в том числе *авиабилет*, *авиабомба*, *авиадесант* и др.). Значительно увеличились также ряды слов, образованных по продуктивным моделям, например, слова с преф. *без-*. Среди добавленных слов разговорной речи *авоська* и др.

Достоинства нового варианта словаря особенно видны и в организации самих словарных статей. Многие статьи, особенно большие гнезла, удачно переработаны, значения в большей степени расчленены, то, что в первом издании было представлено как употребление или оттенок значения слова, выделено в качестве особого значения. Например, слово *беспокойный* получило шесть значений вместо двух, весьма удачно пересмотрен глагол *бегать* и многие другие большие статьи словаря. Эти преобразования обоснованы, они позволяют читателю лучше охватить семантическую структуру слова. Весьма положительным моментом является выделение внутри ряда статей устойчивых предложных оборотов: по ассоциации, вставать по будильнику и т.п., значительно расширен показ сочленений слов.

тельные изменения в оформлении материала. К ним относится прежде всего решение начинать новое значение слова с красной строки. В прежнем издании этого не было, в нем было трудно разбираться, особенно когда речь шла о больших статьях.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что новый вариант словаря несомненно является более современным и более совершенным по сравнению с прежним изданием. Вместе с тем представляется целесообразным обсудить некоторые вопросы, касающиеся словаря подобного объема и типа.

Прежде всего это касается состава словаря, который, как представляется, должен быть обширным (в разумных пределах), включать специальную лексику из разных отраслей науки, техники, искусства, особенно ту, что встречается в печати, в популярных изданиях. Современный человек вынужден значительно шире, чем его предшественники, знакомиться с медицинской терминологией, с лексикой различных сфер науки и техники. Некоторые отрасли терминологии традиционно плохо представлены в наших толковых словарях, в частности терминология экономическая, юридическая, относящаяся к искусству, к религии. Мы не находим в словаре таких слов, как *абстиненция* (термин, получивший дополнительную известность в связи с проблемой наркомании), *антиматерия*, *театр абсурда*, *австралопитек*, *антропоген* и *антропогеновый* (чтобы не смешивать с *антропогенным*, представленным в словаре), *андрология*, *андролог*, *автокефальный*, *аллюпластика*, (инф.) *байт* и др.; почему-то отсутствуют *автокатастрофа* и *авиакатастрофа*, *авиасалон*, *авиалайнер* и ряд других слов, реально употребляющихся в речи и присутствующих в "Сводном словаре современной русской лексики".

Сочетаемость слов в данном издании значительно расширена, но желательно в словарях подобного рода как можно шире отражать словосочетания, показывающие разновидность объекта, о котором идет речь, действия, производимые с ним. Так, при слове *брак* можно было бы дать *неравный брак*, *morganатический брак*, *фиктивный брак* (если нужно — со ссылкой на прилагательное). При слове *аванс* есть *получать аванс*, но нет других глаголов-операторов, с помощью которых выражаются различные диатезы данного действия: *выдавать аванс*, *брать аванс* (в лучшем случае их можно выловить из примеров, но было бы полезно приводить сразу всю парадигму словосочетаний). При слове *аппетит* есть *терять аппетит*,

перебивать аппетит, но нет *возбуждать*, *вызывать*, *испортить аппетит*. Хочется еще раз подчеркнуть, что в подобных случаях полезно давать при значении слова весь характерный набор словосочетаний, не уповая на примеры, которые неизбежно имеют выборочный характер.

В словаре отсутствуют некоторые терминологические сочетания: *быстрое реагирование*, *бинарное оружие*, *звуковой барьер*, а также фразеологизмы разговорной речи: *сущий ад*, *ангел во плоти*, *не ахти* (есть в словаре *не ахти какой*, но *не ахти* употребляется эллиптически в предикативной функции), *невинный барашек*, *беда да и только, талантом не блещет, ни бзи ни мз, наших быют, по боку* и другие. Было бы полезно дать выражения, восходящие к литературным и историческим реминисценциям: *дантов ад*, *бочка Диогена*, *агнец божий* (есть просто *агнец*), *болдинская осень* (о периоде творческого подъема). Нередко слово приобретает известность благодаря своему переносному употреблению: в прямом значении оно относится к определенной сфере науки, в то время как в figurальном употреблении используется значительно шире. Так, слово *айсберг* в прямом значении можно встретить лишь в географических описаниях, тогда как выражение *это лишь верхушка айсберга* может быть употреблено в переносном значении в более широком круге контекстов. К сожалению, подобные употребительные переносные значения слова не всегда фиксируются в словаре. Например, *бумеранг* в значении "неприятность, возвращающаяся к ее инициатору" (в словаре Ожегова этот оттенок фиксируется), *апокалипсис* (катастрофа мирового масштаба), *буксовать* (например, *реформа буксует*), *новальная болезнь* (в переносном значении), *банановая республика* и т.п.

Сложную проблему в русской лексикографии представляет собой показ соотношения между видовыми формами глагола. Утвердилась традиция представлять совершенный и несовершенный виды глагола как отдельные слова, в особых статьях, с обязательной отсылкой на противоположную видовую форму. Например, при глаголах *побить*, *пробить*, *разбить* даются отсылки на соответствующие значения глагола несовершенного вида *бить*. Однако Словарь русского языка в 4-х томах (МАС) и словарь Ожегова у соответствующего значения глагола *бить* указывают соотносительную форму совершенного вида. Этой обратной отсылки нет в ССРЛЯ, что, конечно, значительно обединяет представление

о соотнесенности видов глагола в словаре. Также нет указаний на то, что к глаголу *бередить* перфективным коррелятом является *разбередить*, к *будить* — *пробудить* или *разбудить* и т.п.

Рецензируемый словарь задуман как нормативный, и действительно он дает огромный материал, касающийся лексико-грамматической нормы современного русского языка. Нормативные указания представлены в виде грамматических помет или специально отмечаются в справочном разделе словарной статьи. Нормативный характер словаря значительно усилен при его переработке. Введено много новых комментариев, касающихся нормы, например, возможная форма род падежа мн. числа в разговорной речи: *баклажан*, *апельсин*. Проведено более тонкое, чем в первом издании, различие между вариантами слова с точки зрения их приоритетности, многие иенормативные написания устранины вообще или сопровождены особой пометой. К сожалению, в отдельных случаях нормативных помет недостает. Так, не отмечена возможность различного согласования существительного, образующего сочетание со словом *большинство*. Имеются неясности в отношении существительных общего рода. Слова *брюзга* и *бестия* имеют одинаковые пометы *м.* и *ж.* Однако это весьма разные явления. Слово *брюзга* действительно и в семантическом и в грамматическом отношении принадлежит к словам общего рода: можно сказать *этот* и *эта брюзга*. Слово же *бестия* грамматически всегда жен. рода, хотя сплошь и рядом применяется к лицам мужского пола: можно сказать *эта бестия*, но не *этот бестия*, подобно тому как *эта гадина* (о мужчине), но не *этот гадина*. Поэтому прав, как представляется, МАС, который отмечает слово *бестия* как слово жен. рода только. К сожалению, в словаре не дается указаний относительно произношения слов (например *адекватный* [дэ], *адепт* [дэ] и т.п.), что делается в словаре Ожегова.

Помимо нормативных указаний справочный раздел статьи словаря содержит данные о датировании слова и этимологическую справку. Что касается датирования, то отмечается лишь первая фиксация слова в словарях, а не в текстах, хотя во многих академических словарях европейских языков отмечается год или век первого упоминания данной единицы в текстах. Так, в ССРЛЯ мы читаем, что слово *бег* впервые зафиксировано в "Материалах" Срезневского, но в каком веке оно впервые появилось в тексте, остается неясным. Возможно, после

завершения издания словаря XI—XVII вв. и других словарей ранних периодов истории русского языка окажется возможным давать более точные сведения.

Этимологические справки — необходимый элемент большого национального толкового словаря. Они способствуют усвоению значения слова, разъясняя его этимон, а также повышению общего культурного и филологического уровня читателя. В ССРЛЯ этимологические справки даются только к заимствованиям. Между тем было бы небезинтересно показывать словообразовательные связи собственно русских слов или заимствований из старославянского там, где они не очевидны, например: *бдеть* — тот же корень, что у *будить*, *бодрствовать*; *брод* — тот же корень, что у *брести*, *барин* — тот же корень, что у *боярин* и т.д.

Этимологические справки в словаре имеют тройкий характер: а) указывается только язык, из которого взято слово (если значение этимона то же или неясно); б) указывается язык и слово, послужившее источником для русской лексемы; в) указывается значение исходного слова, иногда глубинный этимон и этимологическая цепочка, если данная лексема переходила из одного языка в другой. Установление этимологии и ее отражение в словаре сталкивается с трудностями, если заимствование проходит через ряд языков, прежде чем попасть в русский. Какой язык при этом указывать в качестве источника: последний, из которого пришло слово, или первый, где оно возникло? В этом отношении в словаре нет единства. Например, при слове *аббревиатура* говорится: итал. *abbreviatura* от лат. *abbreviare* "сокращать", т.е. приводится вся цепочка и значение глубинного этимона. Но об *алькове* сказано только, что оно происходит от франц. *alcove* без указания на то, что через исп. *alcoba* оно восходит к араб. *al-qubba* "сводчатое помещение" (эта справка была в первом издании). Или для *абрикос* дается цепочка: франц. — нидерл. — нем., тогда как она иная: нидерл. *abrikoos* — франц. — португ. — араб. — греч. — лат. *praecox* "скороспелый". В ряде случаев этимологические справки обединены по сравнению с первым изданием. Например, в первом издании к слову *абажур* отмечалось, что его французский прототип *abat-jour* происходит от *battre* "сбивать вниз" и *jour* "свет". Теперь эта мотивация устранена. В некоторых случаях имеются этимологические ошибки и опечатки. Агентура не может восходить к франц. *agenture*, поскольку такого слова в этом языке

ист и не было; *аванторт* восходят не к франц. *porte*, а к *port* "порт"; *porte* это "дверь"; буклет не имеет отношения к франц. *bouclete* "завитушка", а происходит от англ. *booklet* "книжечка" (огметим, что эта досадная ошибка фигурирует и в МАС, и в "Словаре иностранных слов").

Но все эти частные замечания не должны позволить забыть о том, что новое издание

ССРЛЯ представляет собой замечательный лексикографический труд, самый полный свод толкуемой русской лексики, достойное отражение лексического состава русского языка за два последних столетия. Этому словарю суждена долгая жизнь, его будут использовать и учитывать при составлении любого серьезного словаря русского языка.

Гак В.Г.

Ковтун Л.С. Азбуковники XVI—XVII вв.: старшая разновидность. Л., 1989. 296 с

Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the lexicon Slavonicum: his contribution to the 17th century Slavonic lexicography. Uppsala, 1985, 160 p.

Sparwenfeld J.G. Lexicon Slavonicum / Ed and commented by Birgegård U.V. I: A—U. Uppsala, 1987, 511 p. V. II: K—O. Uppsala, 1988, 349 p.; V. III: П—Р. Uppsala, 1989, 271 p.; V. IV: С—В. Uppsala, 1990, 353 p.

Лексикография у восточных славян появилась вместе с христианской письменностью. Первоначально ее характер определялся традиционными для христианской византийской литературы формами, ибо зависел от известного круга источников: Опома sacra Евсевия Кесарийского, гlossen и сколии греческих сочинений, служивших оригиналами для славянских переводов, толкования на св. Писание и на сочинения отцов церкви, из которых можно было извлечь краткие определения слов и их толкования явлений. Затем прибавились и собственно славянские источники, основанные на лексическом варьировании при передаче одной и той же греческой лексемы в разных переводческих школах, а также греко-славянские разговорники, отвечающие потребностям образования и взаимодействия культур. В XVI в. Максим Грек познакомил восточнославянскую письменность с лексиконом Сиды — крупнейшим византийским собранием сколов.

Исторический путь восточнославянской лексикографии обследован Л.С. Ковтун в многочисленных статьях и нескольких книгах (см. [1—3]), являющихся ценным приобретением славяно-русского исторического источниковедения. Ее новый труд целиком посвящен Азбуковнику — лексикографической форме, появившейся в середине XVI в. и вытеснившей в следующем столетии старые лексикографические жанры — ономас-

тиконы, приточки, разговорники и словари славяно-русские (под этим названием скрываются многочисленные разновидности притекстовых или получивших независимое хождение филологических словарей-глоссариев). Как и предыдущие работы Л.С. Ковтуна, книга содержит не только исследование, но и публикацию исследуемого источника, причем на текст с аппаратом к нему приходится большая часть книги (с. 126—294).

Для Азбуковника характерны следующие внешние признаки: алфавитное расположение статей и универсальность содержания. Первая черта отвечает значительно возросшему объему этой лексикографической формы, вторая связана с использованием в качестве источников всех ранее сложившихся лексикографических жанров. Вследствие второго обстоятельства по содержанию азбуковник представляет собою как бы сумму словарей старшего периода. Но составители азбуковника использовали источники и другого рода — прежде всего разнообразные глоссированные тексты. Так, например, Геннаидиевская библия 1499 г. дала громадный материал латино-славянских соответствий, собранных с ее полей,

Ср.: "еєнір ВІ. деласио, пронось речеи" (с. 180) и запись на поле Ген. библии, л. 354, против стиха Есфирь 12.5 — "дъла-сио есть пронось рѣчеи"; "премдро 3. дисертусть, дострочень" (с. 180) и глоссу в Ген. библии, л. 448об, *дострочень*, которая относится к латинизму в тексте Прем. 7.22 *дисертус*; "премдро. АІ. диссиму-лась, грѣхи человѣком" (с. 180) и глоссу в Ген. библии, л. 454, *диссимулась*, которая относится к глаголу *представлещи* (Прем. 11.25), но ошибке отнесена к следующим далее словам *грѣхи члкомъ*. Ошибка совершена тем лицом, которое делало выборку глосс для их лексикографического применения.

В свое время Л.С. Ковтун выявила приемы филологической обработки глоссированного текста при составлении руко-

писных словарей [1, с. 18 и сл.], на материале азбуковника мы вновь сталкиваемся с этой, уже описанной практикой.

Как кажется, именно в случаи привлечения нового материала составители азбуковника указали на полях свои источники. Среди них главными являются различные сочинения и переводы Максима Грека, Генадиевская библия, Толковое евангелие, Хронограф (полный список источников см. на с. 56, а также [2, с. 248–250]). Проверка указаний на источники проведена автором лишь в малой степени, что же касается безадресного материала, то установление истории того, как определенный фрагмент текста стал отдельной словарной статьей и каким путем проникла эта статья в азбуковник, в каждом отдельном случае может вылиться в сложное источниковедческое и текстологическое исследование далеко не малого объема. Мы не вправе требовать и ожидать такой работы при современном состоянии изученности источников древнерусской письменности. Но уже сейчас ясно, что по мере расширения знаний в этой сфере будут уточняться наши представления об истории азбуковника, как и наоборот — изучение азбуковника дает более полное представление об истории всей соприкасающейся с ним письменности.

Действительно, известный в очень немногих списках XVI в. полный библейский свод нашел весьма полное отражение в азбуковнике. Многочисленные списки Пятикнижия этой же эпохи, снабженные глоссами и склониями на полях, вызывали у составителя азбуковника лишь случайный интерес, хотя были ему знакомы. Так, например, источником статей "Багадать — Вавилонъ" (с. 160, ср. также [2, с. 274]) и "Султанъ — царь" (с. 252) послужил, по всей вероятности, Кирилло-Белозерский список Пятикнижия конца XV в. № 2/7, лл. 17, 59 (см. в издании А.В. Михайлова книги Бытия 10.10 и 40.1 [4]). Между тем другие глоссы этого списка в азбуковнике не попали.

Анализяя состав источников старшего азбуковника, Л.С. Ковтун приходит к выводу, что составитель его находился в немалой степени под влиянием лексикографических идей Максима Грека, что общие цели азбуковника и широта его источниковедческой базы напоминают обширные проекты митроп. Макария — Великие минеи четы и Степенную книгу.

Зависимость азбуковника от его источников и в объеме, и в характере изложения словарного материала не дает, я думаю, права говорить об "энциклопедизме" этого

жанра, прежде всего в силу значения самого термина "энциклопедизм": оно не исчерпывается идеей всеобъемлемости, универсальности. Всеобщие и универсальные построения не менее характерны для эпохи сколастики, чем для нового времени, тогда как энциклопедизм выражает новый дух позитивной науки, связанной с опытом. Азбуковник — порождение политисторского метода поздних сколиастов. Это следует подчеркнуть, чтобы правильно понять не малое количество словарных статей, которые должны показаться по меньшей мере странными современному читателю, воспитанному на определенном отношении к энциклопедизму. Действительно, с "энциклопедией" никак не вяжется описание в середине XVI в. Британии как страны, в которой жители ее кочуют "от места в место нази и необувёни, земли не дѣлают, но питаются пастьюю волов и овощием, и царя не имут" (с. 165), наличие многих словарных статей, в которых форма описания сохраняет случайные черты контекста (ср. "взмѣстовал, насилствовал, возбрѣжеva, чревату сотвори", с. 167), отражают случайности орфографии (ср. "ѳаду, хвалу", "форобу, недѹзъ", с. 272) или без какой-либо отсылки к источнику пускают в оборот глоссы, плохо понятные и в своем месте (ср. "садалехъ — сухими, что относится в Іен. библия к Второз. 28.27 и нуждается в филологическом исследовании).

Но нельзя преуменьшить значение таких словарных статей, которые несут в себе новый дух и отражают, например, конкретный языковой опыт. Ср.: "еле, єдва, а невѣжъски реци только чуть" (с. 188). "исполнъ силенъ, а невѣжъски реци исполнъ богатыръ" (с. 196, в списке азбуковника XVI в. стилистической интерпретации нет, см. [2, с. 266]).

Принципы сложения азбуковника, его структура и отношение к источникам были описаны Л.С. Ковтун еще в 1975 г. [2, с. 206 и сл.], тогда же ею был опубликован один из списков краткого азбуковника подготовительного типа [2, с. 268–312]. В новой книге основное внимание уделено истории азбуковника в связи с его рукописной традицией. Едва ли можно переоценить значение этой невероятно большой и сложной текстологической работы. В результате ее сегодня нам известно 6 списков XVI в. краткого азбуковника подготовительного типа и 98 списков XVI—XVII вв., в которых представлены 7 типов азбуковника, генетически связанных между собою, азбуковник выборочного типа XVII в., а также

алфавитная симфония, или конкорданс, к библейским текстам¹.

История наиболее раннего азбуковника первого типа, известного по 18 спискам, подробно раскрыта во второй главе исследования (с. 50—116). Автор высказывает мнение, что в редактировании этого азбуковника принимал участие Нил Курлятев, а на поздний этап его разнотипия оказал влияние Лексис Лаврентий Зизания 1596 г. Азбуковник этого типа издан в книге по списку О. XVI. I с разночтениями из Уваровского 311. Он содержит 2283 словарные статьи.

Издатель и типографии принеслось взять на себя непростую задачу полиграфического воспроизведения сложного по содержанию и по строению текста. Могу отметить только одну неправильность прочтения или оплошность: "толкует же ся евномиани подобній" (с. 190, № 711), следует "евномиани неподобній" (евномиане относились к числу строгих последователей арианства — аномиям), а также распространившееся, к сожалению, в отечественных изданиях славянских средневековых текстов дистактное расположение частицы же в относительных местоимениях, огрицательных местоимениях и наречиях под влиянием современной лингвистической и орфографической нормы.

Характеризуя типы азбуковника, возникшие в течение столетия с середины XVI до середины XVII в., Л. С. Ковтун одновременно намечает и перспективу дальнейшей издательской работы. Конечно, особого внимания заслуживает второй тип азбуковника, самый распространенный в рукописной традиции (56 списков): он содержит более пяти тысяч словарных описаний, которые сопровождаются статьями грамматического и языковедческого содержания. Третий тип (7 списков) по объему еще больше второго за счет включения главным образом западнорусского и польского материала, что придает ему характер сопоставительно-славистического труда. Наконец, еще большего объема седьмой тип (3 списка), изготовленный на Соловках в 60-е годы XVII в. и находящийся в особо тесной связи с лексикографической деятельностью Епифания Славинецкого.

¹Реально в этом месте книги (с. 9—10) перечислено 99 списков, тогда как на с. 8 указано их общее число 98. Список Q.XVI.6 назван дважды: в перечне рукописей 2-го и 6-го типов, но ведь он может содержать два разных азбуковника. Во втором азбуковнике дважды названа рукопись Q.XVI.2, вероятно, один раз следует читать Q.XVI.12.

Как известно, латино-славянский словарь Епифания возник на базе замечательного лексикографического создания итальянца Амвросия Калепина (1435—1511), определившего формы европейской лексикографии XVI—XVII вв. Словарь Епифания со временем своего появления оказался не только в центре словарной деятельности у восточных славян, он явился также отправной точкой большой работы знаменитого шведского ученого полиглotta Иоанна Габриеля Спарвенфельда (1655—1727).

Спарвенфельд со своими помощниками работал над словарем более двадцати лет (1684—1705). В свое время повадился труд еще двух десятилетий шведской исследовательницы Уллы Биргегорд, чтобы этот лексикографический opus magnum увидел свет. Изанию предшествовал том с полным и всесторонним исследованием материала.

В 1684—1687 гг. в качестве королевского стипендиата Спарвенфельд изучал в Москве русский язык. Тогда он и обзавелся своими главными лексикографическими пособиями — латино-славянским словарем Епифания Славинецкого, славяно-латинским словарем Арсения Корецкого-Сatanовского и Епифания Славинецкого и вторым, Кутейским, изданием словаря Памви Беринды. Дополнительными источниками словаря Спарвенфельда послужил лексикон Калепина, польско-латино-греческий словарь Григория Кнапского (Краков, 1621), грамматика Мелетия Смотрицкого (Москва, 1648), "илирийско"-латино-итальянский словарь Якова Микалии (Лоретто, 1649), в котором для первого столбца материал дал далматинский говор хорватского языка, а также отрывок рукописного польско-русского словаря, который Спарвенфельд приобрел в Москве в качестве лексикографического произведения Симеона Полоцкого.

Известен и ход работы над словарем. Черновой вариант его был составлен Матиасом Забани, словаком по происхождению, которого Лейбниц рекомендовал Спарвенфельду специально для этой работы как знатока славянских языков (что было справедливо, однако, лишь в самой малой степени). Редакторскую правку осуществляли кроме самого Спарвенфельда несколько лиц русского происхождения, интернированных или оказавшихся в плена в Швеции в первые годы XVIII столетия, среди них — русский резидент в Стокгольме А.И. Хилков и его секретарь А. Манкиев, известный в истории русской письменности как составитель "Ядра русской истории".

Именно А. Манкиев окончательно переписал своим отличным грамотным почерком славянский столбец чистового экземпляра словаря.

Словарь предназначался для публикации. Цело в том, что после Столбовского мира 1621 г. на землях Швеции оказалось немалое количество русских подданных, что привело к возникновению специальной канцелярии, ведавшей славянской документацией, книгоиздательского дела и проч. Вследствие этого уже в XVII в. впервые в Европе "знание русского языка стало в Швеции государственным делом со всеми вытекающими из этого последствиями" [5]. Издательский проект Спарвенфельда несмотря на свою обширность не был, таким образом, лишен практической целесообразности Но его осуществлению, безусловно, не способствовали военно-политические события на востоке Балтики, а также издание в 1704 г. славяно-греко-латинского лексикона Федора Поликарпова, созданного на основе того же круга источников. Спарвенфельд и не довел до конца работу по первоначальному плану: славянские слова остались без немецких и шведских параллелей.

Сегодня в изданном виде словарь Спарвенфельда содержит 25 636 словарных статей. И хотя благодаря богатой синонимике его славянский словарь значительно больше этой цифры (он будет вполне представлен в заключительном volume издания, содержащем индексы), все же после недавней научной публикации его источников, осуществленной в 1969 и 1973 гг. О. Горбачем и В.В. Нимчуком, и на фоне лексикона Поликарпова (кстати сказать, также переизданного в сопровождении цепной историко-лексикографической статьи [6]), в значительной мере он нам известен. Особый интерес могут лишь вызвать обиходные речения русского языка, изредка добавлявшиеся его русскими редакторами или собранные еще в Москве самим Спарвенфельдом (последние, впрочем, не включены ни в основной корпус словаря, ни в дополнение к нему, а изданы отдельно, см. [7]). В этих условиях главное внимание издателя словаря закономерно сосредоточилось на демонстрации механизма лексикографической работы, выполненной Спарвенфельдом и его помощниками. В данном случае источниково-ведическая база характеризуется уникальной полнотой: в нашем распоряжении находятся все источники словаря, его черновые списки и его чистовой экземпляр, — все это было передано Спарвенфельдом в архив Упсальского университета, где и сегодня пребывает в целости и сохранности. Наконец, мы рас-

полагаем достаточно полными сведениями об участниках работы.

Невозможно по справедливости оценить тот громадный труд, который вложила У. Биргегорд в публикацию этого материала. Благодаря сложной системе разнообразных помет и подстрочных комментариев в каждом отдельном случае читатель получает полное представление об источниках данной словарной статьи, о всех этапах ее редактирования, об авторстве каждого элемента и каждого изменения в статье. До сих пор историческая русистика не имела в своем распоряжении столь тщательно с разумом и исчерпывающей полнотой обработанного лингвистического источника В сфере эдиционной техники и лингвистического источниковедения труд У. Биргегорд создает прецедент: следовать которому будет нелегко, но отмахнуться — невозможно. Заодно нужно отметить высокие полиграфические качества публикации, отличную работу типографов и щедрость шведской Академии наук, обеспечившей финансирование этого дорогостоящего издания по славянской филологии.

Благодаря исследованию названного источника и изданию его в науку введен новый корпус историко-лексикографического и историко-лингвистического материала, а наши представления о том, как осуществлялась в ту эпоху лексикографическая практика, значительно обогащаются. Ведь несмотря на уникальность тех исторических обстоятельств, в которых возник словарь Спарвенфельда, этот лексикографический опус крайне схож с азбуковником на последнем этапе его развития. Характерными в том и другом случае можно считать следующие черты: 1) использование в качестве источников по преимуществу готовых лексикографических сводов (а не самостоятельный сбор материала по памятникам письменности), 2) восприятие языка через его письменную форму с предпочтением книжных, славянализированных жанров; 3) восприятие славянских языков как лингвистического континуума, в котором положение генетического центра ("матери") занимает церковнославянский язык. По-видимому, в самой технике изготовления тех поздних азбуковников, которые вобрали в себя польские и западнорусские материалы или опирались на словарь Епифания Славинецкого, можно будет наблюдать те самые приемы, которые так отчетливо описаны У. Биргегорд в случае Спарвенфельда и его кружка.

В отличие от большинства других иностранных описателей восточнославянской языковой ситуации Спарвенфельд не огра-

ничил себя узко практическими целями — фиксацией живого употребления в жанре словаря-разговорника. Его интерес к литературному языку, к историческому аспекту его формирования, к межславянским языковым отношениям имел в значительной мере научное происхождение. Его взгляд на славянскую языковую проблематику был типичен для той эпохи, породившей позже в сфере языковой политики теорию трех штилей и в сфере практики славяно-сербский язык. На этом пути осуществлялось формирование сравнительно-сопоставительного метода в языкоznании, научный характер которому был придан в начале XIX в. освоением концепции историзма. Так византийско-славянская лексикографическая традиция, привнесшая на последней ступени своего развития форму азбуковника, и европейская гуманистическая традиция встречаются друг с другом, чтобы совместно подготовить и встретить эпоху исторического языкоznания.

Точно так и независимая работа двух исследовательниц в области истории лексикографии служит взаимному обогащению результатов. Труд той и другой далеко

выходит за рамки обычной научной деятельности своим подвижническим характером, это дело жизни, для выполнения которого недостаточно только усердия, только учености — нужен особый душевный дар. Удивительно и прекрасно его проявление в нашей скромной по своему общественному значению науке!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коятун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л. 1963.
2. Коятун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII вв. Л., 1975.
3. Коятун Л.С. Древние словари как источник русской исторической лексикографии. Л., 1977.
4. Михайлов А. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Вып. I—IV. Варшава, 1900—1908. С. 62, 338.
5. Дюрович Л. Предисловие // *Slavica Lundensis*, Pt. 3: Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции / Lund, 1975. С. 8.
6. Ролларп F. Lexicon treisazybnyi. Dictionarium trilingue. Moskva, 1704 (=München, 1988).
7. Биргегорд У. Глоссарий русского разговорного языка конца 17-го века // *Kling*. 1975. № 2.

Алексеев А.А.

Демьянин В.Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века: М.: Наука, 1990. 160 с.

Одним из крупнейших достижений отечественной исторической русистики в последние десятилетия явилось издание целого ряда памятников письменности XI—XVII вв. — от "Синайского патерика" и "Изборника 1076 г." до "Грамоты" и "Вестей-Курантов". Именно этот последний источник [1—4], представляющий собой рукописные известия о событиях за рубежом, т.е., по сути дела, первую русскую газету, лучше многих других отражает обиходный русский язык XVII столетия — в значительной мере свободный от церковно-славянского влияния и в то же время относительно упорядоченный, поскольку вести-куранты предназначались для августейших особ. Активным участником много летней работы по публикации курантов является В.Г. Демьянин. Рецензируемая книга — результат наблюдений автора над иноязычной лексикой в "Вестях-Курантах" и других письменных памятниках XVII в., как опубликованных, так и ожидающих издания.

По справедливому замечанию В.Г. Демьянина, основными исследованиями об исто-

рии заимствований в указанный период до сих пор остаются "устаревающие с каждым годом всё более" работы Н.А. Смирнова [5] и В. Христиани [6] (с. 5). Выходящие сейчас исторические и этимологические словари, к сожалению, не всегда учитывают материал вновь изданных текстов, и поэтому хронология заимствований нередко отодвигается на пятьдесят, сто, а то и более лет позднее действительной даты первой фиксации. Так, например, в [7] сообщается, что слово *корсар*, заимствованное в конце XVII в., зафиксировано в современной форме лишь в 1782 г.; между тем производное *корсарский*, засвидетельствованное в [3], позволяет отнести данное заимствование к первой половине XVII в. В том же источнике представлена форма *корасир*, хотя по данным [7] это слово было заимствовано только в Петровскую эпоху. Таким образом, уже сам факт введения в научный оборот обширного материала, относящегося к заимствованиям, обусловливает существенное значение рецензируемого труда для русской исторической лексикологии.

Однако, как яствует из названия, целью исследования, предпринятого В.Г. Демьянином, является не лексико-фактографическое описание, а подробный анализ путей освоения иноязычной лексики в русском языке — анализ, актуальность которого еще

45 лет назад подчеркивал В.В. Виноградов, отмечавший, что "изображению приемов и принципов русификации заимствований у нас не посвящено ни одной работы" [8]. Книга В.Г. Демьянова, являющаяся первой обобщающей монографией в этой области русистики, привлекает прежде всего широким охватом языковых фактов: в ней анализируются заимствования из польского, немецкого, английского, французского, греческого, латинского языков. Принципиально важным представляется проводимое в работе поголовное разграничение языка-источника в его этимологическом значении и языка-посредника, из которого непосредственно пришло заимствованное слово. Эта дифференциация позволяет избежать распространенного в лексикологических и этимологических трудах "перескакивания" через опосредствующие звенья, затмняющего причины особого оформления заимствованного слова, отличного от формы языка-источника (примером может служить слово *fundament*, обвязанное своей огласовкой не итал. *fondamento*, а польск. *fundamen*; — с. 24). В.Г. Демьянов рассматривает заимствование "как процесс постепенной, протекающей во времени и пространстве адаптации, т.е. приспособление иноязычного слова к разным сторонам системы языка-рецептора", "процесс по преимуществу диахронический" (с. 9). Именно этими особенностями объясняется вариативность осваиваемых слов, связанная с наличием вариантов не только в языке-рецепторе (русском), но и в языках-посредниках, ср.: *архиепископ* — *арцугбископ*, *архибискуп*, *архиепискуп*, *арцыбискуп*, *арцыбископ*; *инженер* — *идженер*, *инженэр*, *инженер*, *инженюар*, *инженюар*, *ижинер*.

В отличие от имеющихся работ по заимствованиям, автор уделяет большое внимание ономастике. Такой подход вполне оправдан, так как имена собственные, вне сомнения, составляют наиболее весомую часть иноязычной лексики "Вестей-Курантов", и отказ от этого богатейшего материала существенно обеднил бы исследование: достаточно сказать, что такие употребительные топонимы, как *Лейпциг* или *Вена*, только в первом томе [1] представлены пятью-десятью вариантами: *Лейцих*, *Лейптих*, *Лейциг*, *Лейцник*, *Лейцих*, *Лепциг*, *Липцих*, *Липцих*, *Любцих*, *Люпцих*; *Вена*, *Ведна*, *Веден*, *Ведни*, *Вен*, *Виден* — а кардинал Ришелье именуется *Ричелиев*, *Ритчилив*, *Рихелейский*, *Рихелиен*, *Ричеливе*.

"Базой наблюдений над способами адаптации", по словам автора, послужили субSTITУЦИИ, т.е. "русские звуки, представле-

ные в письменно зафиксированной форме, которым соответствуют, для которых являются исходными звуки внешнего источника — языка-посредника" (с. 14—15). В.Г. Демьянов выделяет восемь способов адаптации иноязычных слов: упрощение вокальных групп (франц. *Orléans* > *Орлинского*, *Орланского*, *Орленскому*, *Орлиансъ*), контаминацию (*альбастровые* < ст.-франц. *albastre* и польск. *albastrowy*), ассимиляцию (польск. *senatство* "сенаторы" > *санадства*), диссимилацию, (ср.-греч. *λαρπάδα* > *ланпада*), метатезу (франц. *hallebarde* > *алебадр*), морфологическую аналогию (лат. *aqua vitae* > *яковитое вино*, ср. прилагательные с суф. -овитый), лексико-семантическую аналогию (польск. *kardynał* > *гординал*, ср. *гордый*), гиперкоррекцию (скиветр < скїпетр — во избежание "русского" *и* типа *парус*).

Большой заслугой автора следует признать систематизацию весьма разнородных и, казалось бы, не укладывающихся ни в какие рамки вариантов; В.Г. Демьянов доказательно и четко продемонстрировал механизм освоения иноязычного слова, приспособления его к фонетическим законам языка-рецептора. Нельзя не отметить, впрочем, что слабой стороной работы является ее недостаточная историко-фонологическая оснащенность. Хотя сам автор признает нерелевантность праславянских слоговых законов для XVII в., в книге неоднократно упоминается закон восходящей звучности; сдва ли также неправомерность написания *майор* связана с отсутствием "отражения регулярного еще праслав. перехода *jo* > *je*" (с. 13): переход [e] > [o], осуществившийся задолго до XVII в., нередко отражается и в нормированной орографии (*плечо*, *поджог*). Углублению фонетического анализа несомненно способствовало бы привлечение данных исторической фонетики и диалектологии русского языка (В.В. Колесов, К.В. Горшкова).

Сложность и неоднородность рассматриваемого В.Г. Демьяновым материала неизбежно должны были привести к формулированию небесспорных, а иногда и ошибочных положений. Объяснения встречающиеся в [4] форму *бордеуксерия* "жителя Бордо" как контаминацию немецкого суфф. -er и русского собирательного -ня (с. 53—54), автор упускает из виду, что указанный русский суффикс приобрел собирательное значение позже исследуемого периода (ср. совр. *ребятнина*, *солдатни*); тот факт, что в анализируемой форме буква *r* написана над строкой, позволяет прочесть это слово как *бордеуксереня* — и тем самым поставить его в один ряд с обычными формами

им. падежа мн. числа типа *француженя*, *шкотчена* и т.п. (по этой же модели, а не от притяжательного прилагательного на *-s* образовано, очевидно, и слово *инчикина* "сторонники генерала Иничкина" — с. 104). Наличие двух вариантов *клистер* и *клистир* — объясняется, как мы полагаем, не ассимиляцией [e] и [i] (с. 62—63), а разными источниками заимствования: в первом случае латинским (*clyster*), во втором — греческим (κλυστήρ). Изменение [nф] > [мф] типа нем. *Genf* > *Ельеа*, несомненно, представляет собой пример ассимиляции по способу образования ([н] уподобляется губному [ф]), а не диссимилиации (с. 72). Форма *мраморъ* может быть интерпретирована не как следствие метатезы лат. *marmor* (с. 80), а как закономерный неполногласный коррелят к древнерусскому *мороморь*.

Творческий подход автора к исследуемому материалу наиболее ярко проявился в главах, посвященных морфологической и лексико-семантической аналогии. Здесь встречаются такие остроумные и изящные сопоставления, как, например: *χωράφος* > *изографъ* "иконописец" — тот, кто *изукрашивает иконы*; *φύλακος* > *налокъ* "столик, на который кладутся, возлагаются церковные принадлежности"; лат. *fistula* > систель (трубка, которая может издавать свист); *камата* < польск. *kometą* "хвостатая, косматая звезда"; *боярский* < нем. *bauernisch* [курфюрст Баварский занял в Германии в период 30-летней войны сановитый пост "боярина", главы протестантской лиги] (с. 107); отметим только, что в действительности Максимилиан Баварский возглавлял Католическую лигу]. Оригинальным и неожиданным является сопоставление формы *коретта* (огласовка, весьма распространенная в XVII столетии) с *корыто*, подтверждаемое контекстами типа: показания намъ три корѣты ис того же камене рѣзаныхъ, иже исполнени водою (с. 109—110). Несколько натянутой представляется интерпретация названия *Вильтальянская земля*, как контаминации нем. *Vellin* и *Italien*; более правдоподобной кажется прямая связь с итал. *Vallolina*. Столъ же произвольно, как мы полагаем, объяснять форму *китоварасъ* < κένταυρος мнимым сходством "сказочного животного" кентавра и кита (с. 104).

В целом, однако, монография В.Г. Демьянова отличается щадительным отбором и тонким анализом языкового материала. Несмотря на сложность текста, иногда даже переполненного экземплифицирующими све-

дениями, книга почти свободна от ошибок и опечаток [укажем единичные случаи: лат. род. падеж *reipublicae* вм. правильного *rei publicae* (с. 39), греч Θεόδωρος вм. Θεόδωρος, виз [f] вм. [th] или [θ] (с. 51), нем. *Jochanniter* "иоаннит" вм. *Johanniter* (с. 54), греч Ἰησοῦς вм. Ιησοῦς (с. 100)]. Будучи практически первым опытом описания фонетико-морфологической адаптации иноязычной лексики в русском языке XVII в., рецензируемая работа намечает конкретные направления дальнейших исследований в этой области. Заслуживает, в частности, всяческой поддержки предложение автора о подготовке "хронологического словаря иноязычных заимствований XVII в. (а может быть и XVI в.)" (с. 5). Не вызывает сомнений необходимость более полного изучения процессов освоения иностранных слов — не только в фонетическом, но и в собственно морфологическом, словообразовательном, синтаксическом аспектах. Некоторые предварительные публикации автора [9] дают основания ожидать более подробного описания всех явлений, связанных с обогащением словарного состава в начальный период формирования русского национального языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вести-Куранты 1600—1639 гг. / Изд. подгот. Тарабасова Н.И., Демьянов В.Г., Сумкина А.И.; Под ред. Коткова С.И. М., 1972.
2. Вести-Куранты. 1642—1644 гг. / Изд. подгот. Тарабасова Н.И., Демьянов В.Г., Сумкина А.И.; Под ред. Коткова С.И. М., 1976.
3. Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Тарабасова Н.И., Демьянов В.Г.; Под ред. Коткова С.И. М., 1980.
4. Вести-Куранты. 1648—1650 гг. / Изд. подгот. Демьянов В.Г., Бахтурин Р.В.; Под ред. Коткова С.И. М., 1983.
5. Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык при Петре Великом // Сб. ОРЯС. 1904 Т. 78
6. Christiani W. Über das Eindringen von Fremdwörter in die russische Schriftsprache des 17. und 18 Jahrhunderts. В., 1906.
7. Этимологический словарь русского языка / Под рук. и ред. Шансского Н.М. Т. II. Вып. 8. М., 1982.
8. Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII—XIX вв. // Виноградов В.В. Иэбр. тр. История русского литературного языка. М., 1978.
9. Демьянов В.Г. О некоторых явлениях лексико-семантических контактов русского языка с польским в XVII в. // Закономерности языковой эволюции: Тез. докл. Рига, 1990.

Крысько В.Б.

Маковский М.М. Лингвистическая генетика. Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1992. 200 с.

Проблемы изоморфизма генетических и языковых процессов, впервые подмеченные Р. Якобсоном, в последнее время привлекают к себе внимание языковедов различных профилей [1—4]. В большинстве специальных работ [5—7] на первый план выдвигается семиотический аспект проблемы — изоморфизм генетического и языкового кодов, но обычно не уделяется внимания исследованию внутренних и внешних механизмов языковой эволюции. В рецензируемой монографии, которая продолжает изыскания автора в области диалектики лексико-семантических систем (ср. [8—10]), на большом фактическом материале и.е. языков делается попытка раскрыть внутренний механизм языковых преобразований на основе генетических закономерностей, причем язык рассматривается и как целостный феномен, и в плане отдельных его звеньев, находящихся в комплементарных отношениях друг с другом. При этом М.М. Маковский выдвигает оригинальную концепцию функциональной сущности отдельных элементов слова (корень, преформант, инфикс, детерминант).

Движущими силами языка, обеспечивающими его жизнеспособность и возможность эволюции, являются стремление к самосохранению и пресмественности, т.е. созданию определенной языковой экологии, благоприятной для существования и развития того или иного языкового механизма или языковой схемы в рамках определенной языковой среды. В то же время в языке постоянно действуют силы, нарушающие его экологию и заставляющие язык приспособливаться к изменяющейся комбинаторике. Наследственность и изменчивость — два изначальных свойства жизни не только органического мира, но и языка. Одно начало — консервативное, другое — революционное. Изменчивость поставляет материал для эволюции, наследственность же закрепляет ее результаты.

Автор отмечает, что язык — это самоизорождающийся, самонастраивающийся и саморегулируемый феномен. Важно иметь в виду, что в языке представлены два самостоятельных "горизонтальных" генетических начала: цепочка потенциально возможных семантических признаков (семантическая парадигма) и различные комбинации фономорфологических элементов. Каждое из этих начал, взятое в отдельности, не несет никакой генетической информации:

рально в языке отдельные участки данных континуумов представлены в дополнительной (комплементарной) дистрибуции, т.е. в вертикальной проекции. Только в этом случае возникает "живой организм", "живая клетка" языка — слово, являющееся носителем своеобразного, присущего только ему "генного механизма", вызванного к жизни определенными комбинаторными реакциями на предшествующих временных срезах его существования. Предметом лингвистической генетики, как отмечает автор, является "исследование закономерностей генетических преобразований в языке, приводящих к наследственному изменению или сохранению определенных признаков, свойств, значений в сочетании с определенными материальными конфигурациями, а также анализ особенностей распределения конкретных свойств и форм во времени", утраты и приобретения определенных квантов языковой "энергии" (с. 14).

Под языковым "геном" М.М. Маковский понимает внутренний семиотический фактор, возникающий в том или ином окружении (в той или иной языковой среде) в результате комбинаторной селекции и последующего объединения неодинаковых отрезков семантических и фономорфологических последовательностей, представленных в языке (внешняя семиотика). Именно языковые "гены" регулируют жизнеспособность, формы существования и изменчивость (неизменность) слова как мельчайшей живой "клетки" языка.

Особо подчеркивается важность принципа дополнительности (комплементарности) в генетических процессах. При этом отмечается следующая антиномия — несоответствие между количеством и качеством значений, требуемых ограниченным набором форм, и количеством и качеством форм, требуемых этими значениями. Эта антиномия явно перекликается с семиотическим законом асимметрии.

Среди генетических характеристик, заложенных в языковой код любого слова, наряду с качественными, количественными, топологическими показателями, имеет значение фактор лингвистического времени. Автор уже и раньше проводил исследование проблемы лингвистического времени [11]. В рецензируемой монографии он углубляет свои прежние выводы. Время ограничивает возможности существования того или иного слова как материальной величины, а то или иное слово мыслимо только в пределах ограниченного времени, которое, наряду с языковым пространством, является, таким образом, генетическим

признаком. Именно лингвистическое время во многом определяет возможность (невозможность) реализации генетических потенций того или иного слова. Вследствие этого отдельные лексемы так называемого "стабильного фонда" (например, анг. *house*, *map*, *red*, *white* и др.), видимо, следует признать не одним и тем же словом, оставшимся "неизменным" в течение веков, а различными словами, неоднократно генетически воспроизведенными. В работе подчеркивается, что гены характеризуются не только неодинаковой силой воздействия на определенный признак, но и неодинаковы по направленности своего воздействия.

В основной части рецензируемой монографии на большом фактическом материале убедительно показывается, что в языке можно наблюдать действие генетических закономерностей, изоморфных тем, которые были установлены Г. Менделем: 1) единство изыковых единиц "первого поколения" по тому или иному признаку (преобладание доминантных признаков над рецессивными); 2) расщепление признаков во "втором поколении" (кратные отношения различных признаков в "поколениях", следующих за первым, не сходные с кратными отношениями признаков в первом "поколении", где доминантным оказывается какой-то один признак); 3) независимое наследование признаков (особенности генерации формальных признаков независимы от способов генерации значений). В качестве примера на третий генетический закон в языке можно указать на так называемые семасиологические преобразования, т.е. на случаи, в которых независимо от той или иной формы происходят совершенно одинаковые преобразования значений (с. 46—71).

Представляет интерес развивающаяся в работе М.М. Маковского идея о "внутренней" и "внешней" семиотике: за внешним существованием слова в языке неизменно стоят "скрытые" генетические процессы. Внутренняя генетическая семиотика, т.е. определенная генетически маркированная комбинаторная схема, экстраполируется на уровень внешней генетической семиотики посредством добавления или утраты генетических экспонентов (преформантов, инфиксом, детерминативов), реализуемых в определенных дистантных сочетаниях, в определенных сочетаниях и в определенном порядке в пределах лингвистического пространства и времени. При этом внутренняя генетическая схема на внешнем уровне может иметь соответствия, не совпадающие с генетической схемой, или на том или ином

участке вообще не отражаться на внешнем уровне.

Ссылаясь на новейшие специальные исследования, М.М. Маковский указывает, что наиболее древними артикулируемыми единицами человеческого языка были сочетания ("илеоморфы") полугласных (ларингальных) с гласными (*undivided vocsonants*), т.е. корень был двусоставным. Поскольку гласные не выступают в качестве подвижных элементов корня, можно полагать, что именно указанный комплекс полугласного и гласного первоначально выступал в качестве ядра и.е. корня, а вокруг него группировались различные консонантные экспоненты. Любопытно, что сочетание полугласного и гласного в индоевропейском первоначально выступало только в значении "резать, гнуть", которое в дальнейшем легло в основу самых различных семантических парадигм. Как показано в работе, в языке филогенез коррелирует с онтогенезом [12].

В результате присоединения экспонентов (формативов) к корню в пределах слова возникает несколько сосуществующих корней, каждый из которых, однако, сохраняет (наследует) значение исходного корня. С другой стороны, новые значения не изменяют форму слова — она наследуется; ср. и.е. *eg- "гнуть" > *leg- (*lei- + *eg-), *eg- > *seg- (*sei- + *eg-), *eg- > *reg- : *bherg- : *dherg-, *merg- : *perg- : *serg- : *terg- : *rei-, *bhau-, *mei-, *pei-, *sei-, (s)teu- + *eg- > *leg- > *pleg- (*eg- + *lei-; *eg- + *pel- + *el + *pei-) "гнуть". Впоследствии каждый из корней, возникший в пределах единого слова, как бы в утробе матери, находясь в однородной среде, нередко оказывается в различных измерениях языкового пространства, а отдельные корни занимают иерархически неравнопоченное положение внутри слова, в связи с чем сначала возникает многозначность слова или различные преобразования его формы (переразложение, опрошение, редупликация, эллипсис), а затем отторжение корней и включение их в различные генетические континуумы.

По мере генетического развертывания по одной линии можно наблюдать различное количество и качество "потомков", причем это количество и качество в течение нескольких "поколений" остается стабильным, а в других поколениях может последовательно то увеличиваться, то уменьшаться. Большую роль здесь играют процессы конвергенции и дивергенции, а также перекодирования и изоляции.

Особо исследуются в работе М.М. Маковского процессы мутаций. Речь идет об интерференции разного рода фенотипи-

ческих факторов, ведущих к преобразованию исходного генетического архетипа. В этой связи следует указать на интерференцию разного рода элементов сакрального культа. Так, слово воспринималось язычниками как сакральный Логос, в котором большую роль играло количество определенных фономорфологических элементов и их расположение по отношению друг к другу, что не могло не сказаться на структуре и.е. слова. Спонтанное нарушение изначальных генетических признаков (мутация) проявляется также при переразложении и опрощении, а в случае значений — при воздействии мифологической символики на язык. Не подлежит сомнению квантовая природа мутации: она возникает в прямой зависимости от нарушения динамического равновесия языковой энергии как внутри языкового комплекса, так и между отдельными лексико-семантическими комплексами. В результате происходит генетическое "смещение" как на фономорфологическом уровне, так и на семантической плоскости (ср. с. 153—169).

В ходе генетического развития кратные соотношения синонимов и несинонимов в той или иной языковой "популяции" могут изменяться в строго определенных количественных и качественных пропорциях, каждый раз неодинаковых. Прежние синонимы (или некоторые из них) в процессе генетических преобразований могут перестать быть таковыми, а в языке могут появиться новые синонимы. Возможна возникновение псевдосинонимов и псевдоомонимов, т.е. сочетающихся с различными (resp. одинаковыми) формативами вариантов одного и того же корня: в случае максимума вариации формы при минимуме вариации значения перед нами псевдосинонимы, при обратном соотношении — псевдоомонимы. Ср. соответственно и.-е. *ker- "Schall", *ker- "brennen", *ker- "Farbe", *ker- "Kopf, Hörn", *ker- "wachsen", *ker- "verschreiten", а с другой стороны, — и.-е. *kel-, *pel-, *mel-, *del — все в значении "резать, бить". В первом случае перед нами корень *er-, а во втором корень *el- с преформантами. Так, понятие "верить" в и.-е. языках выражается различными генетическими вариантами корня *er-/ *el-, -*es-/ *ek: ср. лат. *c-re-dere* (*er-); русск. верить (*-er-yer-), др.-в.-нем. *gi-lou-ban* (-el-); греч. πιστέω (-es-); литов. *likēti* (-ek-). Интересно, что все указанные слова со значением "верить" соотносятся со словами, имеющими значение "рогатый скот" (как небожитель, объект поклонения): ср. др.-в.-нем. *gi-lou-ban* "верить", но лтш. *lubps* "скот", алб. *lopë* "корова"; лат. *credere* "верить", но др.-англ. *hrider* "скот". лат. *fides* "вера", однако литов. *bandà* "скот", ср. нем. *binden*.

Band; русск. верить, но лат. *verres* "Eber", ср. *vervex* "Hamstel" (ср. *er- "Bock", "Schaf", "Kuh"); лтш. *ticēt*, литов. *likēti* "верить", но др.-англ. *ticcen* "Zicklein", норм. *læka* "Schaf".

Любое слово — это генетическая формула, несущая информацию о его типологическом, качественном, количественном статусе, о его жизнеспособности в той или иной среде, возможном направлении развития и др. Информация эта по необходимости носит стохастический характер и различна у каждого слова в синхронии и в диахронии. Направленность в будущее — это смысл и движущая сила существования слов и связанных с ним значений. В каждой лексической единице прошлое как бы глядится в будущее.

Рецензируемая книга М.М. Маковского является несомненным творческим успехом автора. Перед нами одно из первых (см. [13]) монографических исследований скрытых языковых процессов, своеобразных явлений "черного ящика" — генетических механизмов, управляющих жизнью и смертью языковых элементов. Нет сомнения в том, что эта книга будет с удовлетворением встречена не только специалистами, но и неспециалистами, интересующимися особенностями взаимодействия внутренних механизмов языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гамкрелидзе Т.В. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // ВЯ. 1988 № 3.
- Гельфанд М.С. Колы генетического языка и естественный язык // ВЯ. 1990. № 6.
- Лагаянц И.Э., Милованова Л.С. Новейшие исследования языковой функции мозга // ВЯ. 1992. № 2.
- Бичакджян Б.Х. Эволюция языка: развитие в свете теории Дарвина // ВЯ. 1992. № 2.
- Jakobson R. Linguistics // Main trends of research in the social and human sciences. I. Paris; The Hague, 1970.
- Smith N.F. Semantic and syntactic patterns in the genetic language // Biomolecular data / Ed. by Schwartz D.G., MacDonell M.L., Cellwell R.R. Oxford: New York, 1989.
- Typology and genetics of language / Ed. by Thrane I. et al. Copenhagen, 1980.
- Маковский М.М. Теория лексической аттракции. М., 1971.
- Маковский М.М. Системность и ясисточность в языке. М., 1980.
- Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика. М., 1988.
- Маковский М.М. Понятие лингвистического времени // ИЯШ. 1976. № 6.
- Gould S.J. Ontogeny and phylogeny. Cambridge (Mass.), 1977.
- Bichakjian B.N. Evolution in language. Ann Arbor, 1989.

Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie / Begründet und herausgegeben von Schröpfer J. unter Mitarbeit von A. Höning A. Bd I. Lf. 5/6, 7/8. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1989. S. 195—514.

Теоретический интерес к ономасиологии постоянно стимулируется чисто практическими, лексикографическими потребностями: составление словарей, как можно полнее и объективнее отражающих "картину мира" того или иного языка или группы языков, — одна из наиболее важных и перспективных задач лингвистики. Хотя материалов для словарей такого рода языковеды накопили немало, завершенных лексикографических трудов здесь единицы. В индоевропеистике до последнего времени можно отметить следующие немногочисленные словари: К.Д. Бака [1], Кс. Деламарра [2] и краткий словарь М.М. Маковского [3].

Такие усилия обычно оканчиваются с лихвой, ибо в сфере этимологии изосемантические аргументы до сих пор остаются наиболее уязвимыми и спорадическими по сравнению с математически четким фонологическими, морфологическими, лингвогеографическими и т.п.

Рецензируемый словарь, публикация которого началась в Гейдельбергском университете, в значительной мере облегчит такие поиски. Основатель этого словаря — проф. И. Шрёпфер, посвятивший всю свою научную жизнь ономасиологическим и этимологическим разысканиям. Известный индоевропеист с особым интересом к славистике, он более 50 лет накапливал материалы, неутомимо пополняя свою уникальную картотеку с помощью учеников. По многим из словарных статей и изосемантических рядов им и его учениками проведены предварительные специальные исследования, часть из которых опубликована в различных изданиях, особенно в выпусках ежегодника "Semantische Hefte". Словарь — и искомое, и итог этого ономасиологического марафона. Материальная основа словаря — "Archiv für vergleichende Semantik" (Archiv für vergleichende Semantik) — составляет в настоящее время более 3000 гнездовых словарных статей, представляющих свыше 10 000 понятий. В картотеке авторов содержится более 220 000 карточек, распределенных в соответствии с предварительно разработанной системой.

Вышедшие тетради первого тома (вып. 1—8) вместили в себя тематические группы "понимать", "быть, бытие", "действительность", "подлинный, правильный", "вещь, предмет", "материя", "форма", "причина",

"пель" (вып. 1—2); "нуль", "один", "два", "три", "четыре", "пять" (вып. 3—4); "шесть", "семь", "восемь", "девять", "десять", "одиннадцать", "двенадцать", "двадцать", "сто", "тысяча", "время", "всегда", "никогда", "вдруг", "начать", "лититься", "прекратить-ся", "теперь" (вып. 5—6); "новый", "сразу", "прошлое", "вчера", "старый", "будущее", "потом", "завтра", "утро", "поздень", "вечер", "ночь", "час", "день", "неделя", "год", "дни недели", "весна", "лето", "осень", "зима", "январь" (вып. 7—8). В тематическую группу "Бытие" (Sachgruppe "Sein") включены наименования числительных и группа "Время", содержащая не только чисто темпоральные лексемы, но и глагольную лексику со значением "начинать", "продолжаться", наречия типа "никогда", "всегда" и т.д. Ориентироваться в этом материале довольно легко, ибо соответствующие лексемы выделены в верхней части страницы и сопровождены числовыми указателями групп, подгрупп, рядов и т.п. (см. рецензию А.Е. Аникина на выпуск 1—5 рассматриваемого словаря в [4]).

Сами составители подчеркивают "синоптический характер" своего словаря. Будучи, однако, "синоптическим", этот словарь ориентируется на новейшие этимологические версии. При этом широкие индоевропейские и неиндоевропейские языковые параллели и исследовательский опыт авторов в большинстве случаев обеспечивают объективность такой ориентации: читатель в итоге получает наиболее убедительную версию, вставленную в ономасиологическую "парадигму" общего словарного контура.

Материал, на который опираются составители, столь обширен, что делает словарь справочником не только по индоевропеистике, но и по тюркологии, финно-угроведению, китаистике и т.п. В спектр ономасиологической группировки попадают все славянские, германские, романские и другие и.-е. языки (включая и такие, как полабский, древнеармянский, албанский, аккадский и т.п.); во многих местах, однако, мы найдем и китайские, японские, древнесирийские, древнетюркские, турецкие, древнеевропейские и прочие изосемантические параллели, которые убедительно демонстрируют универсальность человеческих представлений о словом "бытии" и о "временном" сознании. При этом составители не ограничиваются, подобно К. Баку, материалом литературных языков: они обильно снабжают словарные статьи материалом диалектным, просторечным, сленговым, жаргонным. Диалектические данные для них передко даже оказываются предпочтительнее литературных

или во всяком случае — равноподчиненными: ср., например, литов. *vėliais* "потом, после" (вып. 7—8, с. 420), укр. ярь "весна" (вып. 7—8, с. 489), русск. (прост.) *шабашка, шабашить, шабашник* (вып. 7—8, с. 484) и т. п. Эти данные извлекаются не только из словарей, но и из самой современной "художественной" литературы — для русского языка, например, используя роман В. Астафьева "Царь-рыба" (вып. 5—6, с. 265). Славистический поиск здесь особенно проявляется в фиксации основных дифференциальных показателей между литературными языками и просторечием: так, для чешского языка авторы регулярно приводят формы так называемой "обесцнě щѣтнý" (обычной речи) типа *zejra* вм. *zlitra* (вып. 7—8, с. 426).

Поиски все нового материала авторами ведутся поистине неутомимо. При этих поисках пересекаются не только границы близкородственных языков, но и хронологические рамки. Особенно это видно в словарных статьях, посвященных временным понятиям. Характерно такое примечание в конце 8-го выпуска: "Греческие документы в Египте обнаруживают систему египетских наименований месяцев, — повод для того, чтобы автор предпочел продуманную систему египетского времязчисления намного более запутанной системе греческой" (вып. 7—8, с. 514). Такие языковые и хронологические "перепады" могут, возможно, вызвать некоторый скепсис у "чистого" этимолога, воспитанного на строгой хронологической последовательности языковых изменений, но для лингвиста, интересующегося универсальной семантикой, они покажутся вполне оправданными. Вполне оправдано и подключение к семантическим группам лексем, относящихся к различным частям речи.

Одно из основных искомых в словаре — универсальные мотивации родственных понятий. И авторы убедительно демонстрируют такую универсальность на материале разных языков. Универсальность общей мотивации, универсальность различных коннотаций, пересекаемость ассоциативных линий четко проступают сквозь конкретную лексемную разнородность материала. Много общего, например, в мотивации понятий "Время", "Сегодня", "Месяц", "Новый", "Настоящий" и т. п. Конечно, это общее — относительно и создается не всегда одинаковыми средствами. Авторы понимают это и потому нередко совершают экскурсы за пределы чисто языковых связей. В словаре есть апелляции и к мифологии (с. 227), и к хронометристике (вып. 5—6, с. 197), и к истории (вып. 5—6, с. 200), и к фольклору (вып. 5—6, с. 214), и к другим экстралингвистическим реальностям. Понятно, что

чисто языковым факторам семантических вариаций уделено еще больше места — авторы, в частности, особенно внимательны к синонимии и полисемии описываемой лексики.

Немало в словаре и отдельных чисто лексических миниатюр очеркового типа, превращающих лексикографическую книгу в авторское повествование. Этому способствует неожиданность (неожиданность, естественно, для читателя) семантических сопряжений. Таковы, например, словарные статьи типа очерка о понятии "Миг", где русск. *мгновение* пересекается и с литов. *akimirkas*, с венг. *pillanat*, и с алб. *za cel e mbyl kute*, и с массой идиоматики разных языков (с. 279). Таковы "переклички" типа русск. диал. *кон* "начало" и турецк. *yarmak* "приходить", "достигать" (с. 344), имеющие эпистическую ценность.

Словом, достоинства словаря несомненные. И если читатель находит в нем и некоторые недочеты или дискуссионные моменты, то это неудивительно: объект описания столь широк, а глубина проникновения в многоязычное Слово столь неизмерима, что узкому специалисту всегда найдется повод для уточнений.

Автор настоящей рецензии как фразеолог в первую очередь обращает внимание на диспропорциональность в лексикографической обработке идиоматики по сравнению с лексикой. Во многих местах словаря даны экскурсы в идиоматику — и это справедливо, ибо фразеологический состав, несомненно, активно участвует в идеографическом начертании окружающего мира. Некоторые семантические группы насквозь пронизаны идиоматикой — например, группа "Никогда", которая, в сущности, во многом отражает именно "фразеологическую картину мира", а не чисто лексическую, понятийную, номинативную. Фразеология по своей семантической сущности экспрессивна, а следовательно, и тяготеет к обозначению таких экспрессивных понятий, как временной цикл "Никогда", ср.: *когда рак на горе свистнет, не успеет стриженная девка косы заплести, на Морковкино заговенье, на турецкий барабан* и т. д. Составители словаря, как уже сказано, не игнорируют идиоматики — и в этом их несомненная заслуга, ибо большинство этимологических словарей "грешат" полным невниманием к этой важной части словарного состава.

Принцип привлечения идиоматического материала, однако, в словаре оказывается спорадическим. Так, при описании понятия "Прошлое" авторы справедливо подчеркивают, что многие его обозначения характеризуются иллюзорностью, и приводят такие

идиомы, как нем. *zu Olims Zeiten*, *als Eva spann*, русск. *при царе Горюхе*, серб.-хорв. *za Kulira bana*, итал. *il tempo che Berta filava* (с. 389—390). Для понятия же "Никогда", где такой идиоматический ряд еще более активен, приводится уже иной языковой "набор" оборотов, носящий явно случайный характер: нем. *am St. Nimmerleinstag*, польск. *jak będzie w maju karnawał*, франц. *quand les poules auront des dents* (с. 300). Еще более бросаются в глаза такие спорадические отсылки в случаях, когда авторы отсылают к близкородственным языкам: например, приводится выражение *перши півні, другі півні и треті півні* из украинского языка, причем в сопоставлении с русскими диалектными лексемами *нечвзглас*, *нёвголос* и тибет. *mt'san* "ночь" (с. 448), а русск. *первые петухи пропели, вторые петухи пропели и третьи петухи пропели* не упоминается. Такие случаи могут создать впечатление о диспропорциональности идиоматических параллелей на одну семантическую "тему".

Дискуссионными кажутся и некоторые общие вопросы, поставленные составителями. Таково утверждение, что понятие времени "молже" понятия пространства (с. 255 и 269). Триада "время — пространство — действие", как кажется, развивалась и в реальной действительности, и в ее осмыслиении человеком, и в ее языковом отражении в тесной взаимозависимости, и пытаться установить хронологическую иерархию ее динамики — задача весьма проблематичная. Можно пожелать составителям и более последовательно разграничивать актуальные и широко употребительные лексемы от устаревших, архаичных (ср. чеш. *pos*, *temnota* и *temto*, располагаемые в едином ряду, без такого разграничения — с. 446). Для некоторых случаев можно предложить иное "стержневое слово": например, в ряду *aufhören/ to cease / finir / перестать* русское слово можно заменить словом *кончить*, тем более, что в соответствующей статье

речь идет именно о глаголах с "конечной" семантикой (с. 333—349). Выбор таких слов-доминант вообще следовало бы где-либо объяснить, ибо от оперативности их нахождения зависит диапазон возможностей использования самого словаря.

При всей пунктуальности передачи столь обильного языкового материала (словарь набран на компьютере, тщательно выверен и отредактирован) прилирчный читатель может обнаружить и отдельные опечатки: чеш. *tisícero* вм. *tisícero* (с. 242), русск. *воскесёнье* вм. *воскресёнье* (с. 251), *jazyka ceského a slovenského* вм. *ceského a slovenského* (с. 254) и др.

Не такие спорные моменты и тем более не такие мелочи, однако, редевантны для рецензируемого словаря. Перед читателем — монументальный этимологический труд, подытоживающий исследовательскую работу нескольких поколений индоевропеистов. Труд оригинальный, выросший на базе продуманной теоретической концепции и обобщения огромного фактического материала. Многие этимологии, лексикологи и лексикографы с нетерпением ждут следующих выпусков этого словаря и желают довести его выход до последней буквы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago; London, 1949
2. Delamarre X. Le vocabulaire indo-européen: Lexique étymologique thématique Р., 1984.
3. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике М., 1989
4. Аникин А.Е. // Этимология. 1982. М., 1984. Рец. на кн. Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie / Begründet von Schröpfer J.

Макиенко В.М.

Технический редактор Т.И. Васильева

Сдано в набор 29.10.92

Подписано к печати 11.12.92 г.

Формат бумаги 70×100½

Офсетная печать

Усл.печл 15,0

Усл.кр.-отт 37,0 тыс.

Уч.-издл 15,5

Бум. л. 5,0

Тираж 2 796 экз.

Зак. 3600

Цена 10р. 80к.

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Воронка, 18/2. Институт русского языка,
телефон 201-74-42

2-я типография издательства "Наука", 121090 Москва, Г-99, Шубинский пер., 6